

ТАТЬЯНА ИВАНЬКО

18+

18+

КНИГА 3

БАЙКАЛ

" — Это мне очень нравится, Ая, что ты считаешь себя сумасшедшей! - веселясь, рассмеялся Дьявол. - Это от ума и образованности, это я люблю больше всего. Не верь ничему - это мои лучшие силки, которыми я ловлю ваши душонки. Невсорящие и пустые - вы первые моя добыча.

Он захохотал опять.

— Где пустота в сердцах, там - Я! - радостно провозгласил Сатана."

Калуга, 2020

Байкал

Татьяна Иванько

Байкал. Книга 3

«Автор»

2021

Иванько Т. В.

Байкал. Книга 3 / Т. В. Иванько — «Автор», 2021 — (Байкал)

ISBN 978-5-532-94739-9

Гибель близких, что может быть страшнее? Как это пережить? Возможно ли это? Бегство от прошлого и родных земель поможет забыть потери и утешить раны? Жизнь и Смерть в вечной борьбе друг с другом, кто победит? Что сильнее, Добро или Зло? Свет или Тьма? Распад или созидание? Герои продолжают пытаться ответить на эти вопросы, найти свой путь, в поисках будущего или прошлого, новые страны, встречи и открытия, опасные приключения. Что принесёт гибель, конец всего или новые пути? Как обмануть Смерть и остаться в выигрыше? Что и кого встретит Аяя, убегая от своего горя, что принесут эти встречи, забвение и новое счастье или смертельный капкан и гибель? Предвечные со всего света впервые окажутся все вместе, волею случая или высших сил приведённые в одно и то же место, чтобы спасти ту, кого поймали в силки Смерть и Дьявол. Удастся ли это девяти предвечным и какой ценой?

ISBN 978-5-532-94739-9

© Иванько Т. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть 15	5
Глава 1. Ни здесь, ни там...	5
Глава 2. Спасение и гибель	16
Глава 3. Счастье	24
Глава 4. Возвращение и бегство	31
Глава 5. Байкал и новое море...	42
Глава 6. Кеми	51
Глава 7. Гор	62
Глава 8. Пробуждение и море	69
Глава 9. Хатор	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Татьяна Иванько

Байкал. Книга 3

Часть 15

Глава 1. Ни здесь, ни там...

...Вода тихонько плескалась о берег, заигрывая, целуя и причмокивая его сухую, каменистую щёку, будто даже щекоча беспокойными шаловливыми пальцами. Надеялась весёлая плутовка оживить его, размыть и погубить или просто шалила от нечего делать? Кто поймёт? Кто скажет, что думает море? А кто скажет, что думает его вода? А волна? Всего одна, только одна... вот она родилась и вот разбилась о берег, весь её век...

Боги, если кто-нибудь прочитает мои мысли, точно решит, что я рехнулась...

Я вздохнула, а почему чему нет? Если я по сию пору жива, а сколь прошло времени, сколько? Я не знаю... Для меня время течёт медленно, а с того мига, как я увидела... как увидела Эрбина, Ария... с мечом в спине она и вовсе превратилось в смолу. Я не чувствовала его течения, смола эта, должно быть и засохла. Да, для меня время не то, что для всех людей, моя жизнь нескончаема и назола такова же.

– Выходи, Аяя, сколько можно, плавники скоро отрастут, али простынешь, не приведите Боги!

Я обернулась, это Рыба прокричала мне, морщась на Солнце своими босыми глазами. Ни ресницы, ни брови не защитят её глаз от ярких лучей, здесь, в этом солнечном и знойном краю, ей приходилось бы туго, не люби она жару куда пуще прохлады. Но выходить мне не хотелось, хотя вода, и верно, холодна.

– Выходи, вона, шторм надвигается, – Дамэ подошёл ближе, указывая на какую-то полоску на горизонте.

– Что ты в штормах понимаешь, сухопутный человек? – усмехнулась я.

– Дак-ить и не человек я! – засмеялся Дамэ.

– Иди-иди, не подглядывай, не человек он, глаза пялишь как все! – сказала я себе под нос, но он услышал, он слышит всё, иногда мне кажется, что он слышит даже мои мысли.

– Да подглядел уже, опоздала ворчать, – сказал он с доброй усмешкой.

– Вот и иди, коли подглядел, глазастый какой! – сказала я уже полным голосом.

Я обернулась в покрывало, выпростав волосы, наши шутки, обращённые друг к другу временами веселы, а иногда грустны, мы провели в своей нескончаемой дороге столько времени, столько всего видели втроём, столько природных чудес, столько странных мест, громадных бурных рек и водопадов, нескончаемых диких лесов, болот, диковинных зверей, странных людей и их ещё более странные обыки, злых пустынь, холодных или нестерпимо жарких, столько ветров, снегов, дождей, зноя, гроз, столько всевозможных и необычайных явлений, что описать или охватить сознанием уже невозможно, надо было сразу записывать. Так я и делала, чтобы чем-то занимать бессмертную душу, примолкшую, затаившую дыхание от боли, засевшей в ней, почти мёртвую...

О том, что моя душа жива, знала только я и то именно по этой боли, что чувствовала всё время, и во сне и наяву. Ничто не могло унять, утишить её. И только это и оставалось теперь для меня: наблюдать за всем, вот я и наблюдала, чтобы не думать, не чувствовать того, что заполняло меня. Бесконечные леса, беспредельные и бескрайние степи и пустыни, все населённые зверями и птицами, змеями, ящерицами, и такими, коих и названий ещё не приду-

мали, потому что мы были первыми, кто увидел их. Поначалу я не имела на это сил и желаний, но постепенно, ощутив себя обузой для моих близких, не бросивших меня, я заставила себя смотреть наружу, а не внутрь себя, где ничего теперь не осталось живого. Но много прошло лет с тех пор, и много было пройдено и проезжено вёрст, пока я начала хотя бы что-то видеть и записывать, но уже потеряла, пропустила часть времени, и теперь даже не знала, сколько его прошло до того, когда мы добрались сюда на берег вот этого моря, потому что мои товарищи не считали его тоже.

А тут я вижу, по шири водной глади и необыкновенной её мощи, что это не просто Море как наше, нет, похоже, мы дошли до Моря морей, как был некогда на Байкале царь царей... Где теперь Байкал, остался где-то за спиной, на западе, потому что мы непрерывно ехали и шли на восток, всё время навстречу Солнцу, которое приветствовало нас каждое утро. Есть ли теперь Байкал, Великое Море, Великое царство? Я уже не знаю, но тот, кто был там великим Могулом, по-прежнему есть, приходит ко мне ночами во сне, а нередко и наяву невидимой, но осязаемой тенью, и тогда я всем моим существом ощущаю его близость... всегда могла чувствовать мёртвых без страха, а его тем паче. Но ни Эрбин не появились ни разу, ни Огонь...

– Царь-море, а, Аяя? – сказал Дамэ, когда мы десять дён тому приехали на этот берег.

– Да... даже наш Великий Байкал младшим братишкой глядит волнам энтим? – промолвила Рыба, выдыхая.

Я ничего не сказала, заморожённая увиденным, словно встретила что-то не только до сих пор не виданное, но вроде искомое, как край жизни край Света...

Мы проехали десять дён на юг вдоль берега, но так и не увидели ни окончания, ни хотя бы ослабления этих гигантских тёмно-синих валов, кативших на берег длинными, едва не с версту грядами. Сила такова была в этих тёмно-синих водах, что стало ясно, это и впрямь, Царь-море. И вода имела необыкновенный густой тёмно-синий цвет, и дышало оно не как наше, рядом чувствовалось, что это громадное, не поддающееся даже воображению пространство воды и где оно может заканчиваться, я даже не могу представить. Похоже, мы достигли края земли... почему я так же не достигла края моей жизни? Почему продолжаю жить?..

Небольшая лагуна, запрятанная меж скал, прогретая солнцем только и позволила мне спуститься и поближе познакомиться с Царь-морем, в иных местах нечего было и думать, чтобы войти в воду, громады чёрно-синей воды раздавили бы меня как муху. Вода пахла необыкновенно, даже издали чувствовался терпкий горько-солёный возбуждающий желания аромат. Так сказал Дамэ, во мне ничего не возбуждалось, а Рыба лишь рассмеялась, толкнув Дамэ в плечо. Сама вода оказалась и на вкус такой, горько-солёной и это было удивительно, потому что в нашем Море вода была сладкой и лёгкой, прекрасной, а здесь тяжела и в питьё непригодна, возле этого гиганта от жажды умрёшь.

Я вошла в палатку одеться и расплести намоченные косы, а после мы сели втроём трапезничать, пить из этого Царь-морья нельзя, потому пришлось искать ручей, но рыбы Дамэ наловил острой даже с излишком, пока я купалась, к их ужасу, в ледяной воде.

– Много добычи, Дамэ, на что? – с укором сказала я. – Засолить теперь придётся.

– Ну и засолим, подумаешь, делов-то, соли-то, вона, цельное Царь-Море, засаливай, не хочу! Ажно нашу Рыбину засолить легко можно! Как думаешь, Рыба, много там таких как ты плавают? – захохотал Дамэ, локтем толкнув Рыбу в толстоватый бок, от чего она расплескала уху с ложки.

За это Рыба щёлкнула ему подзатыльник, но хохотать Дамэ не перестал, потому что подзатыльник был шуточный и небольшой.

– Аяй, может, замуж её Морскому царю тут отдадим, а? Как думаешь, возьмёт деушку нашу? Рыба всё ж? Може, нам перловин полных горстей насыплет.

– Ох, договоришься ты, домолотишься, молодец, сколь лет уж, а всё мальцом! – беззлбно сказала Рыба.

Сколько лет... а сколько?

...Ая потеряла не только счёт времени, но всё, словно бы и память и чувства, одна тень прежней Аяи, хотя какой она была без невзгод и испытаний и мы с Рыбой не видали, но теперешняя, как отпечаток с матрицы шёл рядом с нами, оборотя лицо солнцу. Невозможно в этой тихой и бледной женщине было угадать ту, что поднялась в небо над несметным войском и сбросила весь его гнев молниями на врагов.

В тот день, когда на полуденной оконечности Великого моря погибли все, кого она любила, она, победившая в итоге орду полуденцев, остатки которой прятались, в охватившем их ужасе, под животами своих уцелевших коней от молний, что сразили их товарищей, Ая шла от царицы Арланы и юного царя Кассиана, стоявших над трупами великих предвечных братьев и царя Могула, окружённые верной героической ратью Байкала непобеждённого и непобедимого, единого теперь навеки. Все смотрели Ае вслед, замерев от восторга и скорби, потому что победа эта далась байкальцам страшной кровавой ценой, но не будь Аяи, победы вовсе не было. Когда я говорил это ей позднее, она, взглянув большими глазами, промолвила лишь:

– Дамэ, не будь меня, вообще ничего не было бы – ни подлой смуты, ни нашествия...

И переубедить её в том не было никакой возможности, тем паче я, посланник Ада, тот, кто помогал её врагам и всему был первый свидетель, знал, что это правда и Прародитель Зла всё затеял из-за неё, чтобы получить её себе. Так что говорить иное я пытался, но не мог быть до конца честным...

А в тот момент, никто не посмел последовать за царицей, да и кто мог? Одна Рыба, кулём свалившаяся с лошадки, с ошалелым видом сидела некоторое время на земле, но, увидев, что Ая уходит, поднялась и пошла за ней, я же, так и не добравшийся до центра битвы и видевший всё издали, не мог себе представить, что уеду отсюда куда-нибудь без неё. Она спасла мне жизнь, она дала мне новую, странную, какую-то словно более настоящую, потому что в ней появилась неведомые дотолё боль, и слабость, и... чувства. И было их так много и так они были сложны, что я пока не научился ни разбираться в них, ни даже называть их правильными словами. Впрочем, я вообще ещё ничему тогда не научился...

Увидев издали, что Ая вот-вот затеряется в деревьях, густо обросших скалы на полдень от места битвы, единственно, где никого не было теперь, ни полуденцев, ни байкальцев, я поспешил туда. И не сразу нашёл-от! Пометаться пришлось в страхе промеж деревьев, крича и выкликая её, и вдруг натолкнулся, она подняла голову, споткнувшись и ухватившись за толстую ветвь осины, и увидела меня.

– Дамэ... Так ты... живой? – спросила она без удивления, а словно желая узнать, я правда жив, или это видение и обман.

– Я – живой! – радостно сообщил я, хотя воодушевление моё было не слишком уместно.

– Живой... хоть кто-то... – проговорила она, попыталась сделать следующий шаг и упала, потому что оступилась и сильно вывихнула ногу, но упала прямо мне на руки, потому что я стоял в полушаге.

А сзади ломилась Рыба, как сохатый лось с шумом и пылью, ломая сучья, если бы не её громадность, так и не сразу поймёшь под слоем пыли и грязи, потому что ливень, обрушенный с неба Аяей, пыль на ней только размочил и размазал по лицу и одежде. Сама Ая была совершенно сухая, и пыли на ней не было вовсе, будто и не выскакивала она из-под камнепада. Но кровь на лбу и косице ещё блестела, так и не вытер никто...

– О-ох, догнала насилу... – задыхаясь, проговорила Рыба, останавливаясь неподалеку от нас и наклонившись, чтобы как-то выровнять сбитое бегом дыхание. – Ты, касатка, куды ж одна... и в лес... што ты, нешта можно такось? Не-е... я с тобою, ты уж мене теперя не бросай... Сама просила, не бросать тебя, а сама куды-то завеялась... И ты... – она поглядела мне в лицо. – Ишь какой, скорый, сразу тут как тут, в руци хваташь! От кобели-то! Спасу от вас нет!

– Ну что ты баешь-от! – возмутился я. – Ногу она подвернула.

– Ну, подвернула, пусть и лежит на своём месте, неча трогати, како дело тебе? Шёл себе и иди своей дорогой! А то ишь, хватает, рук некуда девать вам!

– Да хватит небывлые слова говорить-то! Ничего я...

Но Аяя вдруг захохотала, прерывая нашу глупую перебранку, захохотала не человечески, не так, как смеются люди от радости или в насмешку, это и не смех получился, даже не хохот, а какое-то клокотание, припадок, словно она задыхается, выгибаясь и закрыв глаза...

Мы оба с Рыбой замерли, глядя друг на друга, потом оборотились на Аяю, но она уже замолчала, прижав руки к лицу, и вообще сжалась вся. Я вопросительно посмотрел на Рыбу, но и она растерянно воззрилась на меня. Ничего не осталось, как взять Аяю на руки и идти отсюда к коням, моя лошадь паслась у кромки леса, где я оставил её, спешившись, перед тем как броситься за Аяей между деревьев.

– Помоги сесть-от, – сказал я Рыбе.

– Дак может-от, я с ею сяду?

– Помоги не спорь, там ещё две лошади остались, на горе...

Рыба посмотрела на меня, сообразила, чьи кони остались на горе, и расспрашивать не стала. Мы нашли лошадей двух предвечных братьев там, где они оставались, пока их великие седоки крушили полуденную рать, гнедой жеребец Эрбина и вороная кобыла с белой звездой во лбу – Ария. Рыба забралась в седло жеребца, а кобылу мы повели с собой вповоду. Ущелье, вдоль которого мы ехали, уже не было ущельем, всё здесь превратилось в странное горное плато, состоящее из множества камней, которыми было завалено теперь и сколько там, на дне погребено людей и лошадей, вскоре забудется, после станет постепенно разрушаться, зарастать деревьями, немного которых осталось на вершинах, но они сползут сюда корнями, прорастут новые и скоро никто не сможет найти, где погибло полуденное племя и безумие завоевания, овладевшее им.

Мы ехали вдоль вершин достаточно долго, отсюда уже не видна предгорная долина, где остались люди, байкальцы-победители, поверженные полуденцы, оставшиеся в живых, и много-много мёртвых, среди которых трое тех, кого я почти не знал при жизни, но чей уход за Завесу подвесил и Аяину жизнь на хлипкий волосок. Потому что хотя она, как мы думали, уснула через некоторое время, на деле вовсе не спала, а впала в странное забытьё, она не просыпалась несколько дней, и мы с Рыбой, уезжали и уезжали всё дальше на восток, в обход южной околичности Великого Моря, куда глаза глядят, как сказала Рыба. Она не отставала, и я отказывался бросить Аяю.

– Ты инно думала бы егда, Рыба, а не молола глупость бабью-то непрерывно. Чего артачишься и гонишь меня-от, куды вы, две женщины, одни, ты воин-нето? А я защитить, хотя смогу! – рассердился я, наконец.

– Защитить... – зло шипела Рыба. – Защи-итник! Мало ты наделал? Мало натворил, не ты ба, жили ба мы спокойно, горя не ведали, нет жа, явился! Всё пожёг-погубил! А теперя туда же, лапами хватать, дождалси...

Я замолчал, слушая справедливые упрёки, которыми она осыпала мою голову много дней. Много, очень много дней, пока Аяя была в забытьи. Но и когда очнулась, она ещё долго не говорила с нами, потому что мне казалось, говорит с кем-то, кого я не вижу, может со зверями, а может с мертвыми духами. Она почти не ела, только смотрела, куда-то устремив взгляд, и много спала. И мы ехали и ехали, уезжая всё дальше от Байкала, всё дальше от Великого Моря, каждый день навстречу Солнцу.

Не знаю, почему, но мы не останавливались нигде дольше, чем на два-три дня, ни в поселениях, которые встречались нам с чудными или обыкновенными, как наши, людьми, нигде не пытались поставить свой дом, нас несло, словно ветром по земле, всякий день навстречу рассвету. Мы, не договариваясь, делали это, просто подчиняясь какому-то внутреннему устрем-

лению, которое, как мне кажется, было внушено нам Аяей, без слов, но убеждённо и уверенно, как если бы договорились. И даже, когда Аяя заговорила, наконец, она не спросила, почему мы всё время едем и где мы теперь, потому, наверное, я и считаю, что мы двигались, потому что она каким-то образом внушала нам это. Вот эдак и добрались до этого Царь-морья.

– Уперлись, мы, похоже, дальше пути нет, а, други мои? – сказала Аяя, заканчивая трапезу и поглядев на нас.

– Опять не съела ничё, на чём только и живёт... – проворчала Рыба, продолжая с удовольствием уплетать уху.

– Упёрлись. Значит, поворачивать надоть? – спросил я.

– Ничего иного не остаётся... Теперь на запад покатым. Вслед за Солнцем. На рассвете и повернём. А то, хотите, на полдень вдоль берега поедем, поглядим, что там за места?..

Вечер здесь, на этом побережье, длинный, не так, как бывает в горах или в лесу, где солнце, спрятавшись за деревья или вершины, быстро гасит день, а здесь оно медленно уходило за горизонт, до которого долгая-долгая холодная степь. Не замёрзнуть бы ночью. Мы вначале долго с Рыбой спорили, как именно нам троим укладываться в палатке, Рыба подозревала, что я намерен лапать Аяю во сне, меня это злило, как и все прочие её нескончаемые придирки. В конце концов, Аяя сказала: «Дамэ будет в середине. Всё!», на том споры закончились. Так она поступала всё время, когда ей надоедало слушать наши стычки, хотя казалось, что она вовсе не слышит нас. Она была с нами, но будто и не совсем, словно над, над нами, над землёй даже, и к этому мы тоже привыкли, хотя знали её совсем другой. Но оба мы надеялись и ждали, что она всё же оживёт, снова начнёт чувствовать и радоваться жизни. Пока втуне. Единственное, что она всё же начала делать, как Рыба сказала, в своём обыке – это записывать и зарисовывать то, что мы видели и встречали дорогой. Потому, где бы мы ни оказывались, самыми желанными покупками для неё стали, помимо книг, свитки пергамента, рисовой бумаги, что попадалась нам, я даже сам научился делать пергамент из шкурки всех зверей, что убивал для пропитания, даже поднаторел в этом, уже выходили они ровными, я не скатывал в рулоны, мы складывали их стопками, так было удобнее. Хотя Рыба и тут нашла к чему придраться:

– Растеряются всё, не то дело в свиточек скрутили, и хорошо, и удобно, и не ломается.

– Ничё, не растеряются, я прошью их вместе.

Так и было сделано. А ещё я смастерил удобный короб для всех записок, рисунков и книг, так что бес обращался в человека и не самого бесполезного, надеюсь. Аяя взялась учить нас с Рыбой тому, что знала сама, и мы с Рыбой теперь стали страшно умные и необычайно образованные, но мне было удивительно, где это в самой Аяе хранилось? А она все новые знания собирала, ни из одного города мы не уехали без книг.

Так что она была наша повелительница, мы сразу приняли это. Вот и сейчас, ожидая её решения, последнего слова, мы, не стовариваясь, посмотрели на неё, отошедшую от нас опять к краю обрывистого берега, на котором мы устроили нашу палатку. А после друг на друга и оба вздохнули в бессильной печали.

Мы оба знали, что она жива, потому что мы рядом, иначе умерла бы в первые же дни, но оттого, что мы спасли её и заставляем жить, ей, похоже, не легче. Но и мы оба живы, потому что жива Аяя, дело в том, что мы не только не умирали, хотя прошло столько лет, что мы очень давно потеряли им счёт, потому что вели неаккуратно, неумело, путаясь и не записывая, но и не старели. На нормальный человеческий счёт мы оба должны были давно не только состариться, но и умереть и даже истлеть в земле. Но этого не происходило, и я, и Рыба, я уверен, были убеждены, что пока мы рядом с Аяей, так и будет происходить. Когда прошли первые лет двадцать, я сказал Рыбе как-то:

– Как-то это странно, что ни ты, ни я не меняемся за столько времени. Вот сколько тебе лет? Или ты... Может ты, как я, не человек?

Я давно рассказал Рыбе о своём происхождении, какие тайны могли быть между нами теперь? Выслушав моё откровение, она, поблуднев, долго смотрела на меня, будто соображая, стоит ли вообще со мной продолжать говорить и вообще быть рядом или лучше немедля бежать. Но потом, поразмыслив, спросила:

– Она знает?

Я кивнул, тогда Рыба ответила со вздохом:

– Ну, коли она не гонит тебя к твоему Родителю, чего ж мне-от...

Больше никогда к этому мы не возвращались. Но всё же, когда я высказал своё удивление нашей с ней продолжающейся молодостью, она сказала:

– Ну ладно ты, всё ж таки... ну... – она быстро глянула на меня, не сказав вслух, но, вспомнив, очевидно, кем я был. – Но я-то, обычная женщина, замерла в своих сорока... Аяя всё.

– Почему она? Почему она сама не стареет? Кто она, Рыба? Богиня? Ты что думаешь?

Рыба пожала плечами:

– Уж, как ни назови... Два брата предвечных говорили о ней, я слышала...

– Подслушала? – усмехнулся я.

Но Рыба лишь отмахнулась:

– Да они и не таились, предвечные царевичи, што я для их величья, как блоха на собаке, даже мельче. Не, они просто баяли при мне всегда, што думали. Так вот, они-то и сказали, что Аяя как они, предвечная. Сама не умирает, не стареет, но убить её можно. Вот как их самих случилось.

– Ну да... Они-то...

– Да, брат Дамэ, они померли, как рассказывалось всегда в легендах: пришли в чёрную годину Байкала, родину спасли, но сами погибли.

При Аяе мы никогда не говорили ни о Байкале, ни тем более о предвечных братьях или Могуле.

– Думаю, мы с тобой от неё как-то питаемся. Тебе она крови своей в рот влила и спасла, как она эта ейная кровь спасает, не понимаю, даже не берусь кумекать, но вот, живой ты, а ведь был почти покойник. Ну а я... Вот я чего? Не знаю...

Я тем более не ведал. Я вообще мало что знал, пока Аяя не выучила меня многому, природе явлений, о растениях и их свойствах, о животных разных, рисовала, и показывала и в природе. И истории Байкала и других стран, которую знала из многочисленных книг, что прочла некогда и продолжала читать, хотя за прошедшее время наши знания о Байкале, надо думать, сильно отстали от жизни, и что там происходило теперь, кто знает? Но мы мало задумывались о том.

Мы скакали и скакали вперёд, не оглядываясь назад, а теперь поскачем обратно? Или на полдень, как предложила Аяя, я и Рыба подумали оба: «на Байкал вернёмся?», но Аяе о том сказать не решились. Вообще вопросов ей мы задавать не смели, пока она сама не снисходила до нас в разговорах, мы не позволяли себе ни вопросов, ни обсуждений. Так и получалось, мы с Рыбой существовали на нижнем этаже, заботясь о каждом дне, я о защите, Рыба готовила, но добыть зверя или птицу, или вот рыбу, как сегодня, это было за Аяей, подошла она к кромке воды, постояла немного, я и насадил на острогу сразу пять штук. Так и охота у нас шла, в лесах, в степях, постоит, вроде и слова не проронит, а звери и птицы тут как тут, под стрелу и выходят. Но этот секрет мне Рыба раскрыла давно:

– Она Селенга-царица, ты же слышал? Покровительница звериная, они все в подчинении у неё.

Тут-то я и вспомнил тех волков, что прикончили мой отряд в скалистом лесу под Каюмом, тогда и стало понятно, что за прозвание такое и чудеса эти все со зверями.

Но иных чудес мы больше не видели, и от земли она тоже больше не отрывалась ни разу, не летала, хотя, что я, куда там от земли, она и жила-то теперь едва на десятую часть от себя прежней, думаю...

...Вем даже не на десятую, и не на сотую. Вот глядела я на неё и думала по первости, ну сейчас отболеет душой, возьмёт Дамэ себе в мужья, чё же, молодые, он за ей как подсолнух за солнцем, глаз не сводит, чего ещё женщине нужно. Ан нет, прошёл год, и десять, и ещё чёрт его уже знает, сколько лет, а она как мёртвая, словно мы тень её одну по земле с собой везём. Привыкли, конечно, и скитаться бесприютно, и к тому, что нигде не было нам пристанища, и к тому, что люди головы сворачивали везде, где мы появлялись, провожая взглядами её, а она и не замечала, а ведь могла царя любого в мужья взять, коли захотела б, осели бы в богатстве и холе, но нет, и к тому привыкли, что не говорит почти, и словно есть она, а словно бы и нет её. Вот рядом, живая, тёплая, а где мысли, где сердце... Хотя, конешна, ясно, где... Ни в жисть мне не забыть ни то, как слетела она с седла, обнять лебеда свово, как кружились они в выси, развевая волосами, и как умер он, пробитый сотней стрел у ей на руках. Но и тогда ещё могла жить, могла, не это умертвило её душу... А как увидала мёртвых братьев-от, вот тут жисть из неё и вытекла, ливнем тем с молниями, что добились вражью рать.

Так и поехали мы с Байкала, как облака, сами не зная куда, куды ветер гнал, всё лицом к солнцу, теперя, стало быть, достигли края земного, можт, обратно покотимся.

– Как думаешь, Дамэ, на Байкал теперя понесёт нас, али... – спросила я Дамэ, когда Ая закончив с трапезой, отошла от костра.

Он пожал плечами, взглянул на меня:

– Кабы лъзя было спросить...

– Думаешь, всё не мочно?

В ответ он только вздохнул. Я поняла и без слов: спросить оно, конечно, хорошо бы, но кто спросит? Он, я вижу, не хочет, но и мне... боль в её глазах видеть, али... вдруг чего нехорошее с ей сделается? За все годы мы ни разу о Байкале не говорили, не произнесли ни слова, будто прошлого и вовсе никакого у нас не было. Токмо старинную историю и изучали, которой и я не знала, зато она знала всё, всему нас учила, сердце своё энтим занятием развлекала и оживляла. А мы берегли её. Так и теперь не спросим, конечно, потому что ни Дамэ не решится спросить, ни я.

Так и повелось у нас, мы шли за ней теньями, и уже привыкли к этому. Конечно, хотелось бы осесть где-нибудь в тёплой стране, много стран мы проехали за эти годы, но то степь голая, то даже пустыня, то непролазный лес, такой, что несколько лет ехать, ни одной человеческой души не встретишь, а так чтобы как у нас на Байкале – и море, и горы, и лес, и солнца вдоволь и простору, таких не встречали мы за всё это время, таких мест, наверное, просто больше нет. А может быть, я тосковала по родным местам. У Дамэ родины нигде нет, как нет и матери, ему Ая вроде мать, кто жизнь ему дал, когда он умер? Так что ему стремиться кроме неё и некуда, а её разве спросишь теперь, замороженную?

Ночь сгустилась меж тем окончательно. Но от Царь-Моря энтото всё же теплом веяло, хотя вода холодна там, но ветер стих в ночи, только и слышен был негромких плеск волн, как дыхание набегавших размеренно на берег в темноте. Взялись мы устраиваться на ночлег.

– Холодно, Аяй, надевай чулки тёплые спать, – сказала я, копошась в палатке, привычно устраивая ложе. – Парню-то нашему всех лучше в серединке.

– Ага, пока ты задом не начинаешь придавливать, али ножищами трёхпудовыми! – хохотнул Дамэ.

– Ну, а што же, кто сам всего-от два пудика с небольшим довеском в виде косы, а хто все пять! – поддержала и я его шутку.

– Иде пять? Даже и не дцать! Вся дюжина!

– Ишь, умный, считать научилси!

– Аяй, сколь весу в тебе? – спросил на это Дамэ Аяю, подошедшую к нам.

Она пожала плечом:

– Три пуда, думаю, есть.

– Не-е, Рыба считает, што не больше двух!

Аяя покачала головой с улыбкой, но улыбка как всегда теперь, ни искорки, ни смешка, прохладная водичка, как в роднике.

– Рыба шутит, ребёнок я, что ли?

И я засмеялась тогда:

– Дак не ребёнок, конешна, но тела-от нет совсем.

– Зато в тебе с избытком! – захохотал Дамэ и щёлкнул меня по заднице, за что тут же получил подзатыльник.

...Да, так они и подшучивали друг над другом и надо мной попутно, не будь их двоих... да что там, они стали моей семьёй теперь. Годы мы не считали, верно, но мне всё казалось, что их несколько не прошло, всё стояли передо мной лица Маррея, улыбающегося после смерти, вскрик Огника: «Нет!», когда он отгонял стрелы от нас, и то, как крепко держал его за мёртвую руку Эрбин, как удивительно похожи и изумительно красивы они были, объединённые этим последним рукопожатием под крылом Смерти. Невыносимо думать об этом, видеть это всё время перед мысленным взором, это ржавыми топорами разрубило моё сердце и мою душу, и изгнать из моего сознания это видение я тоже была не в силах. Да и не гнала я, мало чего дорогого было в моей душе. А потому не жила, не дышала, не чувствовала, не считала дней, мало читала книг, не видела ничего вокруг себя, все страны, леса и горы, что мы проехали, прошли мимо, я не запомнила, не заметила, ни заинтересовалась ничем. Даже записывать взялась, и то недавно. Рыба права, я не вижу и не чувствую ничего, я вовсе не живу. И для чего моё тело остаётся ещё здесь, я не могу понять. Иногда мне кажется, что я живая потому, что они двое рядом со мной, Рыба и Дамэ.

Почти всякую ночь, а мне часто не спалось, я думала о Байкале, я видела снова моих любимых, как улыбался Маррей уже мёртвыми, уже бледными, но ещё мягкими губами, какое спокойное лицо было у Эрбина, тень от ресниц почти достала его губы, как ветер легонько играл распутившимися волосами Огника, тонкими шёлковыми светло-русскими, всегда блестящими на солнце, и теперь они блестели тоже, он умер, а его чудесные длинные волосы блестели и светились на солнце, словно продолжая жить, нежные тонкие пряди у сильного лица... как больно, невозможно забыть... невыносимо без него жить... не могу, не могу... без него не могу!.. Огнь...

Я села, задыхаясь, словно мне на грудь наступили ногой. Зачем стала думать о том? И чувствую его будто он живой, не как Маррея, тот приходит спокойной тенью. Но не Огнь, он не приходит вовсе, а без него и воздуха никакого... никакого... нечем дышать... я окончательно проснулась.

И в палатке душно. Дамэ, потревоженный моим движением, заворчал:

– Ты чего? Куда собралась?

– Спи, Дамэ, – прошептала я, поправив одеяло на нём.

– «Спи»... сама прыгает, как заяц... Куда ты? Я с тобой пойду.

– Спи, не кудакай, и не надо со мной, я подышать, не спится... Сейчас проветрюсь и приду.

– Начну засыпать, ежели тебя не будет, учти, за тобой пойду, – пробормотал Дамэ.

– Не надо, ничего мне не сделается, людей здесь нет, а от зверья мне вреда не будет, спи, не беспокойся.

Я вышла из палатки, завязав платок накрест, чтобы ночная свежесть не просквозила меня, болела я редко, но случалось, простывала и мои сотоварищи сильно грустили в такие

дни, будто тоже теряя силы вместе со мной. А потому, заботясь о них, я старалась беречь своё здоровье.

Ночь была тёмная, луна пряталась в облака, но я видела хорошо, спустилась тихонько к воде, не оступившись ни разу на неверных камнях. Царь-Море будто вздыхало медленно и значительно своей исполинской грудью, по этим гигантским волнам я и поняла, что это не такое Море, как наше, что оно даже не в сто, а может и не в тысячу раз, а в миллион раз больше. Вот сейчас, стоя у кромки мокрого песка, тёмного, серого, я думала, а что если это не край земли, что если там, за этим Царь-Морем ещё земли? Ведь на восточном берегу Великого Байкала...

– Здравствуй, прекрасная Аяя, предвечная, славная Селенга-царица, – вдруг услышала я. Я вздрогнула от неожиданности, хотя голос рокотал мягко, бархатно как это самое Царь-Море перед моими ногами.

Я обернулась, в этот момент луна вышла из-за туч и осветила берег и человека, сидящего на большом валуне у кромки воды, вокруг которого покачивались медленные волны. Он был обнажён, но это не был Дьявол, во-первых: он не был так совершенно прекрасен, хотя очень красив, а во-вторых: уд его не выставлялся бесстыдно и нагло, а был вполне целомудренно прикрыт престранной повязкой на бёдрах, иной одежды на этом человеке не было...

– Я житель морских глубин, а там одежда только помеха, как ты знаешь, – ответил чудной незнакомец, угадывая или читая мои мысли. – И Тот, о Ком ты помыслила, прекрасная Аяя, сюда не ходок, здесь людей нет, а я Ему без надобности.

– Так ты не человек?

– Человек в каком-то смысле, как ты или иные предвечные, только ты молода совсем, и полтысячи лет не живёшь, а я не помню, когда и родился на этот свет. Теперь считаюсь Богом среди многих и многих народов, но я не Бог, потому что смертный как и ты. Воды мира в моём владении.

– Все воды? И Байкал?

– И Байкал, но с внутренними морями, как твой Байкал, сложнее, суши много вокруг, я как в темнице там...

Я засмеялась, говорит как просто, словно и не повелитель Водных стихий.

– А что о Великом Море за тоска? Привет разве кому передать? – спросил он, вглядываясь будто в моё лицо.

Я вздохнула, холодный ночной ветер пронизал насквозь.

– Нет, некому приветы передавать, – ответила я, ёжась. – Никого там у меня нет.

– Ну, нет, так нет, тебе виднее. Что дрожишь? Замёрзла разве? – спросил он.

Сам он при наготы и в воде своей студёной чувствовал себя, очевидно, хорошо.

– Да нежарко, – сказала я.

– Что ж молчишь, я погреть могу.

Он каким-то непостижимым образом в мгновение ока оказался возле меня, большой, очень тёплый, упругий и гладкий, обнял меня за плечи, тяжёлой тёплой рукой. От всего его тела веяло теплом, и я действительно сразу согрелась. Кожа его бронзового цвета, на лице с широким лбом и дерзкими бровями, аккуратная борода, чёрные волосы крупными волнами спускались на плечи, пахнет как его Царь-Море, свежо, горьковато, на руках и на лице его, вблизи я заметила, рубцы, беловатые, старые, но красоте его они были не помеха, а словно бы обрамление, как орнамент.

– Откуда же шрамы у тебя, коли людей здесь нет?

Он поглядел на свою руку, будто не видел и усмехнулся:

– Людей нет, но чудовищ в морских глубинах множество, по молодости неосторожен я был, глуп, попадался к таким в зубы. Теперь научился общий язык находить. Теперь врагов у меня в глубинах нет.

– Врагов нет? А кто? Слуги?

– И слуги, и товарищи.

– Товарищи... и много их?

Он засмеялся:

– Немного, оттого и скучновато, вот и выхожу временами на сушу, с людьми поговорить, душу развлечь. А тут предвечная объявилась, да ещё такая, что в воде не хуже меня себя чувствует, к тому же со всеми живыми тварями говорит без помех. Даже я с обитателями моих владений не со всеми способен так общаться. Так что не мог я не выйти и не поприветствовать тебя. А увидел и...

Он стал ещё теплее, немного и мне будет жарко от его объятий.

– Красы подобной твоей я не видел, Аяя. Хотя живу я уже много веков.

Я посмотрела на него, потому что и голос его зазвучал как-то уж слишком глубоко, словно он спустился из горла даже не в грудь, а в живот. У него очень красивое лицо, необычное, не наше: с хищным немного носом и большими тёмными губами, глаза светлые при общей смуглости, похоже, зелёные, в темноте не сильно разглядишь... и губы покраснели под чёрными усами, ещё миг и...

– Ох, да ты што?! – дёрнулась я, отстраняясь. – Целовать надумал, а даже имени не назвал...

– Орсег я, – засмеялся, смущаясь, повелитель Водных стихий. – В разных странах и народах по-разному зовут, но мать назвала меня Орсегом.

– Красивое имя у тебя, Орсег, и сам ты полнейший красавец, одна радость, конечно, полюбить тебя, но не надо, не целуй меня, не стропоти.

– Отчего же, Аяя? Я не с простым соблазном, для того по берегам много девушек найдутся, моих детей по земле много бегают, те, особенно, кто после плавает лучше всех и моря любит. Но к тебе... Ты...

Орсег всерьёз взволновался объятиями, похоже, и человек он сильный, так что ежели надумал он нехорошее что, я только криком могу моих товарищей на помощь позвать...

– Не надо, не кричи, сильничать я не стану, не бойся, я зла не люблю, – сказал Орсег, выдыхая и немного ослабляя руки, снова убрал одну, оставив как было – одну на плечах моих, чтобы было мне по-прежнему тепло. – Красота твоя и верно ум мутит, не верил я, но... Может быть... подумай, выходи замуж за меня? Мне такой как ты никогда не найти. Я добрый человек, не обижу и ревновать не стану, а богатств как у меня и вовсе ни у кого на этой земле нет. Ты сейчас же не отвечай, прямо теперь и не потяну на дно, но... поразмысли?

– Нельзя мне замуж, Орсег, – сказала я тихо. – Бесплодна я.

Он вздохнул, подумал немного и сказал:

– Это, конечно, грустно, что так, дети – большая радость, А токмо... отдаляют супругов друг от друга, как прослойка, не замечала?

– Ох, и ерунду ты говоришь! – засмеялась я.

– Ничего не ерунду! Так только двое, ты и я, полное растворение, а появляется младенец, всё, мать вся ему отдалась, куда на мужа любви...

– Как куда? Мужа ребёночек-то! Его отражение, его кровиночка, потому и любимый и милый и матери самый горячий сердца кусочек.

Он засмеялся:

– Уговоры одни, нет, Аяя, родится маленький, вся его станешь, бывало у меня уж такое тысячу тысяч раз! А про все ж меня подумай, я таких тебе чудес покажу, таких тайн, каких ты никогда и нигде больше не увидишь и не узнаешь, сколь ни изучай, сколь книжек ни читай! Никогда не соскучишься со мной. Воды есть у меня тёплые лазурные, такие голубые, что ярче неба, такие глубокие, что глубже неба, такие холодные, что становятся синими льдами. А как красив подводный мир, никогда на суше не увидишь ты такой красоты! Столько красок, столько разнообразия растений и животных, сколько слуг будет у тебя, на земле нет столько

живности, сколько в моих владениях! Подумай, Аяя, всесильной будешь владычицей, какой никогда не сможешь быть на земле...

Я отстранилась, качая головой с укоризной:

– Искушаешь аки Дьявол, Орсег, нехорошо.

– Я не Дьявол, ты же видишь, я искушаю, конечно, потому что ты мне по нраву, потому что тебя я смог бы любить так, как положено любить супругу, как равную, как единственную из возможных, я хочу тебя соблазнить, чтобы и ты полюбила меня и захотела согласиться, но я не заставляю. И не тороплю, я подожду, дольше ждал.

Я засмеялась:

– Ты же не знаешь меня, Орсег, может быть, я плохой человек? Глупая или злая женщина? Али распутница? Как ты так сразу...

– Ну, распутство не так страшно, коли не будет детей у тебя! – засмеялся и он. – Но, если не шутить, я знаю о тебе кое-что, слухами, знаешь, полнится земля. Ты, Селенга-царица, звери, птицы, но и рыбы твои слуги, и мне перепадает рассказов. Много лет, Аяя, очень много лет прошло, как ушла ты из пределов своих, так что успели до меня слухи о твоей красе дойти. Надеялся и ждал, что доберёшься до моих владений, до любых берегов. Не во всё верил, признаюсь, уж очень много чудесного рассказывали о тебе. А ты... Собою ты лучше всех баек и легенд, да ещё и... и впрямь и под водой не хуже меня, то я видел днесь... – он засмеялся снова. – Так что жены мне лучше тебя не отыскать никогда, хоть я ещё сотню сотен веков проживу.

– Много лет, ты сказал? И сколько?

– Двести шестьдесят. Годам счёт потеряла? – хмыкнул он. – Что ж, такое бывает... У меня, правду сказать, не бывало, но... понять могу, кажется.

Меня поразила цифра, произнесённая им. Что, я столько лет прожила и не заметила? А жива ли я вообще?..

Глава 2. Спасение и гибель

Этот вопрос я задавал себе много раз. Только не о себе, а о моём брате, Арике. Если я не умер тогда, то не умер и он. Я держал его за руку, удерживая на самой границе, у самой кромки, у края Завесы, а повелительница Той стороны, ответила мне на мою мольбу отпустить его лишь смехом. Но я попенял Ей, что не ценит Она нашего с Ариком дара: больше десяти тысяч полуденцев мы отправили к Ней за Завесу в один день, в ответ на это всеильная Повелительница обещала подумать три дня.

Но начала Она хитрить и пытаться соблазнить меня остаться в Её холодном царстве:

– Ты, Эрбин, свободен, можешь хоть сейчас отправляться к живым, наслаждайся своей бесконечной жизнью, теперь тебе равных на земле почти нет. И ко мне навещаться сможешь чаще, братца захочешь навещать...

Но Арик висел безучастно на моей руке, все за Завесой, конечно, не такие как на земле, но чтобы так, я ещё не видел... Однако я знал, что стоит нам вернуться, стоит ему увидеть Аяю, он оживёт по-настоящему. А то, что он её увидит, если её здесь нет, я не сомневался. Если здесь нет, стало быть, жива и стрелы в неё не попали. А вот Марей ушёл, улыбнулся, открывая Завесу и сказал мне, взглянув на безучастного Арика:

– Спасибо, Эрбин, спасибо, что спасли Байкал. И брату передай спасибо, что спас Аяю. Знаешь, я теперь всё время могу видеть её, когда захочу, быть рядом с ней... Пока жив был, не мог найти, а теперь запросто, свободу обрёл. И она чувствует меня, не видит, правда, и не слышит, но чувствует, – с грустью добавил он.

Вот так вам, свободу обрёл, конечно, но не ту, какую хотел бы. Впрочем, мысли о Марее недолго одолевали меня, гораздо больше меня заботил мой брат. Вернуться без него на землю, я не мог и не хотел. Ничто не заставило бы меня оставить его здесь и вернуться, даже возможность царить безраздельно, даже то, что я смог бы получить Аяю теперь, даже... а больше ничто и не интересовало меня. Но без Арика и меня оставалась половина. Не вдвое больше Силы, а меньше во сто крат. Нет, без Арика я не вернусь.

Я попытался по-иному уговорить Владычицу Той стороны:

– Повелительница, Вечная! Послушай! Целый культ тебе создам! Народы будут поклоняться тебе и приносить жертвы, много жертв. Злато и драгоценности...

– Что мне злато, Эрбин? Что здесь злато? – рассмеялась Она. – Но вот культ и уважение это... Обещаешь?

– Клянусь! – обрадовался я. – Только отпусти Ария! Будут люди жизнь посвящать тому, что готовиться к царствию Твоему. Думать только об этом, средства собирать только на это.

– Вместо жизни станут думать обо мне? – уже с сомнением в голосе произнесла Она.

– Обещаю! – воскликнул я, думая, что придумаю уж что-нибудь, только бы отпустила Арика.

– И жертвы будут приносить? Много жертв? Много крови? – с ещё большим сомнением сказала она.

– Да! Красивых здоровых животных, белых коров, лошадей... А хочешь, чёрных...

– Тьфу ты, Эрбин! На что мне животные, смешно и думать! Я не управляю животными и мне плевать на их мир, они слуги вам, не мне. Нет-нет, человеческие жертвы, Эрбин! Людей, не животных пусть приносят мне в жертву. Вот если пообещаешь мне это – смерть ради Смерти, отпущу твоего брата, откажусь и от него, и от тебя во веки веков! Что вы двое мне, если ты исполнишь то, что обещаешь.

– Клянусь Вечная! – воскликнул я, чувствуя по её возбуждённому, даже вожделеющему голосу, что Она склоняется согласиться. – Клянусь!

– А не исполнишь, отниму самое дорогое!

– Выполню! Выполню всё, как обещал! – в восторге воскликнул я.

Ещё некоторое время Она помолчала, выдерживая моё терпение.

– Ступайте! – скомандовала она.

И в тот же миг я очнулся. Мы с Ариком лежали в громадном дворцовом зале, я узнал этот потолок, от меня на шесть косых саженей, здесь всегда праздновали, здесь отмечали и тризны. Сейчас было ранее утро, рассветное солнце только-только протянуло розоватые лучи в проёмы окон, скользя по стенам и потолку.

Рука Арика в моей была теплой и мягкой, он был жив, как и я. Я повернул голову, сбрасывая оцепенение Смерти, что успело овладеть моим телом, как бывает при чрезмерно глубоком сне.

– Ар! Ар, очнись! – я подёргал брата, дышавшего рядом ровно, ресницы у него дрогнули.

Он, действительно очнулся, но застонал, бледнея в серый, и выпростав руку из моей, прижал к своей груди, между пальцев показалась кровь, проступившая и сквозь рубашку. Ах ты, ну конечно, он же ранен, рану-то я не исцелил его! Я поспешил сесть, качнувшись и чуть не свалился с высокого траурного помоста, на котором мы с ним лежали. То-то потеха была бы, хорошо никого нет в скорбном зале, даже стражи здесь не оставили на ночь, слава Богам! За дверями, должно, стоят.

– Сейчас, Ар, потерпи! Потерпи, братец! – заторопился я.

Всего через мгновение он сел и дышал уже ровно и разглядывал свои руки, обagrённые кровью.

– До чего же... легко до чего, Эр, без боли. Спасибо тебе.

– Не за что! Будь здоров! – усмехнулся я.

Теперь можно и оглядеться. Кроме нас тут никого не было. Живых то есть не было. На помосте рядом, в головах нашего, высился ещё один, и на нём лежал Могул. И после смерти, надо признать, он остался прекрасен собой, но стали заметны серебряные ниточки в золотых волосах, и мелкие морщинки у глаз, тонкие нити морщин на лбу и меж бровей, и мелкие коричневые пятнышки на скулах и лбу, каких не бывает у юношей, ибо это не веснушки имеющие золотой отлив... Необычайно красив был когда-то Марей-царевич, как бывают, должно быть только Боги, очень красив был Могул, но и его успело коснуться увядание, которому так и не пришлось овладеть им, как никогда не получит его старость, потому что раньше взяла Смерть.

Арик подошёл ко мне сзади, вытирая липкие от крови руки о свою рубашку, праздничную, вышитую белыми орнаментами, что провожают всегда человека за Завесу, такая же точно рубашка была и на мне. Сумели же обрядить нас как-то, не разомкнув наших сцепленных рук, должно быть прямо на нас рубашки и дошивали.

– Идём, Эр? – сказал он. – Надо убраться, пока не явился кто из чади, не то со страху померёт, что два покойника из трёх встали.

Я посмотрел на него, он не улыбался, и был бледен, а глаза серы, хотя я знаю их прозрачными, ясными, как воды нашего Моря, а когда он бывал счастлив, они голубели самой светлой лазурью. Но не теперь. Ладно, Ар, только от Завесы отодвинулся, понятно, что радостью светиться ещё не от чего. Где Аяя? Я думал, очнёмся, она здесь, рыдает, оплакивая нас, обрадуется возвращению...

Арик, очевидно, думал о том же, только его мысль пробежала дальше моей, потому что, взглянув на Могула, он сказал пересохшим голосом:

– Она... тоже погибла? Не смог я...

– Нет, Ар, – уверенно ответил я. – Аяя должна быть жива.

– Жива?! – вспыхнул было он. – Где же она?

Вот это и мне хотелось бы знать.

Но мы не узнали. Ни в тот день, когда тайком, через окно, куда Арик с большим трудом, потому что сил он потерял у Завесы изрядно, вытащил меня, а потом мы с ним по крышам

добрались до сада, а уже оттуда к Морю и, поспешая, чтобы не попасться ранним людям на глаза, вон из Авгалла.

Когда мы шли уже по скалистому лесу, Арик попросился сесть отдохнуть, и мы присели, подставив головы и плечи высокому уже летнему солнцу.

– Слышишь, звонят? – сказал Арик, кивнув на небо, будто в нем я должен был увидеть тот скорбный звон, что лился с сигнальных башен Авгалла. – По нам тоже.

– Ничего, мы живы и ныне уж точно надолго, – сказал я.

– Ныне? – невесело усмехнулся Арик. – Будто когда-то было на мало.

– Ныне с обещанием, – сказал я, очень довольный и рассказал о своём договоре с Повелительницей Той стороны.

Выслушав, Арик покачал головой:

– Ну и сделка, Эр. Как исполнять-то намерен? Это не деушке золотые горы обещать.

Как исполнять, я не думал, признаться, для меня главным было выбраться из-за Завесы, вернее, Арика оттуда выгнать.

– Придумаю что-нибудь. Голова-то есть, – отмахнулся я.

– Голова... ну-ну! – Арик закрыл глаза, прижав затылок к стволу толстой берёзы, под которой мы сидели.

– Куда пойдём-то, Ар?

– Аяю искать пойдём, – сказал Арик. – Сейчас, Силу верну, и... Найду.

Я посмотрел на него, он выглядел плохо, всё же рана была нешуточная, я спас его, но после долгий отдых нужен телу, разболеется иначе, сейчас едва сидит, серый, нос острый стал...

– Это так, конечно, вернёшь Силу. Но для того время надо, ослаб ты, брат, я хоть и чудесник, но не Бог. Отоспаться надо тебе, трое суток не меньше, а лучше семь.

Арик лишь мотнул головой.

– Тут место в лесу есть, недалеко от моего дома... то есть от того, где был мой дом. Там... Место выхода Силы, вот туда надо... за-ачерпнуть... Попробовать...

И с этим «попробовать» скатился головой мне на плечо, сознание потерял. Н-да-а... Оно, конечно, верно ты придумал, Ар, только вот тащить мне тебя, бугая, туда придётся на закорках, а это, я тебе скажу, посложнее, чем от смерти спасать.

Но я справился, конечно, и с этим делом, к ночи, пыхтя и отдуваясь, ругая на каждом шагу телесную мощь моего брата, которая делала его таким невозможно тяжёлым, я принёс его к тому самому месту Силы, хорошо, что знал его сам, а то ведь как найти? Вот и ручки, расходящиеся во все стороны, вот и камни, выложенные столом, и криница под ними, приподнимающимся водяным холмиком. Я положил Арика спиной на этот самый «стол», а сам наклонился умыться и напиться, потому что пот катил с меня градом. Но, зачерпнув этой чудесной воды, лишь сделал я глоток, как почувствовал непреодолимый сон, тут же и овладевший мной, даже не знаю, как я повалился там...

Но сон был непростой, не отдых, не забытие, нет, и сон мне приснился не такой, как положено быть сну, мне привиделось то, что происходило здесь в день, когда Арик посвятил Аяю в предвечные, и когда в ясном небе внезапно разыгралась буря, значение которой я понял до конца только теперь...

Пробудившись, я отошёл от стола и взглянул на Арика, спавшего на нём до сих пор. После того, что я увидел в моём сне, мне хотелось только убить его и теперь же... Вот удивительное создание человек, никогда ему не бывает окончательно хорошо, всего сутки, меньше, назад я умолял Вечную Властительницу Той Стороны оставить Арику жизнь, а теперь я готов был сам придушить его. Зачем мне показали всё это? И мне это показывают не впервые, я уже видел это однажды, теперь я вспомнил: когда я нашёл это место, я уснул на нём и видел всё это в

том сне, но тогда видение сразу забылось. Едва проснулся, забыл очень крепко и только теперь вспомнил, потому что увидел снова.

Я сел в отдалении на землю и задумался: что мне делать? Сидеть здесь и дожидаться, пока Арик очнётся и с новыми силами ринется разыскивать Аяю? А-ну как найдёт? Что тогда я стану делать?!..

... Я проснулся на чём-то мягком, тёплом и гладком, как на славно заправленной лежанке, когда хорошо, не ворочаясь, спишь и просыпаешься отдохнувший, бодрый, с отпечатком подушки на щеке, и в самом лучшем расположении духа. Мне даже показалось на мгновение, что я на нашей печке, что не было ничего, не было всех этих пережитых ужасов, битвы, разлуки, смертей, страха, одиночества, разрывающего мне душу, что я сейчас повернусь и, протянув руку немного, обниму её... вот сейчас, только потянуться немножечко...

Но нет, и запахи здесь совсем другие: здесь не пахнет тёплой, будто живой печной спиной, ни дыхания Аяи, неслышного, но осязаемого тоже здесь нет, вместо него пение птиц и перешёптывание листьев, словно они следят за мной и обсуждают, что же буду делать? Я не на нашей печке, и печи-то нет больше в развалинах нашего дома, она провалилось в подклеть, и Аяю ещё надо найти...

Я открыл глаза, да, я в лесу, и вот те самые шептуны и шептуньи вокруг меня: листья и ветки, я сел, вспоминая, что мне привиделось во сне? Моё счастливое безоблачное прошлое, вот что... Никаких подсказок о будущем, ничего, что объяснило бы мне, куда теперь мне направиться, где Аяя, если она не умерла. И никого. Эрика не было рядом, а ведь был, мы были вместе, мы всё время были вместе...

Поднявшись, я обернулся по сторонам, в надежде всё же увидеть Эрика, мало ли куда он мог отойти, а может приснул тоже? Я позвал вслух, но только дятел на мгновение остановил свою дробь, прислушиваясь и возобновил опять, уже не взирая на мои возгласы. Нет, Эрика нет рядом, его и в лесу этом нет, он ушёл и давно. Но почему он оставил меня теперь?

Я встал с камня, и тут же промочил ноги, попавшие в ручей, что так обильно на все стороны расходился отсюда из-под камня. Со вздохом я выбрался из ручья и, всё больше промокая, вышел на сухое место. Обернувшись, я заметил странность: у этих ручьёв не было настоящих русел, они текли по поверхности земли, не так, как обычно бывает, вода быстро размывает себе дорогу, а здесь никаких «дорог» не было. И я догадался: они, ручьи эти, и родник бьёт, когда мы приходим! Вот потому и нет их в отдалении от этого места, я исходил вдоль и поперёк этот лес, я знаю.

Но недосуг сейчас размышлять, надо поспешать, сколько дней прошло, с битвы, сколько дней, как я здесь лежал, возвращая потерянную Силу, найти Аяю – это первое и главное, что я должен теперь сделать. Иначе жить я просто не смогу...

Я добрался до своего сторевшего двора, надо же, вокруг дома и двора лес выгорел, но дальше огонь не пошёл, остановился, словно изгородью, словно тушили его кругом, а ведь мог бы выгореть до самого Авгалла, деревни и сёла погубить. Почему остановился? Удивительно, необъяснимо, но не теперь искать объяснений, я поищу их после и вместе с нею, я всё хочу делать только вместе с нею, потому что без неё я не могу даже вдохнуть полной грудью. Ещё и Эрик куда-то подевался...

Я залез в подпол, что был в подклети и остался цел, несмотря на провалившуюся сюда печь, но что сделается злату, хоть и в разломавшихся ларях. Набрал полные кошелки, сложил в нашедшуюся котомку, которой уж лет сто, потому что карманов на погребальном моём одеянии, в которое я до сих пор был обряжен, предусмотрено, конечно, не было, и отправился к Авгаллу, ну, а откуда ещё я должен был начать свои поиски? От людей, Аяя всегда оставляет след, только надо его найти.

Спускаясь к Авгаллу, я снова застал почти пустые деревни по дороге, оказалось, все ушли хоронить царя Могула.

– От царь-то был, от добрый молодец, – с настоящими неподдельными горькими слезами говорила старушенция, оставленная приглядывать за мальцами, бегавшими вокруг неё с босыми пятками и жопками, и ещё несколько спали в зыбках по домам, а она обходила их, проверяя, и из сосок подкармливая, как сметливая доглядка. – От царь, ай-яй-яй... сроду таких на Байкале не бывает, и впредь вряд ли народиться... Ить землю воедино собрал, и от ворога оборонил, от, парень, как теперя буим? Сынок-от, царевич, Кассиан, совсем отрок ишшо, как наладит жисть теперя?

– Ничего, советники найдутся, небось, – сказал я довольно равнодушно. Мне не править на тронах Байкала, а в советники я тоже отныне не пойду, Эриков внук, вот пусть и отправляется на государеву службу, помогает.

– Помощники-от найдутся, конешна, а как же, вестимо, охотников достанет, но ить... Такого, как Могул... мы сколь лет ждали, ай-яй-яй...

– Справится и этот, все справляются. Сын он своего отца, всё хорошо будет, – сказал я, уже спускаясь ниже за околицу.

– Буит... мож и буит. Токмо ить и предвечные Великие братья погинули теперь, как же Байкалу без их? Как без Галалия с Сингайлом, без Ария с Эрбином?

Я обернулся:

– Не погинули, бабка, не бойся, я – Арий, живой, как видишь, и Эрбин жив-здоров, ничего дурного не будет теперь, всем передай, всем, кого увидишь.

Она прищурилась:

– Верно баешь? Не морочишь старуху?

– Для чего мне тебя морочить? Верно говорю.

Но старуха была не проста, приглядывалась зоркими глазами:

– Смертная рубашка на тебе, чиво? А?.. Ты не призрак ли, вьюнош?

Я вернулся, подошёл с ней и протянул руку:

– Возьми мою руку, бабка, до ста лет жить будешь и помнить, как Ария руку жала.

Она заморгала растерянно, но сухая и тёплая старушечья рука становясь всё увереннее, пожала мою ладонь. Она заулыбалась счастливо.

– А вот рубашку ты мне новую дай, в этакой ходить живому человеку не след, – сказал и я, улыбнувшись ей.

Она принесла мне рубашку, ладную, хоть и посконную, но мне это было безразлично, лишь бы не саван, как до сих пор. Взяв его в руки, она поглядела опять на меня и спросила:

– Отчего кровь-от на ей? Рана-то вроде закрылась?

Я взглянул на свою грудь, рана закрылась, да, но чернела ещё свежим струпом на моей груди и немного ныла даже, хотя я не замечал, потому что не думал о ранах и вообще ни о чём, кроме главного. Должно быть, и на спине такая же... Бабка подтвердила:

– Есь, касатик, токмо пошире, чем впереди. В спину супостат ударил? От подлая душа... Слышала я про мерзавца. Знаешь, што говорят, што голову отсёк ему Эрбин, а как хоронить-от собрались, тело уж сгнило вовсе, понимаешь? Неча было в гроб положить. Быстрее прочих всех, будто он не со всеми в битве, а давным-давно помер. О как!

Тут в одной из изб закричал голодный младенец, и бабка поспешила туда, а я надел отданную мне рубашку, подпоясался простым шнуром, взял свою котомку и пошёл из деревни. За мной увязался чернявый малец, бежал, трясся маленьким удиком, болтавшимся из-под совсем короткой рубашонки и в лицо заглядывал.

– Дядька, а ты, правда, Арий? – спросил он, насмелившись, наконец.

– Так и есть. А ты кто?

– Облоухим кличут, – сказал малец, вообще-то странно, что говорит он так разумно, с виду ему не больше трёх лет.

Я остановился и сказал ему, вынимая золотую монетку из кошелька:

– Скажешь, что ты Вегор теперь, спросят с чего, а ты отвечай: Арий велел эдак звать. Запомнил?

Он взял монетку из моих рук, разглядел и, убедившись, что монетка необыкновенная, какой он ни разу в руках не держал, рассмеялся счастливо и ответил, кивнув:

– Запомнил, дядька Арий!

– А теперь беги, бывай здоров, малец!

Я продолжил, было, свой путь к Авгаллу, но вдруг остановил самого себя, нынче в Авгалле горький день, прощаются с великим царём своим, оценили, как потеряли, и погиб героически, от ворогов царство оборонил, так что горевать будут долго, толпы в городе, и разговоров будет только о том, какой он был, как хорошо при нём было и как им, сиротам теперь быть-обретаться. После время будет порасспросить об Аяе, но не сей день. Сей день поговорить надоть с Эриком, почему сбежал он? Почему после всего оставил меня одного на камне заветном? Али знал что-то и нарочно ушёл, чтобы до меня успеть? Но где тогда он, Эрик?

Я направился к его дому, ежели не нашёл он Аяю уже, то там он, в своей долине с Игривой, Белой и Серой и сынком, куда ещё ему идти, это у меня всё разорено. А потому я дошёл до границ его владений, перелез, как обычно через громаду навороченных его чарами камней и осколков скал, и спустился в долину. Мне казалось, я не был здесь очень давно, прямо сотню лет, а ведь прошло-то не больше месяца с тех пор, как мы перед походом наскоро посетили его семью.

Долина как всегда представлялась настоящим земным раем: раскрытое небу и солнцу пространство, спрятанное от ветров при этом, берёзы, трава и цветы, шелестят листьями, колодец и ручей, срывающийся, должно быть, ниже с утёсов водопадом, я ни разу к краю не подходил, как-то недосуг было. За домом я заметил куриц и петуха, важно расхаживающего между них, словно военачальник, завидев меня, он замахал крыльями и прокукарекал радостно и громко, то ли приветствуя меня, то ли возвещая хозяевам, что явился непрощеный гость. Но, видимо, второе, потому что вышла на крыльцо одна из неразличимых сестёр и, увидев меня, всплеснула руками и поспешила назад в дом, сообщить. Странно, что они не на воле, погода стоит чудесная, здоровы ли?

Впрочем, скоро всё объяснилось: на крыльцо, не торопясь, вышел Эрик, а из-за его спины выглядывала Игрива, и одна из сестёр с Заряном на руках. И ребёнка было странно видеть таким маленьким до сих пор...

– Галалий! – притворным голосом произнёс Эрик и усмехнулся как-то гадко. – Рад видеть здоровым.

Странно, отчего мне кажется, что он вовсе не рад мне? Сроду Галалием не звал, только в издевку. Почему так холодно посверкивают его глаза? Что могло случиться за это время?

– Погостить? Али причина какая? Дом отстроить помочь тебе наново? – сказал он, всё же сделав пару шагов с крыльца мне навстречу. – Заходи, отведай трапезы с нами, не погнущайся. Ну-ка, Серая-Белая, соберите-от на стол, и мёду и вина достаньте, Галалий вино любит, особенно зелёно.

До чего же странно говорит он, и смотрит так, как я давно уже не помню. Я не стал спорить, пусть собирают на стол, я пока хотел переговорить с братом. Но Игрива будто нарочно не отходила от него, уцепившись за локоть, словно её кто-то подучил не оставлять его со мной наедине. Но, думаю, так и было. На моё счастье заплакал Зарян, и она вынуждена была отвлечься, взяла малыша на руки и ушла с ним в дом, несколько раз недовольно оглянувшись, уколов меня злым взглядом через плечо.

– Ты что, Ар? Насупился, бледный. Тебе отдохнуть надоть, не то заболеешь, – сказал Эрик, как ни в чём ни бывало. Словно и не было последних месяцев, не было ни битвы, ни Завесы и его мольбы за меня или он думает, я не слышал их...

– Что с тобой, Эрик? Ты што, будто грибов дурных наелся? Мне чаялось, мы совсем поиному говорили с тобой, – сказал я, заглядывая в его глаза поглубже, что там? Что он прячет опять?

Эрик засмеялся и опять поддельно. Что с ним?

– Много времени прошло, – сказал Эрик.

– Много? – изумился я, что он говорит? Али я ума лишился?

Но Эрик сверкнул глазами зло и, не выпуская кривенькую усмешку с губ, произнёс:

– Иногда, брат Галалий, и миг бывает очень долог.

– Какой миг, что ты городишь опять? Что опять в ум себе забрал? В чём мою вину видишь перед собой? – я снова почувствовал себя без вины виноватым, как бывало уже чёртову уйму раз с ним. Да почти всю нашу жизнь с недолгими перерывами.

– Да ни в чём, Ар, конечно, твоей вины нет, – фальшивая ухмылка, наконец, растворилась на его лице и он, бледный от злости, проговорил: – никакой твоей вины нет в том, что сей день видеть тебя я не могу! И не смогу ещё много времени.

– Что? Ума ты лишился? Что случилось? И когда? – я не мог понять, что так злит его, что могло произойти за то время, коротко оно было или долго, как принёс он меня, на своей ведь спине нёс до места Силы, и вдруг... Что с ним сделалось там?

– Давно, однако, случилось, мно-ого лет уж тому, – прожигая меня глазами, проговорил Эрик. – На камне том, где ты... Где Аяю посвятил ты в предвечные... Что было? Всё мне показали, я всё видел.

– И что?! – изумился я. – Боги... Чего ты не знал? Чего не видел? Она жена мне многие годы...

– Жена?! Жена она тому, кто сегодня в землю навеки вечные ложится, Марею! А тебе не была, самоуправно ты...

– Ты мне... – я задохнулся. – Ты... Ты пенять мне будешь?! Ты вор! Ты охальник и насильник чёртов!

Эрик выпрямился и, дрогнув ноздрями, проговорил вполголоса:

– Тише ты! – и обернулся на крыльцо. – Орёшь, как безумец! Явился с лица как есть чумовой, лохматый, полуодетый. Чего ты хочешь?

Я тоже выпрямился, отступая немного.

– Мне... я считал, ты...

– Ты думал, я с тобой Аяю искать понесусь по Байкалу? И понесся бы, а далее? – едва слышно, задыхаясь от злости, клокочущей у него в горле, проговорил он. – Думаешь, найдём, и я вас благословлю в воду Байкальскую войти? Поздравлю, красного угощения отведу и подарками на свадьбу вашу одарю?... Ты в уме ли?

Действительно глупо получалось, очень глупо, и я сам в странной, конечно, безумной надежде явился к нему. Всё вернулось на свои места, как было всегда, все наши десять с половиной веков, передышка-замиренье вышла лишь на время смуты и нашествия, теперь же, когда всё позади, когда... Теперь мы опять врозь?

– Врозь-врозь, – зло подтвердил Эрик, отворачиваясь снова к дому, поглядывая, не маячат ли нам трапезничать.

– Что ж ты у Смерти-от меня отнимал? – с обидой проговорил я. Ей-богу, мне казалось, я как в детстве зареву, вот слабость какая овладела. – Отпустил бы, тем паче самого тебя не трогал никто!

– Теперь не стал бы вымаливать. Тоже, знаешь, на волне братней любви с ретивым не справился. Али по привычке, что ты рядом где-то небо коптишь.

Я отвернулся:

– Ладно, што базланить напрасно, – проговорил я, преодолевая ком в горле. – Не станешь помогать мне?

– Помогать? Отчего же? Кров тебе, пожалуй, накормлю, да коня дам. Плащ тако ж. А боле никакой помощи в энтот деле не жди от меня, Ар. Я тоже не каменный и не трёхжильный. Найду её сам и тебе не отдам, не жди.

Он помолчал немного, будто сомневался, говорить или нет. Но всё же решил сказать:

– Она мёртвыми почитает нас, вот и утекла, надо людям объявиться, глядишь... Она сама и вернётся, – хмурясь, проговорил Эрик, похоже, жалея, что не промолчал. – Но не жди, что тебе уступлю и отдам её.

– Не отдашь? – я загорелся тоже. – Аяя не вещь, я говорил уже. Даже не царство, что можно воевать, взять, не дать. Не захотела с тобой быть и сбежала...

– Да к тебе-то не вернулась! – Эрик по рукоять вонзил в меня клинок своей ревности, отбивая мою. И добил ещё: – С Могулом, Мареем своим воспарила к небесам!

Я обернулся:

– Не стоит, Эр, я уж умер один раз от этого, не старайся...

– Ты умер?! Ты живой, я тебя спас!.. дурак, на голову свою... Это он, Марей, мёртвый, ужо и схоронили, небось...

– Вот потому и не старайся, не своди с ума меня, со смертью его и любовь та в землю ушла, – проговорил я, чувствуя, как теряю последние силы.

– Ушла! Как бы ни так! Мёртвые они сильнее живых бывают!

– Это... моё уж дело... – проговорил я, чувствуя, как темнеет перед глазами, как ноги вот-вот подогнуться, что со мной?..

– Ар... Ар... Ты што... ты... ч-щёрт!.. – только и услышал я его испуганный вскрик.

...Арик упал мне на руки, рана на груди открылась, пропитывая рубашку кровью, вот чёрт, такого ещё не было, чтобы после моего врачевания у кого-то вновь открывались раны. В страхе, что я всё же потеряю его, этого проклятого мерзавца, я закричал, чтобы бежали мне на помощь, хотя кто мог мне помочь? Мне, Сингайлу, могущему спасти кого угодно...

Глава 3. Счастье

– Аяя!.. – это Дамэ позвал от палатки, не видя меня. Голос его прозвучал испуганно и растерянно, как у ребёнка. – Аяя! Ты где?

Орсег обернулся и, отпуская меня из своей руки, так, что снова стало прохладно, сказал:

– Он... твой возлюбленный? Поэтому не хочешь замуж за меня?

– Нет, не возлюбленный, но я люблю его, он мне всё равно, что брат, брат у меня был дурной, а это же добрый, – сказала я.

– Ну, брат, то ладно, – улыбнулся Орсег. – Не спеши уезжать завтра, погоди ещё день на берегу этом?

– Зачем? – спросила я, чувствуя, что начала зябнуть без мощного объятия.

– Просто не спеши, сможешь?

– Если ты просишь, конечно, останусь.

Он засмеялся:

– Ещё и покладистая! Как не хотеть жениться на тебе?! Так не уезжай ещё рассвет и закат, и выходи завтра к воде, приходи днём, при свете. Придёшь?

– Приду! – крикнула я, поднимаясь назад на берег, где стоял Дамэ, пытаюсь разглядеть меня на берегу. За спиной я услышала лишь плеск. Уплыл, надо думать, Повелитель Царь-моря и всех прочих морей.

Наутро мне казалось, что я видела странный сон, а Дамэ рассказывал Рыбе, что я ночью разговаривала с Царь-морем.

– Да не с Морем, с повелителем его, с Орсегом, – сказала я.

Они переглянулись, и Рыба сказала со вздохом, качая головой:

– Ну дожили, чё же... Осталось ещё с повелителями гор али там, небес начать балясить...

Я не изумляюсь, а ты, Дамэ?

– Да и я, они же, энти, предвечные-от и с комарами и мухами, небось, балясить способны, эт мы с тобой, простые, ничё не слышим, не видим, и не умеем.

Они опять беззлобно посмеивались надо мной, делая вид, что не замечают меня.

– Да-ну вас! – отмахнулась я, усмехнувшись.

– Чёй-то?! – дурачась, обернулся Дамэ, делая вид, что не видит меня. – Ты слыхала чего?

И Рыба, принимая его игру, подхватила:

– И ты чегой-то слышишь, Дамэшка? Мож и ты закудесил, как наша?

– Ох, шутники-балагуры! – засмеялась я.

Меня тянуло опять спуститься к воде, думалось, что там будет? Не привиделось ли, правда, во сне, но их разговор подтвердил, что ни в каком сне мне не снился Повелитель вод. А потому я спустилась, замирая в невольном возбуждении, огляделась, но не увидела никого и ничего, что было бы похоже на ночного собеседника, посидев немного на нагретых солнцем камнях, глядя на совсем спокойную сегодня воду, Царь-море лишь вздыхало тихо: вдо-о-х и вы-ы-ыдох накатывали на берег неспешно, размеренно и, убеждая ещё раз, что дышит исполинская «грудь»... Я подумала, не искупаться ли снова, вода, тихая в маленькой лагуне, где я купалась вчера и такая чистая, голубая, почти такая, как в Байкале, но эта тяжелее, плотнее нашей, будто и не вода, но старшая сестра нашей байкальской воды. Я подняла уже руки к завязкам платья, но остановилась: если мне не привиделось вчера, и я разденусь донага... неловко показалось.

Нечего тут сидеть, глупости какие, придумала тоже, сказала я себе и направилась уже к ложбинке между камней, где всего удобнее было подниматься, как услышала снова знакомый уже урчащий голос:

– Не дождалась, уходишь?

Я улыбнулась, оборачиваясь, все же обрадовалась, что он явился, сама не ожидала. Орсег, стоявший теперь у кромки воды, рассмеялся. По его тёмной бронзовой коже потоками катилась вода, стекая с волос, с бороды, их он, впрочем, тут же отжал, привычным движением. При свете он оказался ещё красивее, чем вчера при луне, я не удивилась, что многие почитают его за Бога. Глаза, действительно оказались зелёными и при том очень яркими, а улыбка белозубая и немного свысока, что при его великолепии и при том, что он властитель одной из главных природных стихий можно было ему простить. Впрочем, все предвечные гордецы, что удивляться, и я, должно быть, бываю такой...

– Решила, показалось мне вчера, – сказала я. – Али сон чудной пригрелся.

Он подошёл ближе, уже и сухой вроде весь:

– Да нет, я не сон. А вот ты... Ты прекраснее любой грёзы! – он с радостным удовольствием оглядел моё лицо, волосы, которые я успела завернуть вокруг головы, собравшись купаться, но фигуру оглядывать не посмел, всё же вести себя умеет достойно. – Обо мне что скажешь? По нраву я тебе?

– Ты прекрасен, Орсег, и знаешь это, что ж болтать зря?

Он засмеялся опять.

– Я с подарком сегодня, взгляни! – сказал он и обернулся на своё Царь-море.

И неожиданно, будто из туманной дымки над водой, хотя до того никакого тумана не было, появился корабль, огромный и великолепный... У нас на Байкале я видела множество кораблей, мы с Огнем ходили на собственной лодке, и на больших кораблях на восточный берег, в Парум, но наши Байкальские корабли были небольшими лодочками в сравнении с этим, величественно покачивающимся на волнах. У него был высоко задран нос, корма широка, а вторая палуба была, по сути, целым домом. Белые паруса подняты, на них красовались Солнце и Море, а на палубах, множество человек команды.

– Это... – ахнула я от восхищения.

Орсег довольно улыбался:

– Я искал лучший по всем морям, этот самый быстрый и надёжный, и самый красивый из всех. Моряки с этой ночи принимают тебя, можешь приказывать им, куда захочешь, туда и отвезут, – улыбнулся Орсег. – Это мой подарок тебе, Аяя! Не думай, ничего за него не попрошу, это для того лишь, чтобы ты могла путешествовать не только по суше, но по моим океанам и оценила мощь и бескрайние просторы моих владений.

– От эт да!.. што деецца... – услышала я сверху. И второй голос произнёс примерно то же.

Я и Орсег, мы повернулись и увидели моих верных Дамэ и Рыбу, раскрывших рты от изумления при виде корабля. Орсег засмеялся:

– Твои названные брат и кто? Сестра?

– Пусть сестра, почему же нет?

– Как зовут их? Представь меня?

Я улыбнулась, настоящий уважительный ухажёр. Что ж, он не груб и не нахален, и действительно, не требует и не убеждает очень уж настырно...

Подойдя ближе к Рыбе и Дамэ, Орсег улыбался им обоим.

– Познайтесь, повелитель Водных стихий, Орсег, – сказала я. – А это мой названный брат Дамэ и Рыба, названная сестра.

Орсег пошутил насчёт имени Рыбы в том смысле, что она и ему, выходит, родня, коли так прозывается, она не стала спорить и тоже улыбалась красавцу, заметно робея. А вот когда Орсег взглянул на Дамэ, улыбка его немного затуманилась и остыла, но говорил он с Дамэ так же, как и с Рыбой приветливо, однако, руки не подал, хотя я ожидала. И дальше говорить с ним больше не стал, взял меня за руку и стоя ближе ко мне и подальше от Дамэ, сказал:

– Вот сватаю сестру вашу, одобрите ли её выбор, коли согласится?

Оба мои спутника, раскрыв рты, воззрились на нас, пришлось рассмеяться и сказать:

– Не пугайтесь так уж, не сию минуту замуж иду. И пойду ли, не знаю.

– Батюшки... Ты смотри, она думает ишшо? – Рыба всплеснула руками. – А, Дамэ, Ты то чё молчишь-замер? Что тут и думать-полагать? Морской царь! Да ты што, Аяй? Сбесилася, отказываться?! Шас же, шас же и соглашайси! Скока мы по земле колесить-от будем?

Я засмеялась и сказала Орсегу:

– Вот видишь, Орсег, по нраву ты близким моим.

– Спасибо, Рыба, говорю же родственница! – сказал он, но в лице у него было что-то новое, будто он хотел сказать мне что-то наедине.

Дамэ, действительно молчал, и как-то побледнел и выпрямился, глядя на новоявленного жениха, но, думаю, то от ревности.

– Подарок-то принимаешь мой? Ежли откажешься, потоплю их, – сказал Орсег.

– Не надо, не топи, пойдём по Царь-морю твоему, может быть, пристанем где, в благодатном краю. А по пути подумаю над предложением твоим лестным. Не обидишься?

– Спасибо, что не отказываешь, о строптивом нраве твоём также наслышан я, и о мрачности, но ты улыбаешься мне, стало быть, не все слухи о тебе правдивы.

Он улыбнулся и потянул меня от них опять ближе к воде. И заговорил тихо, когда мы спустились уже к самой кромке:

– Это демон рядом с тобой, ты знаешь о том? – Орсег сверкнул глазами. – И для чего его Повелитель Тьмы к людям посылает, тоже знаешь?

Я выдохнула:

– Я знаю, Орсег, но он... Дамэ давно не служит прежнему Повелителю.

Орсег отодвинулся и удивлённо посмотрел на меня:

– Ты веришь, что демон может перемениться, свою природу изменить, на светлую сторону перейти?

– Больше, Орсег, я знаю, что это так, – твёрдо сказала я.

– Что ж ты... на свою сторону его переманила? Как? Любовником взяла? – Орсег взгляделся в моё лицо. – Ну... за энто не Повелителя какого, отца родного не пожалеешь...

– Тебе для чего знать про то? – нахмурилась я.

Он смотрел уже с новым, иным, даже большим интересом, чем даве.

– Ежли сам он, по своей воле отринул Создателя своего для тебя... Сила великая в тебе, Аяя. Ты... ты знаешь про то?

– Чепуха, – отмахнулась я. – Никакой особенной силы во мне нет и прежнюю-то почти растеряла, только что не старюсь. А Дамэ... Влюбился просто, как ты вот.

Орсег спорить не стал, вздохнул только и не смеялся больше:

– Может и так, может быть... – раздумчиво произнёс он.

А потом, будто вспомнив, улыбнулся и сказал:

– Так не будем заставлять ждать корабль твой, поднимайтесь на борт!

Я махнула Рыбе и Дамэ, чтобы не заботились уж о скудном скарбе нашем, с которым мы тащились по суше, чтобы взяли только коней. Но и коней подняли на борт услужливые рабы с корабля, устроили после в трюме.

Мне же спустили лодку и с почётом отвезли к кораблю. Вблизи он оказался ещё больше, сделанный из добрых просмоленных досок, запах издавал самый прекрасный – кедра и сандрика, высота борта была в пять или даже шесть косых сажений, а ширина нижней палубы оказалась и все десять. То, что издали казалось второй палубой в действительности было настоящим домом, даже дворцом в несколько горниц, убранных самыми лучшими и никогда ещё мною не виданными коврами, резной мебелью и резьба та была диковинная, совсем незнакомый орнамент и дерево – золотая берёза. Ткани наподобие нашего аксамита и дамаста, но и убрусовые занавеси, легко колеблемые ветром, влетающем в открытые окна и проёмы, забранные тонкими решётками. Множество статуэток, красивой золотой посуды, от которой я давно

отвыкла и теперь смотрела на всё это богатое убранство, будто перескочила в прошлое, но не своё, а чьё-то более благополучное и счастливое. Меня провели в мои покои – просторная горница-почивальня и при ней ещё несколько для чади. Кровать с золотыми инкрустациями, с пологом, тоже убрана убрусовыми занавесями, накрыта покрывалом из нежнейшего меха белых норок и лис. Прислужницы с поклоном открыли мне сундучки, показывая драгоценные уборы, множество великолепных венцов, ожерелий, серёг, браслетов и колтов, из самых великолепных самоцветов, перлов, из золота и серебра самой тонкой работы, какой я не видала ещё. И наряды из тончайших тканей чудесных сочных цветов с самыми искусными тонкими вышивками.

Я обернулась на Орсега, он лишь посмеивался:

– По нраву ли тебе мой подарок, Аяя?

– Красота и богатство невообразимые, что в Авгалльском дворце только и видывала, – ответила я. – Токмо...

– погоди, не спеши сказать, чтобы не думал покупать тебя, я и не покупаю, и не думал даже, а то, что я богат, богаче всех на земле, так то тебе и без подарков моих ясно станет, как пройдёшь на корабле хотя бы часть пути и поймёшь, как громадны мои владения, – сказал Орсег, предупреждая мои «токмо». – А чудес в них ещё паче, чем богатств. Скромничать я не буду, мне от рождения и с посвящением была дана Сила, а владения себе я завоевал сам, наследства никто мне не оставлял такого так что горжусь и по праву.

Он улыбнулся, блеснув широкими белыми зубами.

– У тебя есть всё, что нужно мне, может статься, что и у меня найдётся то, что хочется тебе. А теперь... – он обернулся по сторонам. – Теперь ставьте паруса. Ветра вам всегда попутного в паруса надует ветер, и шторма будут обходить стороной и пираты. Только обещай, не забывать слов моих, подумай обо мне, о царстве моём. Как соскучишься, позови, к любому морю, али даже реке или озеру, хоть к малому ручью подойди и позови меня, я и явлюсь. Захочешь, покажу тебе чудеса подводного мира. Всё, что захочешь покажу и всё сделаю, что в моих силах. А захочешь, просто позови, в грустное мгновенье, я развлеку тебя рассказом весёлым, – он улыбнулся, глядя на меня. – Может, поцелуешь за то когда? И не забывай, что всегда готовый твой жених в море-океане.

– Спасибо, Орсег! – сказала я, повернувшись к нему. – А с поцелуем, чего же годить, теперь и поцелую. В благодарность за доброе сердце и бескорыстие, за предложение твоё и подарки.

И я поцеловала его в большие тёмно-красные губы, горячие и пахнущие солёной водой, от кожи его пахло морской солью и горячей силой, слишком большой для меня, даже жутко, а волосы точно расчёсывали русалки, завивая в кольца и спирали. Он не стал нагличать и раздвигать губы, но зажмурился и прижал меня за талию большой рукой, чтобы подольше прижиматься ртом.

– Не серчай, коли приду когда тайно, без зова поглядеть на тебя, полюбоваться красой твоей чудесной, – тихо проговорил он, отпуская меня.

Направился, было к выходу из покоев, впрочем, открытых теперь, ветерок влетал внутрь и колыхал тонкие занавеси, но остановился и сказал обернувшись:

– Как насладишься волей морского путешествия, сходите на мою родину, погляди, где я родился, где вырос, хотя и переменилось всё за тысячи прошедших лет, но места те же, воздух и дух, даже люди. Может быть, ближе стану к твоему сердцу.

– Где же эти места?

– Команда знает, отвезут тебя. А проывается Финикия – лучшая страна из всех стран, хотя ты и не согласишься, всякому своя Родина милее всех.

– Спасибо, Орсег. Давно я не видывала щедрот земных и душевных. Коли не смогу полюбить тебя, не обижайся, не держи сердца? Не наказывай за то?

У него в лице мелькнуло что-то, но незлое, спокойное, только грустное немного.

– Не стану. Не думай, Аяя, даже и ревности не будет, я говорил. Не захочешь в мужья, оставь другом.

Я улыбнулась, я, действительно, давно, а может быть, и никогда ещё не видывала таких добрых людей. Я вышла с ним на палубу, он подошёл к борту, протянул мне руку:

– Точно никому привета передать не надо? – он внимательно смотрел мне в глаза, будто хотел проникнуть в глубину зрачков.

Я пожала его большую уверенную ладонь и сказала:

– Некому боле, – вздохнула я. И, подумав, добавила всё же: – Потому и сердце мертво и пусто.

– Негоже. Ты жива, заживо себя хоронить – большой грех. Оживить ретивое надоть, не закрывай душу от мира,пусти воздух, как вот ветер впускают паруса, и взлетишь снова. Сильным много дано и спрос большой, ты только толику небольшую прожила, только первую закалку преодолела, что ж, сдаваться? Надо жить, Аяя.

С этими словами он прыгнул в Царь-море или как сам назвал его, в океан. А я осталась смотреть на медленные дышащие волны, чувствуя, как свежий и плотный морской ветер холодит мне кожу. А ведь давно не чувствовала я ни ветра, ни запахов, ничего...

Ко мне подошёл высокий длинноносый человек с рыжей бородой, но самой благородной наружности и с поклоном спросил:

– Прикажешь отправляться, царица?

– Не зови меня так, – поморщилась я, ничего хуже не было, чем когда прозывали меня царицей.

– Как прикажешь, госпожа Аяя, – с почтительным поклоном отвечивал капитан, а думаю, это был именно капитан.

– Как звать тебя? – спросила я.

– Гумир, госпожа.

– Хорошо, Гумир, отправляемся. На родину Орсега, в Финикию.

Гумир улыбнулся:

– То и моя родина, госпожа.

– И семья есть?

– Конечно, жена, сыновья взрослые. Один на этом корабле со мною ходит, мой помощник над матросами – Силен.

– Стало быть, ты счастливый человек, Гумир?

– В чём считать счастье, госпожа, в имениях или желаниях. По имениям я вполне счастлив, а вот желание ты моё выполнила – домой идти. Так что да, я счастливый.

– Что же такое горе, по-твоему?

– Горе, когда желаний нет.

У меня желание было и преогромное: ужасно хотелось вцепиться этому подводному пройдохе в горло, да в скулу врезать. Прямо кулаки зачесались. И не казался он мне таким уж добрым и честным как Аяя. Ишь ты, явился со своими дарами, наготой прекрасной, даже шрамы на нём красивы, чтобы он провалился в самые глубокие омуты в своих морях! Сватать Аяю, да ещё с таким подходом, какой любой женщине льстит и нравится, ишь какой мастер, этих жён у него, небось, полный садок!

Это именно я и сказал Аяя, когда мы отошли уже достаточно от берега, когда нас с Рыбой тоже устроили в великолепных покоях, каждому не токмо ложе, но и целый сонм прислужниц оказался положен. И яства на столах, и вино диковинное, и убранство, каких я вообще никогда прежде не видел, как и обхождения. Рабы и рабыни в шатре у Гайнера тоже были подобо-

страстны, но эти рабыни ещё и на редкость хороши собой, а к ночи оказалось, что готовы с радостью исполнять все до единого мои желания, не гнушаясь и не ломаясь.

На мои слова, сказанные с плохо скрытым кипением в голосе, она, убранная, как и мы с Рыбой, в прекрасные одежды изысканных тканей, вышивок, с волосами, перевитыми великолепными украшениями, с драгоценными камнями, и золотыми нитями. Куда там до прежней, спавшей на общей кошке рядом со мной и Рыбой и одетой в самую простую посконь. Теперь и не узнать бы её было, как совсем не узнать Рыбу, отмывшую многолетнюю грязь, и нарядную теперь как настоящая госпожа, но Ая и на фоне этого великолепия выступала ещё только ярче невероятной басой своей. Она обернулась на мои слова и сказала, улыбнувшись:

– А подарки его принял, в красивое платье оделся, Дамэ, не отказался. Что же злишься?

– Што злюся? Так может ты и на ночь позвала его? Проверить, каков жених-от, царь подводный?

Ая перестала улыбаться, выпрямилась, бледнея, и произнесла сквозь зубы:

– А вот это не твоё дело, драгоценный названный брат мой! Не смей никогда мне ревнивых слов говорить, не то тот же час приму Орсега в мужья и жить к нему на дно морское отправлюсь, подальше от людского мира, от злости и скверны вашей!

– Нашей... – я отступил, стусевавшись. И добавил глухо: – Моя скверна, што ли? Точно я человек...

Ая смягчилась тут же, тронула за руку меня и произнесла:

– Прости, Дамэ, но... Потому только и остались мы вместе, что ты мне согласился братом быть. Не переходи за это, не мучь всеми отжившими во мне глупостями. Нет ничего внутри меня, чем я могла бы ответить на любовь или страсть, и не бреди больше. Пообещай.

Я пообещал, конечно, как иначе. Ну, а ночью утешился с одной из прекрасных черемных девушек, звали которую Арит. Таких радостей не было у меня так давно, что я отвык, совсем, казалось, разучился, но, надо сказать, всё мгновенно вспомнил. И так Арит была хороша, мила и послушна и многому научила меня, приходя еженощно, что я очень скоро уже забыл свою ревность, благодарил подводного царя за его щедрость...

Рыба же предалась удовольствию, что доставляли ей кушания и напитки. А вот Ая... вот же странная душа, прилипла к старому рудобородрому Гумиру, и взялась изучать их финикийских Богов, на чёрта они, спрашивается, ей нужны. Но Рыба сказала мне на это:

– Боги, Дамэ, да счастье, что вообще чего-то зажелала, хоть что-то делает, не мёртвой куклой, как по сию пору. Пушай, глядишь и вовсе оживёт. Может, и правда надумает и замуж пойдёт.

Не знаю, о чём надумала Ая, но, занимаясь сама, взялась и меня и Рыбу снова учить тоже. И этим финикийским идолам и ещё, что узнавала от Гумира, что знал умудрённый годами моряк, но это бы и половина беды, но так ведь и прочим премудростям, что сама знала. И добро бы этого мало было, я-то думал всё, наше образование ещё когда окончено, а то ведь, где в ней и хранилось столько сокровищ этих знаний безмерных, откуда она доставала их, когда и насобирать в свою голову успела, но делилась ими теперь щедро и даже радостно снова начал думать я.

– И на что нам энто всё? – вздыхая, ворчала Рыба. – Жили-жили, ничего не ведали, теперича... и страшновато делается, сколь остается ещё за гранью...

На это Ая улыбалась удовлетворённо:

– А это потому стало, Рыбочка моя дорогая, что приоткрыла ты сокровищницу тайн и знаний. Чем невежественнее человек, тем увереннее в себе. А теперь иная уверенность в тебя входить станет, что ты сама – безграничная вселенная и заполнить её никогда и ничем полностью не удастся.

Рыба только и вздыхала и, подчиняясь Аяе, благодаря которой после стольких скитаний жила теперь как не все богачки живут, в окружении роскоши, благодати и полного безделья,

если бы не учёба, вгрызалась в гранит наук, хотя давалось ей это весьма непросто. Мне было легче: мой ум, как сухая губка с жадностью впитывал всё, что вливала в него Аяя. Я не думал и даже ожидать не мог, что в ней, такой с виду маленькой, такой хрупкой, юной, хотя я и знал, что она живёт очень давно, и всё же мы все привыкли больше верить глазам, а не умственным вычислениям, в ней, кого я знал так близко, почти невозможно было вообразить и поверить, что, оказывается, в ней так много знаний и мыслей. Рыба так и говорила:

– Оживает, похоже, касатка-от наша.

Ну что же, от Орсега этого кроме всего остального ещё и такая польза нам оказалась. Хотя и не привык я к царскому житию, но к такому хорошему привыкаешь быстро, а потому разнежился и стал хорошо относиться к подводному чудищу. Хотя и не престал подозревать его в дурных мыслях. А кому ещё, если не мне сохранять бдительность? Орсег, действительно, приплывал к Аяе, и довольно часто, пока мы двигались по безмерному Царь-морю его или как он его назвал, по океану. Бывало, она и не видела, что он тут, он не показывался ей, наблюдал исподволь, не видели и другие, видел только я один, сохранившимися у меня способностями видеть, что скрыто от всех прочих. Приплывал и открыто, и они подолгу разговаривали, и я слышал, потому что и слышать я могу как никто из существ...

Глава 4. Возвращение и бегство

Арик болел кряду двенадцать дён. И не раны, что я уврачевал скоро, терзали и ослабляли его. Я впервые не мог поднять кого-то быстро, как всегда, несколько мгновений требовалось на это, не больше суток, если целое село или город, и выздоравливали все, а тут... И понимал я, что тоже виноват в том, что Арик так ослабел, и ничего поделать с этим я не мог. Легко вместе биться против общего врага, но когда его не стало, мы снова повернулись лицом к лицу в вечном противостоянии. Не было бы Аяи между нами, может быть, мы и просуществовали бы снова достаточно долго в мире и согласии...

Я приехал в Авгалл на другой день после похорон Могула, и явился во дворец к моей дочери, что теперь осталась при троне своего сына, ещё отрока, Кассиана. Я понимал, как непросто сейчас придётся ей, и хотел предложить свою помощь. Но, кроме того, и получить доступ к страже и пустить её по следу Аяи, одному в такое время, когда всё перемешалось в царстве, когда потоки наших и пришлых людей беспорядочно двигаются по всем городам и весям, перетекая, входя и уходя, не обустроиваясь, искать было бы несподручно.

Арлана приняла меня вместе с Кассианом, мне даже показалось, что теперь она ни на шаг не отходит от сына, будто саму себя уговаривая, что она при нём для того, чтобы помогать ему стать настоящим царём, но на деле ей самой хотелось быть полновластной царицей, может быть, хотелось этого всегда, только теперь представилась, наконец, эта возможность.

– Счастлива видеть тебя живым, батюшка! – приветствовала она меня, улыбаясь, впрочем, довольно холодно. – Как обнаружили наш пустой похоронный престол, так и рассчитывали, что ты, в силу природы своей, живой остался. Царь Кассиан гордится, что он внук самого великого предвечного Эрбина. Так ведь, государь?

Кассиан взглянул на мать вопросительно и кивнул мне.

Я не заметил следов слёз или тяжкого горя о потере мужа, напротив, несмотря на траур в городе, во дворце и одеждах её самой и Кассиана, она была бела и свежа, никаких следов слёз на лице её не обнаруживалось.

– Ну... Чай царица, не баба из деревни, не должна по полу от горя кататься, волосы на себе рвать, мужа потерявши? Горе то, для всего Байкала горе, но мне силы на управление царством нужны и на слёзы их не хватат, – сказала мне на это тихое замечание моя дочь. – И больше того, не на меня в последнюю свою минуту глядел мой супруг, ты вем...

Вот об этом я и хотел поговорить. Я не видел, как умер Могул, в этот миг я сам помчался к Завесе, удерживая Арика за руку.

Я отвёл Арлану в сторону, чтобы сын её и Могула не слушал, чтобы в царственности своей не сомневался, тем более что найдутся вороги, что не преминут ему ещё напомнить и попенять, что он сын царицы, чья царственность под вопросом, а значит и его собственные права на трон. Я спросил мою дочь так, чтобы она не могла даже заподозрить меня в собственном интересе к Аяе:

– Где же та, мукомолка? – старательно изобразив небрежность, спросил я. – Убита?

– Да если бы! – ответила Арлана, с досадливым вздохом. – Утекла куда-то, никто не видел после, как разметала всё войско вражье. Сказала великодушно, что истинная царица – я, будто долг отдала, а что мужа на веки захватила и так и не выпустила из когтищ своих стальных, это...

– Погоди, Арлана, что значит, разметала? – изумился я, не понимая.

Она с удивлением посмотрела на меня, но, будто вспомнив, кивнула:

– Ах, да! Ты же... Арий тоже живой, стало быть?

– Живой, как я мог позволить ему умереть?

Арлана покачала головой: – Н-да, подумать, Эрбин Великий – мой отец, Арий – дядя, – сказала она, с улыбкой глядя на меня. – Призадумайся не на шутку.

Но я хотел говорить об ином, а потому спросил:

– Так что с воями вражьими?

И Арлана рассказала мне то, чего мы с Ариком не видели... Этот рассказ я повторил после ему. Он, сильно исхудавший и при том ещё очень бледный и слабый, слушал меня, полулёжа в большой горнице с распахнутыми по случаю жары окнами, где ходили за ним Серая и Белая.

– То есть как это молнии с небес? – изумлённо спросил Арик, приподнимаясь.

– А вот так, Ар, я сам не видел, как и ты, всё с Арланиных слов, что видела сама, то и рассказала, а она к Аяе относится так, что приукрашивать не станет, напротив, приглушит и пригасит, но Арланины слова: Аяя в воздух поднялась как даве с Мареем, но уж одна, чёрны тучи собрала, едва не в кулаки, и молниями на врагов обрушила, не она, не в нашу пользу могла решиться битва. А если и в нашу, сколь полегло бы байкальцев там...

Арик смотрел на меня, качнув головой, волосы от лежания сбились на затылке, надо остричь, паршивки не следят. Но он не замечал, проговорил как зачарованный:

– Предвечные так не могут, Эр... Управлять небесами – это в ведении Богов.

Я лишь пожал плечами:

– Мы с тобой не видели своими глазами, а что видела Арлана, кто теперь разберёт, что ей со страху померещилось, что на самом деле было. Я, к примеру, вообще не знал, что моя дочь войско собрала и на подмогу шла следом, добрались они как раз к гибели Могула... Ну, и нашей тож.

– Н-да, странно... И удивительно, – Арик, прикрыл глаза, опустив затылок на подушку. И добавил, почему-то: – Как всегда.

А следов Аяи не могли найти и многие десятки стражников, что я тайно послал на её поиски. Но этого я не знал ещё в тот день, это узнается только в течение месяцев и даже лет. Никто ничего не видел и не знал об Аяе.

Арик поправился и сам пустился на поиски Аяи, об их результатах я не знал, как он не знал о моих. Выздоровев, он поблагодарил Серую и Белую за заботы, сердечно попросил прощения у Игривы, что занял её дом так надолго и обнял меня на прощание. Я, как и обещал, дал ему и одежду, и коня, я подвёл его к границе своих владений, открывая перед ним проход, через который мог прошествовать только я, и, остановившись здесь на мгновение, мы посмотрели друг на друга.

– Когда свидимся? – спросил я.

Арик пожал плечами. Он сильно похудел и, хотя телесно был вполне здоров, но душой страдал и я это видел, я даже чувствовал его боль, словно она была моей, однако утешать его душевные раны мне было нечем, даже, если бы я захотел.

И всё же теперь, когда Аяя снова потерялась, я смягчился сердцем и сказал:

– Быть может... Ар, когда ещё такое было, что мы можем, не скрываясь жить среди людей, быть может, и славу нашу укрепить и пользы принести? В управлении царством помочь? А?

Арик посмотрел на меня, усмехнувшись:

– Ты сам веришь в это? Хотя когда-нибудь был толк от того, что мы с тобой оказывались возле трона? Кончалось дурно.

– Ну не так мало толка было от нас, – возразил я. – В конце концов, если бы не я, может быть, Марей никогда и не стал бы Могулом. И... Не мы бы, нашим никогда не отразить нашествия полуденцев! – горячо ответил я, понимая, что главное, что было нами двоими сделано для победы, придумал и провернул всё же он, Арик.

– Чёрные дни были, Эр – холодно сказал Арик. – Теперь рассеялись, теперь от нас снова большого добра не будет, ты ведь помнишь, всегда было так-от, – возразил Арик, не желая

признавать своего доказанного перед всеми величия, не находя его таковым снова. Противный, неугомонный скромник, кого он хочет обмануть?..

– Что, опять в лес куда забьёшься?

Он посмотрел на меня, и я понял, что мне он не скажет. Потому же, почему я не говорю, что отправил несколько отрядов по Байкалу, искать Аяю...

...Ни с чем вернулись отряды Эрика, как ни с чем вернулся и я, когда обойдя все без исключения сёла и города, облетел все леса, и не нашёл и следа от ноги её. Я заходил в каждый дом, я разглядел с самолёта каждое дерево, пещеру, я так хорошо изучил всё приморье, что мог быть уверенным: Аяи нет на Байкале. Никто, ни один человек не видел её после битвы, большая часть людей вообще склонялись к тому, что она так и не спустилась с неба, после того, как поднялась в него. Все без исключения знали и передавали с всё возрастающим восхищением и подробностями то, как парили над всеми Могул и его Аяя, его любимая, которую он потерял и безуспешно искал столько лет, по которой носил траур всю жизнь, и вот, в последний миг...

– Она к нему с неба спустилась и на небо его и забрала к себе...

– Ясно – мёртвые к мёртвым...

– Аки лебедь белая слетела к нему и подняла на крыльях в небеса...

– Но стрелы всё ж достали его...

– Ох... и умер наш Могул, как ни держала его его светлая лебедица...

– И тогда взмыла к облакам и собрала тучи и молнии в руцы свои и поразила всех врагов-от молниями прямо в темя!..

– А после... После уж мертвеца подняла на крыла свои и унесла с собой, чтобы больше никогда не возвращаться...

И всё это с придыханием и священным трепетом. Так что стала Аяя и Марей теперь легендой живей и ярче, чем наша с Эриком. Впрочем, и мы превратились уже совсем в подобие Богов, великим сочли наш вклад в победу. Но мне это сердца не грело и не облегчало. В отличие от Эрика, он купался во славе и власти, которую получил теперь. Его дочь с удовольствием избавилась бы от него, отодвинула бы, будь он обычный человек, но великий Эрбин – это скала, которую ей было не осилить.

Я же в Авгалл не приезжал много лет. Я не мог простить Эрику и того, что он отнял у меня Аяю и, пусть косвенно, но послужил виной тому, что было после, мне казалось, будь Аяя со мной, и нашествия бы никакого не было, я не мог простить ему и то, что он спас меня и заставил жить одного, обездоленного и потерянного... Уйди я за Завесу, я хотя бы не мучился этой болью одиночества, изводившей меня ныне. Но от этих мыслей меня избавило неожиданное явление: во сне я увидел нечто, это было явление и не похожее на человека, но с человеческим голосом, а как оно выглядело, я не мог понять, я не видел лица или хотя бы тени, я лишь слышал голос. Голос же был женским. И вот этот самый голос сказал мне:

– Стыдись, предвечный Арий, брат многое отдал за тебя, и многое на себя взял, столько, сколь мало кому унести, а ты сердце на него держишь! Ничего не решил бы твой уход ко мне за Завесу. Аяи нет в моих пределах! А ты без неё тоскуешь, твоя душа без неё не может существовать в полноте и силе, даже здесь у меня за Завесой, и отсюда рвался бы к ней, я такое видала – морока одна. Так что не стремись сбежать от самого себя, ищи её среди живых. Ваше с нею назначение быть вместе, не напрасно её привели к тебе Боги. А за Завесу ко мне когда спуститесь, оставив бранные тела на земле, я буду рада! А раньше времени не лезь, не нарушай порядка и векового покоя моего.

И захохотав, исчез...

Если Аяя жива, а она жива, то куда пропала, куда могла уйти, куда, если знала, что мы живы? Не хотела больше видеть меня? Потому и ушла? А если умерла?

Но Эрик, которого я ещё раз спросил об этом уже спустя несколько лет, ответил уверенно, что за Завесой её нет. Впрочем, замявшись, он признал, что Повелительница Той стороны сказала ему, что Аяина тень блуждала возле Завесы некоторое время, либо была больна тяжело, либо...

– Что? – нетерпеливо спросил я.

Он пожал плечами, сомневаясь:

– Быть может... желала смерти... Марей умер... али... – он взглянул на меня и отвернулся, словно не хотел произносить того, что сказал всё же: – али по тебе тоскует... ежли думает, что померли мы... – поморщившись, сказал он и отвернулся...

...Сказал, верно, потому что так думал. Искренность в этом далась мне тяжело, но сейчас, когда прошло несколько лет, в течение которых мы с Ариком не виделись, и ничего не знали об Ае, произнести это было легче.

Я действительно успокоил своё сердце близостью к трону, хотя стал полноценным советником только со смертью моей дочери. Кассиан, в отличие от своего прадеда-тёзки, отодвинутого от него временем на тысячу с лишним лет, и приближен моим родством вплотную, был слаб и подвержен влиянию. Вначале влиянию Арланы, оказавшейся властной, сильной и, оказавшейся в своё время тени Могула только потому, что сильнее его вообще никого не было. Но судьба так и не позволила ей выйти из тени, она последовала за мужем всего через два года, и я получил полную у власть, оказавшись к исполнению извечного своего желания царить близко, как никогда раньше. Кассиан во всём доверился мне, полностью переложив мне в руки бразды правления. Даже повзрослев, Кассиан жил своей жизнью самого обычного горожанина, только что обретался во дворце, восседал на троне в нужные моменты и говорил те слова, которые я вкладывал в его уста. В остальное же время он предавался охотам, и своей семье, женившись, он был очень счастлив, влюблён в свою жену, нарожавшую ему шестнадцать милых ребят. И так продолжалось пока уже сын моего внука не сел на трон. Но и здесь я остался там же, потом ещё сменился царь на троне...

Сколько прошло лет так? Сколько? Я не знаю, я опять перестал считать. Я успокоил свою душу тем, что, наконец, наслаждался тем, что, не называясь царём Байкала, на деле я им был. Свет великого Эрбина теперь не мерк, я мог всё время быть среди людей, не пряча больше своего величия, своей сути.

Чем занимался всё это время мой брат, я не знаю. Он редко появлялся в Авгалле, а может быть, и нередко, но я не видел его, я знал, где он живёт, между прочим, оказалось, в том самом доме недалеко от Каюма, который он порушил своим гневом, когда явился за Аяей. И мы виделись с ним, но очень редко, он не хотел видеть меня, и мне казалось, по-прежнему винил в том, что он не может найти для себя жизни. Потому в Авгалл ко мне он не навещался, я наезжал к нему на берег.

Дом он отстроил заново, благоустроил и весь берег, здесь была у него и лодка, возле заново восстановленной им пристани, взамен разрушенной, на которой он ходил по Морю, он завёл и скотину, по своему обыку, любитель простой деревенской жизни, то ли со скуки держал коров и коз этих. Построил и башню какую-то странную, с которой он, оказывается, наблюдал за небом и звёздами, записывая все свои наблюдения и накопил целую светлицу ларей и полок с записями. А кроме того, мастерил всевозможные непонятные и даже загадочные приборы и приспособления, показывал мне, рассказывая для чего они: был один, чтобы предсказывать дожди и метели. Другой показывал с точностью положение всех главных светил на небе в каждый момент времени, сейчас и в будущем.

– Зачем? – спросил я.

– Как зачем? – искренне удивился Арик, не понимая, почему для меня кажется лишним вся эта ерунда с изучением светил и тем более их движений вокруг земли. Вот как, спрашивается, это влияет на мою жизнь?!

Он пожал плечами.

– Не знаю, как, может статься, что и не влияет, – сказал немного обескураженный мной Арик. – Но если они там есть и мы среди них, надо понять, для чего они. Мы же пытаемся понять, для чего мы.

– Я не пытаюсь, мне всё ясно, – спокойно сказал я.

– А мне нет...

Неисправимый мечтатель, всегда живший немного над землёй, несмотря на все свои сады-огороды и коров с курами и козами.

Но самой большой его гордостью были часы. Именно так, он так назвал части, на которые разделил время в сутках, а эти части ещё разделил и назвал минутами:

– Минует кратко, не замечаешь, потому минута, – с воодушевлением говорил он, взглядывая на меня. – Но не слишком и мала она, в минуту твоё сердце ударяет шестьдесят раз, а в каждом часе таких минут тоже шестьдесят.

Слушая его измышления, я понял, что слышал это от него уже, давно и то было связано с Аей. Я не стал спрашивать, я вспомнил сам, те самые её цветочки и их лепестки, все эти числа, в которых он тогда разобрался, разглядывая её вышивки. Я не стал говорить, но понял, что часы – это его воспоминание или мечтание, али тоска по ней.

– Ты оженился бы лучше, – сказал я. – Всё веселее.

Он посмотрел на меня без упрёка и сказал только:

– Нет, это не для меня.

– Как же ты без женщин?

– Никак, – он взглянул на меня, – я вовсе не без женщин. Я никогда без женщин не был, зря ты так решил обо мне. Но... жениться – нет, это... больше не для меня, близость без близости – этого я больше не смогу.

Значило это, что он не верит больше женщинам или ему не нравится никто из-за неё, или он всё ещё по ней тоскует, как я тосковал в тайне даже от самого себя. Просто я умею жить в удовольствии, хоть что у меня в мыслях и на сердце, а он – нет. Поэтому я, конечно, женился снова, когда Игрива покинула меня и ушла за Завесу в своё время. Теперь только я не жил сразу на две семьи, мне хватало одной, но будь их и десять одновременно, всё равно это было совсем не то, что было у нас с Аей. Хотя с ней было совсем не так, как мне хотелось бы, как мечталось, как могло бы быть, и воспоминания о том, что я страдал из-за чёртова Арикова похмелья и не мог вполне насладиться каждым мигом, и то, что она сбежала, улучив момент, то есть я держал её в плену, всё же омрачали тот свет, которым озарена была моя душа при каждой мысли о тех днях и об Ае вообще. Но, может быть, именно поэтому мне хотелось всё вернуть, всё исправить, всё сделать так, как надо. Чем я хуже Арика? Почему она не бежала от него к Марее... хотя Марее я очернил... я путался в своих мыслях и чувствах об этом. Я начинал думать, что от меня она убежала, опасаясь Арика, ведь ушла прямо накануне его явления...

Теперь Марей стал легендой не хуже нас с Арием, только легендой смертной, а потому с каждым годом всё более великолепной, идеальной, непревзойдённой и изумительной, мы же отныне были рядом и поэтому начали терять блеск... Это человеческая жизнь коротка, а для нас десятки лет проскакивали так, что мы не замечали их. И я начинал чувствовать, как тает и ускользает бывшее величие, мне стало даже приходиться в голову, что для возрождения этого самого величия надо бы куда-нибудь исчезнуть снова. Но так не хотелось опять отправляться в ссылку... А, похоже, срок не просто подходил, а может быть, и вовсе был упущен.

Во дворец в Авгалле Арика было не заманить, по-прежнему, он помогал ратаям в их страданиях, как Галалий, но теперь пошёл дальше: выучил даже нескольких лекарей, один из которых, Вегор, после создал что-то вроде училища в Авгалле, где хранились списки с усовников, куда приходили учиться и последующие поколения лекарей, построили даже больницы в городах, бывших столицах царств и это тоже придумал Арик, причём лечили там бесплатно, а жалование лекарями и помощникам платили из казны. Не желая спорить с тем, что это благо, я не стал возражать, что очень полюбилось народу Байкала, значительно приросшему, надо сказать, за время после нашествия орды полуденцев. А средства на эти все его благости мы брали из налогов, которые платили все, богатые – много, бедные чуть-чуть, но тоже, на этом настоял я, считая, что если бедняки не смогут участвовать в накоплении общего богатства, то не смогут считать, что находятся в том же праве, что и те, кто платит. Так же из налогов кормили и городскую стражу, должную охранять покой в годах и селах, и войско, призванное оберегать весь Байкал. Казна казной, но люди должны понимать, что они не нахлебники и не дети, если их защищают и лечат, то они тоже должны содержать тех, кто народу служит. Все ради всех.

Города наши стали больше, и дороги мы построили, это уже была моя заслуга полностью, и строили мы их сначала между столицами, а после уже стали соединять и деревни, и сёла, появились и объездные дороги, хотя главным путём, соединяющим все города и все околичности страны, всегда было и осталось Великое Море, по которому летом ходили корабли и лодки во множестве, а зимой по льду все расстояния становились ещё меньше, так было во всю историю Байкала больше всего люди ездили из конца в конец царства по воде, то есть по Великому Морю.

И ещё после полуденного нашествия Арик настаивал, что необходимо придумать что-то для охраны границ и дальних дозоров.

– Дальних дозоров? – удивился я. – Что ты думаешь, наших ратников посылать в какие-то разведки?

– А ты хочешь снова нежданно оказаться нос к носу с ордой, взявшейся неизвестно откуда?

Он, конечно, был прав совершенно. И пришлось создать и такую, совершенно новую стражу, которая занималась только охранением границ Байкала. И подумывать, не построить ли стену вокруг. Но с этим Арик не согласился:

– Приморье наше растёт и ширится, что же ты будешь душить людей стенами?

– Под защитой всегда душно, – возразил я, но стен возводить мы всё же не стали.

Вот так за прошедшие годы мы не уронили того, что создал некогда великий царь Байкала Могул. И снова Байкал расцвёл, как мечталось, думаю, и Марēju, ещё юноше, и мне самому и, наверное, Арию.

Лет через сто пятьдесят или больше Арик внезапно собрался в дорогу и уехал, оставив мне свой дом на берегу. Я не люблю его отлучек, начинаю тосковать и слабеть из-за них, но остановить этого упрянца всегда было невозможно. Он даже позвал с собой, но я поспешил отказаться и сразу пожалел, что меня держало? Очередная семья? Увы, нет, желание оставаться великим Эрбином всего лишь, тщеславие, похоже, было моим главным грехом...

При расставании я спросил его:

– Ты узнал что-то... ну... – мне не хотелось произносить имя Аяи, чтобы не показать, что я сам до сих пор не могу перестать думать о ней, как это ни глупо.

Но получилось ещё хуже, Арик догадался, о чём я не договорил, и, хмурясь, отвернулся, а через несколько мгновений произнёс:

– Нет, Эр, пришло время уйти... Тошно стало на Байкале.

Это испугало меня:

– Совсем?

– Нет, – мягко ответил он, обернувшись, и глаза блеснули особенно тепло. – Я вернусь... Скоро.

Скоро, в нашем понимании это могли быть сотни лет...

Всё верно, всё именно так и было. Эрик достиг того, к чему стремилась его душа уже многие сотни лет, он, наконец, сделался полновластным правителем Байкала. Пусть он не сидел на троне и не носил короны, но был тем, кем ему всегда хотелось быть. Вторая тысяча лет нашей жизни явно лучше удавалась ему. В отличие от меня...

Я отправился скитаться по свету, без определённой цели, перелетая на своём верном самолёте с одного места на другое, жил некоторое время в новом месте, изучая местную историю, обычаи, а их было много, новых и незнакомых, хотя везде похожих, в общем, на наши. Люди даже в иных, иногда странных, но чаще прекрасных местах жили всё равно одним и тем же: убивали, создавали, боролись с хищными животными, выращивали урожай, любили, рожали детей, алкали власти, боялись, воевали, всё одно и то же, всё то же, что и у нас. Я понял, что отличия заключаются в мелочах, но не в главном, и путешествие мне вскоре наскучило.

Следов Аяи нигде не находилось, словно она улетела на небеса на самом деле. Отчаяние охватывало меня. Я не понимал, куда она могла так хорошо спрятаться? А временами сходил с ума от того, что не могу успокоиться и перестать искать её. Перестать думать о ней всякую минуту, перестать чувствовать себя неполноценным, половинным, почти удушенным. С того дня, как вернувшись домой, я не застал там Аяю, я так ни разу и не почувствовал себя прежним. Я не мог уже вернуться в себя, того, каким был до неё, я хотел этого, я делал для этого всё, я зажил прежней жизнью, какая была у меня до неё, я очень много и без усталости работал, создавая то, чего не было раньше, открывая для себя то, чего не знал раньше. Теперь я старался не только для себя самого открыть новое, но и передать это остальным людям, а потому, записывая, передавал списки другим, тем, кого могу теперь назвать моими учениками, а они в свою очередь воспитали других. Но и это не спасало. Хлебнув иной жизни, я не мог жить прежней и не мог начать и новой, какой-то совсем не похожей ни на старую, ни тем паче на ту, что была с Аяей.

Я хотел найти хоть кого-нибудь из таких как я сам, из предвечных. Я слушал очень внимательно рассказы о Богах, подозревая, что за них часто принимают как раз нас, предвечных, что настоящие Боги всей этой ерундой, что придумывали о них, конечно, не занимаются. Но найти себе подобных было так же непросто. Никто ведь не говорил такое о себе окружающим людям, как и я не говорил этого никому. Встретить и, главное, узнать так предвечного можно было только случайно. Но мне долго не везло. Может быть я встретил их уже уйму, но так и не понял этого? Но в это не особенно верилось, мне почему-то всегда представлялось, что такие как я всё же должны отличаться от обычных людей и выдавать себя этим. Хотя, чем, спрашивается, отличался я сам от остальных, если не кудесил при людях?..

И всё же случай однажды привёл меня в небольшой город где-то на берегу совсем иного моря, которое никто не называл великим, а звали Срединным, на краю пустыни, на далёком западе от нашего Байкала. Белая и сухая земля здесь, казалось была пропитана солью, словно она потела, как потел я, мучаясь жарой, и выступала на поверхности мелкой солью и пылью. Люди здесь были в большинстве своём темноволосы, многие кудрявы, очень многие красили головы и бороды в черемный цвет при помощи странной местной травы, чем очень удивляли меня, у нас никогда не считался красивым такой цвет волос, да и красноволосых среди байкальцев было немного.

Вино здесь было не в пример нашему, густое и сладкое, почти как мёд и пахло местными девушками – терпко и пряно, словно впитало жаркое солнце и тепло сухой здешней земли. А вот зелена вина не водилось, поэтому, чтобы почувствовать опьянение надо было налиться основательно. И я после долгих уже лет воздержания от выпивки позволил себе изрядно

набраться. Сразу мир стал как-то приветливее, женщины, сновавшие вокруг все сплошь аппетитные милашки, шутки окружавших меня ярыжек смешны, а моя жизнь не разбита, но вся у меня впереди. Всё же пьянство делало меня счастливым, как оказалось...

И вот я просидел в этом «счастье» несколько дней в неизвестном умете-кружале, не чувствуя похмелья, которое за меня, должно быть, испытывал Эрик. Подумав об этом я расхохотался, интересно, может быть, на таком расстоянии он всё же не мучился так, как если бы я был рядом?.. И это показалось мне таким смешным, что я опять взялся хохотать.

Ко мне подошёл местный целовальник, весь седой уже, но крепкий длиннородый человек, я заметил его сразу, за живой взгляд быстрых и ярких глаз, а после и думать забыл.

– Идём-идём, проезжий господин, отдохнуть тебе пришла пора, – приговаривал он, провозжая меня в какую-то горницу. А всё у них тут почему-то с удивительно низкими плоскими потолками, кедры я видел до самого неба, а потолки прямо на головы себе помещают, отчего это?..

– Ишь ты, о чём мысли-то тебе приходят, юноша. Откуда ты родом? По наружности твоей вижу, не здешний.

– Издалека я, дедуся! От Великого моря, от Байкала! – восхищаясь своим Байкалом, произнёс я.

– Великого, ишь ты... И что, больше нашего? – усмехнулся он, подтолкнув меня на широкую лавку со спинкой, наши без спинок, стены спинами подпираем, а здесь – нет, спинки делают для удобства, в богатых домах, думаю, так и резные, красивые.

– Може, и не больше, а Великое! – смеясь, сказал я.

– Ну-ну, может и так, – продолжая усмехаться, проговорил целовальник, наливая мне в кубок вина. – Ты рассказал бы?

– О чём? О Байкале? – удивился я. А подумав, добавил: – что расскажешь о... родине.

– А то и расскажи, что думаешь о ней, что чувствуешь, о чём сердце твоё ноет, и почему так далеко унесло тебя от родины. Али счастья на чужбине ищешь?

– Какое же счастье на чужбине? – сказал я, не удержавшись.

– Так что же ищешь?

– Почему ты решил, что я кого-то ищу? – проговорился я неожиданно для самого себя.

Старик, который теперь, при ближайшем рассмотрении был вовсе не старым, вначале я удивился, что у него молодые глаза, а теперь вижу, человек он молодой, не старше меня, а отчего показался таким... так он, как я, глаза отвёл мне, но я разглядел всё же, даром, что пьяный. Этот опять засмеялся, очевидно, заметив, как я переменялся в лице, глядя на него.

– Признал-таки брата по несчастью, – засмеялся первый из предвечных, кого я встретил не на Байкале.

– По несчастью? – удивился, было, я, до сих пор мне не приходилось слышать ни от кого, что бессмертие – это несчастье, сам я так и считал, но не те, кто был смертен.

– А ты себя счастливым полагаешь? Чего же рыскаешь тогда, покинув страну, которую любишь и лучше которой не знаешь.

– А ты? Где твоя страна?

Липовый целовальник улыбнулся, но уже без насмешки, подал мне кубок.

– Выпей, хмель отпустит.

– Думаешь мне надо, чтобы отпускал? Для чего я пил тогда, по-твоему?

– Ну, захочешь, после снова нальёшься, – сказал новый знакомец.

Я взял его зелье, что ж, после так после, а то может и не захочется. Ведь столько времени я искал его, то есть не именно его, но получается... Ох, заплутал пьяный ум, действительно прояснить, прочистить надоть. Я выпил зелье в несколько глотков, на вкус оно было точно яд, запах резкий, вкус такой, что у меня перехватило горло и проливаться дальше не хотело. Но я всё же заставил себя выпить...

В голове стало яснеть по мере того, как гадкий вкус таял на языке и испарялся запах.

– Меня зовут Миравасор, – сказал знакомец, и когда я поглядел на него, лицо его, действительно, начало яснее проступать перед моим взором.

– Ну и имечко... – пробормотал я себе под нос. – А я – Арий.

Миравасор хмыкнул, и сказал, качая головой:

– Ну, что же, твоё имя, конечно, благозвучнее. Но, Арий, имена мы не сами выбираем.

– Прости, Миравасор, я... – смутился я своей высокомерной манерой, к которой привык за свою долгую жизнь.

Но Миравасор был снисходителен, даже как-то благостен, тоже доволен, что себе подобного встретил?

– Ничего, Арий, мы все таковы, неизбежно мы становимся заносчивыми и глядим поверх голов, когда осознаём свою исключительность, своё превосходство и, увы, своё одиночество. Ничего не поделаешь, – сказал он.

– А что и делать? Мы исключительные и невозможно лицемерить, что мы как все прочие. Хуже другое...

– Другое? Что угнетает тебя? Неужели потери до сих пор на тебя действуют? – удивился Миравасор.

– Нет, я никогда и не страдал по-настоящему из-за этого... – признал я. – Но я жалею, что жизнь моя бесконечна и я не могу умереть.

– Можешь. Никто не мешает, бери Смерть за руку, Завеса всегда распахнута для идущих. Но ты лукавишь, когда говоришь, что желаешь смерти. Все лукавят, – сказал Миравасор. – Однако неподдельную тоску я вижу в глубине твоих глаз. Что угнетает твоё сердце, Арий? Кого ты всё же потерял?

Я помолчал, раздумывая, сказать или нет, но потом подумал, а ведь он может что-нибудь знать об Аяе. Прошло столько времени, он может быть встречал или подскажет, как искать предвечную. Потому я, сам не заметив, рассказал всё. Миравасор выслушал, не перебивая, с интересом, но без удивления.

– Я эту историю слышал, и всё гадал, правда, что было у вас там, на Байкале или оброс легендами героизм обычных людей, без вмешательства предвечных. Обычные смертные проявляют такие чудеса мужества, на который мало кто из предвечных способен, сохраняя свои бесценные жизни, – сказал он.

– Это довольно отвратительно, не так ли? – сказал я. – Что обыкновенные люди выше и совершеннее нас?

– Это обычное дело, – невозмутимо сказал Миравасор. – Любой дар отбирает часть души, красота нередко сосуществует с глупостью или алчностью и подлой безнравственностью, ум с ними же, сила с жестокостью и...

– Настоящая сила и красота всегда чисты и высоки, ты не прав! – не согласился я.

– Настоящие... – улыбнулся Миравасор снисходительно. – Мало, кто видел настоящие, то есть живущие в самой душе, настоящие совершенных, безупречных людей. Их, по-моему, вовсе нет, и если ты считаешь иначе, то вероятнее всего в тебе говорит ослепление.

– Никакого ослепления, я всё видел и вижу ясно, – возразил я, чувствуя, что раздражение против его спокойного и высокомерного обычая говорить, растёт во мне всё больше. Он вёл себя со мной, как мудрый старец со щенком-подростком. – Я вижу ясно и свои чёрные пятна и кривые стороны, и тёмные смердящие углы, где прячутся призраки зависти, ревности, злости, нетерпимости. Но я знал таких, кто не имел этих позорных гнилых червоточин.

Миравасор засмеялся, обнажая крепкие зубы. Он довольно красив, в его лице с широким лбом, немного нависающем тяжеловатыми бровями над небольшими тёмно-серыми глазами, крупным носом с небольшой, высоко расположенной горбинкой, похожей на уступ, а не на кривизну, большим квадратным подбородком и большим чётко обрисованным тёмным ртом,

чувствовалось вечное спокойствие. Вечное, в этот момент я понял, что он старше меня на многие сотни, а может быть и тысячи лет, потому и говорит со мной так снисходительно. Ему кажется, он видел всё. Может и так, но он не видел того, что видел я, как двое влюблённых поднялись над землёй, и как стрелы попадали только в одного, не задевая другую, потому что их отклоняла его любовь, любовь смертного...

– Ты прав, Арий, я видел всё. Или очень много. И старше тебя в десять раз, я собирал мудрость и чудеса по всему свету, я искал таких, как я сам, предвечных, и находил их, я составил книгу-послание для нас, приходящих в этот мир, вернее для тех, кто призван вводить в наш сонм тех, кто родился предвечным. Я...

– Ты?.. Ты составил ту книгу?! – воскликнул я.

Он засмеялся, кивая.

– Так ты читал её? Кого же ты ввёл?

– Ту, кого теперь потерял, – выдохнул я, опустив голову, потому что мне не хотелось признаваться в этом, никому и никогда. Тем более ему, кто умнее и многоопытнее. Но я сказал, выпустил этим пса, дракона, чёрт его знает, что, искушавшего изодравшего моё сердце. Теперь этот господин Безупречность и «Всё знаю и видел» поднимет меня на смех.

Но он не засмеялся, не покачал головой, как делают взрослые, заметив глупую оплошность ребёнка. Он изумился так, что у него вытянулось лицо, он даже выпрямился.

– Ты что... полюбил?! – спросил Миравосор, глядя на меня так, словно видел перед собой диковинку. – Я не видел предвечных, которые... Как тебе удалось? Не понимаю...

– Да как... Я приворожил сам себя, в твоей книге написано, не вести себя с той, кого посвящаешь, как с женой, а я... Я не послушал... Я... – пробормотал я, готовый провалиться сквозь землю из-за того, что вынудил самого себя признать это. – Ежли я не могу быть с ней, не мил ей, не нужен, ежли я такая тягость, Миравосор, подсажи, как снять этот приворот, как мне избавить себя от оков, которыми я сам...

Но, к моему удивлению, он отмахнулся, качая головой:

– Приворожил?! – и расхохотался!

Из-за этого мне немедленно захотелось пришибить его, этого наглого и уверенного мордоворота, считающего себя таким непогрешимым, таким всезнающим и многомудрым, что зачесались кулаки. Нет, каково?! Я открыл ему сердце, признаваясь в том, о чём не знает даже Эрик, да что Эрик, сама Аяя не помнила, что было в тот удивительный день её посвящения. А этот выскочка, даже выслушал без особенного внимания и хохочет теперь! Уверен, будь он с виду таким, как представился вначале, мне не пришло бы ни в сердце, ни на ум злиться, а так молодой и наглomorдый мужчина насмеяется самым бесстыдным манером... это невозможно терпеть.

Но, оказалось, что я поспешил яриться, потому что он сказал:

– Чепуха это, Арий, это я написал лишь для острастки, чтобы не лезли к молодым девушкам, я знаю мужчин, кто не воспользуется таким великолепным поводом и не сделает новообращённую покорной наложницей? Вот то-то, пришлось пойти на небольшой обман, или лукавство, как ни назови, но... Лишь ради блага женского слабого и зависимого пола, – он развёл руками, извиняясь, руки у него небольшие, не подходящие к телу, не привык он ими ничего делать... – А потому, Арий, утешься, никакой ритуал над собой ты не совершил, никаких оков не наложил на себя тем, что и как тогда сделал. Да и вообще никаких кудес, никакого баальства, как говорят у вас, чистая и довольно простая наука: один Сильный может отвергнуть другого, открыв каналы Силе, вот и всё. Нельзя не открывать, это необходимо. Сила, перетекающая из Земли во Вселенную и через Землю и через всю Вселенную обратно, используя предвечных, как русла, как звенья, проводники, связанные между собой, и объединённые Силой со всей Вселенной, застопориться, а всякий застой опасен взрывом. Поэтому предвечного обязательно надо посвящать. Но не имеет никакого значения, что именно ты делал, целовал ли её ланиты,

замирая от счастья, или, не думая о любви, выполнил начертанное, послужив ключом к её замку, важно было лишь твоя готовность послужить этим ключом, и твоё желание, как проявление Силы, более ничто. Место Силы в земле, рисунок о пяти концах вокруг, день Солнца – лишь облегчают этот переход, и придают сил обоим, как... ну, дополнительное топливо. А вот то, что ты...

Он внимательно взгляделся в меня, покачав головой, и окончательно перестал ухмыляться, глаза оживились и заблестели:

– Тут другое важно, Арий, байкальский предвечный. Очень важно и очень странно...

Он даже поднялся и обошёл меня вокруг, словно намереваясь увидеть во мне что-то такое, что объяснит ему то, что он считает таким странным. И что ему так уж странно, не могу понять...

– То, что ты... что ты вообще влюбился, Арий. Признаться, это... Это так удивительно и так необычно. Неправдоподобно даже. Такого я не встречал никогда до сих пор. Предвечные во всём отличны от людей, и, несмотря на дары, которыми так богато одарены, мы никогда не достигаем их нравственных высот. Это люди влюбляются и идут на жертвы ради любви, а мы... Мы любим редко, чаще любовь лишь развлечение, лишь продолжение рода, тепло и уют домашнего очага. Нет, влюблённости случаются, особенно в первой молодости, пока мы чувствуем себя как все, но тают так же быстро как жизни тех возлюбленных. И с этим приходит сухость наших сердец... А ты... Я говорил, я слышал вашу Байкальскую историю, думаю, многие, а может быть, и все предвечные её слышали, и я, молвить от сердца, не поверил, думал, приукрашивают, как любую легенду. Я сам такого не видел... А тут приходишь ты воочию, и что?.. Всё оказывается куда удивительнее, тут не токмо самопожертвование ради Родины, сила Света против царства Тени... здесь обыкновенная любовь? Хотя... и необыкновенная. Вот уж, сто веков живи и будет, чему научиться и чему удивиться... Всё же, как тебе это удалось? Может быть, всё дело в том, что и она предвечная?.. – мне уже начинало казаться, что он говорит сам с собой. Но он вдруг снова удивил меня и спросил: – Может расскажешь? Я хочу понять, иначе не успокоюсь. Право, не таись, расскажи?..

Глава 5. Байкал и новое море...

– Что ты опять вбегаешь, как помешанный!? – разозлился я, когда один из челядин влетел в мои палаты, едва не сорвав двери с петель.

Я сказал «опять», потому что в последние несколько месяцев это происходило не впервые, и всякий раз оказывалось, что или сгорело целое село из-за вышедшего из-под земли огня, или завалило камнепадом деревню неподалёку от скалистого леса, или в лесу возник пожар, тоже пожравший несколько деревень и сёл, или набегали волки из лесу и резали скот, или нашествовала саранча, или мор, к которому я теперь не имел никакого отношения... Словом, этот девятый от ухода Арика с Байкала год выдался на редкость неудачным и на блюдомое мною царство, мой дорогой Байкал, напасти сыпались одна за другой.

Пришлось отвлечься от книги, которую привезли мне на днях путешественники из дальних стран. В ней рассказывалось о чудесах морей вдали от наших славных берегов, о необыкновенных животных, обитающих в их глубинах и на берегах. Я неторопливо читал всё это и разглядывал рисунки, размышляя над тем, что тот, кто эту книгу составил, конечно, приврал больше половины. Никак я не мог поверить в то, что существуют огромные как горы животные, способные плавать легко, как обычные рыбы или тюлени. Что есть мягкотелые создания с множеством щупалец, могущие утянуть на дно целый корабль, что на дне морей могут расти целые каменные деревья самых причудливых цветов... Если бы все эти чудеса существовали, то почему их не было у нас? Ведь наше Великое Море не хуже, а я уверен, лучше всех прочих и уж точно богаче на чудеса. Зато о рыбах, подобных нашим, там не говорилось ни слова. Может быть, тот, кто составил и записал всё это вовсе всё придумал? Как придумывают сказки? Хотя... тут мои мысли повернулись по-иному: за свою долгую жизнь я понял, что самое невероятное, самое неправдоподобное и оказывается правдой...

Вот именно на этой мысли и прервал меня вбежавший, как безумец челядной, а, учитывая всё вышесказанное о всевозможных напастях, я понимал, что ничего радостного от его внезапности ожидать не приходится, хотя мелькнула на мгновение мысль, даже тень мысли, что, он примчался доложить, что Арик во дворе...

Но нет, конечно, нет... Какая всё же тоска-назола без тебя, Ар, чтоб ты провалился! А что, если он не возвращается потому что нашёл Аяю и они... счастливо зажили вместе?.. От этой мысли мне стало окончательно тошно. Надо сказать, я думал об этом настолько часто, что мне стало не по себе от моей собственной слабости, оттого, что я, освободившись, кажется, от своей бесплодной страсти, всё никак не могу забыть её, что нет-нет, а взгрустнётся и задавит горло тоска о тех длинных и таких коротких зимних месяцах, когда она была рядом со мной.

Я с нею был совсем иным, я чувствовал иначе, иначе думал, даже мир вокруг себя видел совсем по-иному и внутрь себя смотрел тоже иначе. А вот без неё всё снова стало обыкновенным, как было тысячу лет. И над этой странностью я всё время размышлял: как много могут значить короткие, но яркие мгновения в жизни, как быстро жизнь проходит во время их и как растягивается вне... Вот почему Арик, не придумал ничего, чтобы не измерять, а растягивать и сокращать время?

Не хотелось признаваться даже самому себе, но я много раз подумывал отправиться разыскивать Аяю ещё до того, как ушёл Арик, не в первые годы, нет, тогда меня полностью захватывала бурлящая радость от власти, наконец приплывшей мне в руки вполне. Но прошло несколько лет и я начал тосковать, потому что без той сладкой муки, которой была мне жизнь с Аяей, мне временами становилось до того тошно жить, что впору было что-то сотворить вокруг, чтобы перестать скучать, а уж без Арика и вовсе захотелось попроситься за Завесу к Повелительнице Той Стороны, что была так добра и снисходительна ко мне во все времена. И

вот, едва я подумал об этом, как на Байкал посыпались невзгоды одна за другой, как наказание или то самое развлечение моих тоскливых дум.

– Твоё величие, предвечный! Там...

– Ну и што там? Пошто орёшь дурным голосом? – поморщился я, сдерживаясь, чтобы не прикрикнуть на него или даже швырнуть чем-нибудь безобидным, чтобы пришибить легонько.

– Наводнение, предвечный! – вылупив глаза, воскликнул челядин.

– И што? Который день наводнение, что орать и носиться? – проговорил я.

Действительно, дождь льёт четыре дня к ряду, и не то что дождь, но ливень из самых густых и сильных, такие идут обычно недолго и то способны подмыть дома и дороги, переполнить реки, а такой долгий и такой обильный совсем не похож на обыкновенный, словно Небеса чем-то прогневились и хотят наказать нас... Вечор я ходил смотреть: Море поднялось настолько, что затопило пристани, прибрежные улицы и даже нижнюю часть дворцового сада. Такого прибытия воды не бывало ни разу на моей памяти, но всё же всерьёз Авгаллу ничто не угрожало, подумаешь, переселили несколько улиц, подумаешь, придётся порядок наводить после разора, что вода эта наделает...

– Дак-ить, што, твоя пресветлость... эта... дак-ить... площадь уж перед дворцом полна воды, аще бо ужо и на крыльцо пойдёт, а дале... – у него глаза наполнились ужасом: – ить во дворцовы покои хлынет, не остановим!.. Делать-то што, твоя пресветлость, предвечный... а? – задыхаясь проговорил челядин.

– Ты... – вот уж этого я не ожидал и решил, что он преувеличивает, как свойственно всем скудоумным, принял лужи за озёра, и мне снова захотелось дать ему затрещину, хотя я за всю жизнь и пальцем не трогал никого из чади, даже не бранил всерьёз никогда, что с чади взять...

Надо взглянуть, не доверять этим словам, ведь... Ведь ежели правда всё, что он молвит... Что там дворец... Если на крыльцо поднимается вода, то что с городом тогда? Ведь вся площадь, тем более дворец стоят на возвышенности...

Немедля посмотреть прежде чем думать, что делать... Я выглянул в окна, но отсюда, со второго этажа за плотной и шумной пеленой дождя мне было не разглядеть даже плит на площади. Надо идти на крыльцо.

Пока я, спеша, шёл по высоким коридорам, я думал об этом странном дожде: бывают долгие дожди, но так, чтобы такой сильный, но без молний, шёл и шёл без продыху столько дней, не ослабевая, это вправду что-то неправильное и странное, почему я не подумал об этом раньше? Даже в голову не пришло, что происходит что-то опасное...

Но что рассуждать, быть может, все мои размышления, возбуждённые больше страхом на лице челядина, чем его словами, преждевременны? И я спешил по гулким коридорам, стуча каблуками по бесконечным длинным коврам, которыми они были устланы, слыша над головой всё тот же равномерный гул воды, падающей на крышу.

Посмотреть было на что: вода лилась с неба сплошным потоком, шумя по всем поверхностям, особенно страшно на громадной площади ставшей теперь обширным прудом, вода шумела так, что заглушала наши голоса и, казалось, проникала этим шумом в самый мозг и грохотала там, превращая голову в погремушку. За сплошной стеной дождя я не мог разглядеть даже противоположную сторону площади, и тем более остальной город за ней, а вода, плескалась уже у верхних ступеней, действительно угрожая вот-вот хлынуть в коридоры дворца. А ведь и площадь и дворец выстроены холме, приподнятой над берегом Моря, как и весь Авгалл. Сам дворец стал островом...

Меня охватил мгновенный ужас, но тут же отпустил, оставив жар в груди и в голове, а ещё злость на окружающих: вот бестолковые, не могли раньше доложить, я бы подумал, как защититься, попытался я сказать самому себе. Теперь... а теперь только спастись, не успеем ничего, ни досок, ни песку насыпать, преградить путь воде. Теперь придётся бросить дворец...

Я и подумать не мог, что мерный, убаюкивающий шум дождя не баюкать меня должен был, а беспокоить и заставить предпринять что-то. Ведь утром ещё на двор, на площадь выглядывал, но ничего особенного не заметил, ничего пугающего, ничего похожего на то, что вода поднимется так высоко и так быстро. Так быстро... Даже сколько времени прошло и то не поймёшь, солнца и неба который день не видать, минул хотя бы полдень? Ариковы придумки насчёт измерения времени оказались бы сейчас так кстати, сколько раз я вспомнил о них за эти хмурые месяцы. Он всё оставил в доме своём, а я так и не вник, не относясь всерьёз, не слишком понимая, и думая, что он больше для красного словца, чтобы меня удивить али надо мной, дремучим, покуражиться, как в детстве, когда он схватывал налету то, во что мне приходилось вгрызаться...

Я обернулся на челядина, с которым прибежал сюда, а оказалось, что на меня смотрели уже несколько десятков пар выжидающих глаз, в том числе глаза царя Валора, правившему последние двадцать лет и все эти годы, он, как и все до него вот так смотрели на меня. Все привыкли, что я управляю всем, многие и многие годы, да не годы, уже не первую сотню лет... А потому, коли уж взвалил я себе на плечи сладостную тягость власти, придётся преодолеть свою растерянность и спасти Авгалл.

Однако, хотя в этот миг, когда я стоял вместе с другими на крыльце дворца, я не знал ещё, что спасать надо уже не один Авгалл, а всё царство. Великое Море вышло из берегов и поднималось всё выше, настоящий потоп и этот потоп заливал уже весь Байкал, всё моё царство, которым я, так и не названный царём, но стоящий над всеми царями, небожитель, сошедший к людям, как почитали меня все, считая чуть ли не Богом, милостиво живущим среди людей, правил уже полтора столетия. И вот, моё царство тонет, тонет в Великом Море, которому поклонялись столько, сколько стоит, то есть многие тысячи лет. Великое Море топит нас, и моя человеческая сущность в ужасе и растерянности взирает на всё это, не зная, что же предпринять, потому что ничего подобного я за свою тысячу с лишком лет никогда не видел. Я почувствовал себя ребёнком, так как и все, кто смотрел сейчас на меня, кто ожидал от меня чуда и спасения. А что я могу на деле? Что я могу сделать со всей этой водой? Ну, отклонить смогу ненадолго, но если вода продолжит подниматься, а она, судя по тому, что я вижу, продолжит, то, что я сделаю? Уже ничего, я так же бессилён, как и они, все эти люди. Я могу только одно – остаться их вождём.

Наши Боги прогневались на нас. Солнце отвернулось, не показывается несколько месяцев, хмурое небо, так долго никогда не длилась непогода, из-за холодной весны и лета и последовавшей необыкновенно дождливой осени урожай собрали скудный, готовились к голодной зиме, учитывая опыт прошлого, который некогда едва не лишил меня жизни. Но, оказывается, мы готовились не к тому?

– Что на той стороне дворца? – спросил я, обернувшись.

– Море к стенам подступило, предвечный... сад затоплен и задний двор... – был мне ответ.

Великое Море стоит перед дворцом...

Но как было подготовиться к этому? К тому, чего никто никогда не видел, чего не видел даже я, предвечный. Но этого не должны знать те, кто смотрел теперь на меня, они не должны видеть ни моей растерянности, ни страха, а потому я улыбнулся и сказал:

– Чего перепугались? Всё ухитим, лодок в царстве хватит.

– Лодок?... – проговорил царь Валор. – А... дворец?

– Да что дворец, твоё величье, он каменный, ничего с ним не произойдёт. Людей спасти важнее. Вода схлынет рано или поздно, вернемся, всё уберём и лучше прежнего засияет Авгалл, – сказал я уверенным, даже радостным тоном, хотя уже не очень-то и верил в это сам.

Да, не верил, потому что, победив растерянность, начал понимать: если Море всего за четыре дня настолько переполнилось, это значит, дождь идёт не только здесь, в Авгалле, но

на всех берегах, а главное, в верховьях рек, что питают наше Море. А если так, вода будет подниматься ещё...

Но она уйдёт. Уйдёт! И мы вернёмся, мы всё очистим, осушим и отстроим заново то, что разрушит вода теперь. Но для того, чтобы мы смогли это сделать, надо спасти людей, иначе некому будет восстанавливать Байкал, и не для кого... Ничего, всё уладится, всё будет так, как раньше, всё будет снова великолепно и превосходно, как и раньше, как всегда было, уверенно говорил я себе...

Но я ошибся. Я хотел убедить себя и убедил, я хотел верить, что всё возродится, как возрождалось уже после страшных напастей прошлого, всегда возрождался. Всегда. Но потопа никогда не бывало. Море не просто вышло из берегов, нет, оно стало вдвое больше. И не просто затопило города и прибрежные деревни, оно полностью покрыло собой то, что было царством Байкал. Теперь здесь было Великое Море и не было больше ничего...

Дожди не прекращались до самого Зимнего Солнцеворота, воды поднималась всё выше, полностью скрыв собой и Авгалл и все года и веси нашего нового Байкала. Мы сов семи спасёнными из Авгалла и иных годов и сёл, что сами сели в лодки, и которых мы собрали, объезжая все затопленные и всё более затопляемые места, поднимались все выше на скалы, уже намного ниже оказались и моя прежняя долина и скалистый лес, где некогда был дом Арика и Аяи.

А потом внезапно ударили морозы, и пошёл снег такой густой, каким были до сих пор дожди. И стало понятно, что весна не только не станет избавлением, но к следующему лету, если оно только наступит, вода поднимется ещё выше. Она уже погребла под собой всё, что было выстроено необыкновенными зодчими прошлого и новыми трудолюбивыми ремесленниками, не стало ни дворцов, ни теремов, ни богатых жирных деревень и сёл, ни пашен, ни гладких, всегда сухих дорог, которые мы строили почти сотню лет. Ничего теперь не стало. И надежды на то, что когда-либо все это покажется снова из воды, уже не было.

Нам уже незачем было оставаться здесь. Ждать, глядя на зеркало льда, что покрыв наше Великое Море, которое стало вдвое больше прежнего, ждать, что вся эта вода уйдёт, невозможно, мы знали, что подмыло скалы, и они обрушились, преградив русла рек, что вытекали из нашего Великого Моря, и весной, когда всё оттаёт, воде некуда будет деваться, она не только вся останется здесь, даже, если бы наступила вдруг засуха, она останется здесь, и будет прибывать с водами рек, что и раньше питали Великое Море, а теперь будет переполнять всё больше и больше, пока не достигнут некоего нового равновесия. Теперь наше Море изгнало нас, поглотило и уничтожило наше царство.

– Надо уходить – сказал я царю Валору.

Он воззрился на меня сине-серыми глазами, такими, как это небо в неизбывных тучах.

– Уходить? Теперь куда уходить? – у него дрогнул голос и хлопнули глаза, пугаясь, уже, кажется, должен был устать пугаться... – Эрбин, мы покинули...

– Мы покинули?! – воскликнул я, сердясь на его тупость. – Да нет, Валор, не мы покинули, нас изгнала наша земля! Вернее, наше Великое Море.

– Но почему?

– Ты спрашиваешь меня?!

– А кого мне спросить? Кто ближе всех к Богам? Кто равен им?

Я вздохнул и сел на грубо сколоченную лавку, не в пример прежним, искусном вырезанным, даже изящным и роскошным столам, лавкам, кроватям, населявшим наши дома и дворцы. Здесь, в палатках, ставших для нас домами, мы жили скудно, впроголодь, кормились тем, что удалось спасти из воды, но больше тем, что приносила охота и рыбная ловля. Но все, кто был теперь здесь с нами, а это больше половины нашего прежнего народа, не болели, благодаря моим заботам, но если мы продолжим сидеть на вершинах скал здесь в ожидании того, что наши дома снова покажутся из воды, то дождёмся только того, что начнутся и болезни.

– И куда же идти нам? – вздохнул совсем потерявшийся Валор.

– Боги укажут путь – сказал я. – Пока пойдём за солнцем, на запад.

– Почему на запад? – спросил Рифон, глядя на меня снизу вверх, хотя мы оба сидели за столом, я видел, что он смотрит словно снизу.

Конечно, он и ростом меньше меня и дробнее, и не обладает моей статью и мощной красотой, но разве не он царь Байкала? Или со времён Галтея и Маррея-Могула цари так измельчали? Из-за меня? Из-за того, что я всё время был рядом и при мне не вырос ни один по-настоящему великого царь, хотя бы просто сильный. Я как большое дерево застилал солнечный свет всем, кто оказывался рядом? И я продолжал оставаться при всех царях и никому не позволил стать хотя бы самостоятельным, я не дал расти и развиваться новым царям, я затормозил развитие царства из-за того, что не хотел отойти от трона хоть на шаг. Я правил за них, но ведь жизнь не должна стоять на месте, если поколения не будут сменять друг друга, всё остановится, застопорится, как река, которую остановили, превращается в пруд, а потом в болото. Не потому ли и случился этот потоп, не потому ли погибло царство, чтобы изгнать меня от трона?

Я встряхнулся и отогнал эти мысли, словно Ариком прошёптанные мне в уши. Нет, братец, не выйдет, ты не собьёшь меня с толку, я не дам тебе быть сильнее меня, это ты любишь копать в себе, казнить и во всём всегда винить одного себя, словно никто другой не виноват. Нет, я не такой дурак! Я делал для царства благо, я прожил столько и столько видел, кто мог лучше меня править? Кто теперь спасает оставшийся народ?

Нет, Эрбин, себя ты можешь не обвинять, успокойся, тут нет твоей вины. Чья? Не знаю, и не моё дело в этом разбираться, потому что я не разберусь, это выше моего понимания, всё, что происходит – это веления Богов, а я, хотя меня и почитают как Бога, я всего лишь человек, такой же, как все прочие, только капризом судьбы, или насмешкой настоящих Богов обречённый на бессмертие, проклятый этим бессмертием так, что и отдохнуть от этой жизни с её потерями не могу, я не могу знать, на что нам послано это испытание, почему мы изгнаны с нашей земли. И едва я начинаю думать об этом, едва погружаюсь в себя, все мысли заставляют меня копать в себе. А это невыносимо. Я один среди людей, несмотря на семью, новую жену, детей, это привычно, это как одежда, новая-старая, я перестал замечать смену, раньше замечал, теперь нет. Теперь, без Арика, и особенно без Аяи, я мало что чувствую.

Но думаю много, однако, пока мои мысли приводят только к отчаянию и пониманию бессилия и невозможности исправить или вернуть. Ничего уже нельзя было вернуть, наше царство погибло, погибло безвозвратно, царство, в котором я родился, вырос, которое было частью моей души, оно погибло, и мне надо было или погибнуть вместе с ним или...

Пришло время найти новое место для нашего народа, для потомков Арика и моих.

– Пойдём на запад, потому что я так говорю, – сказал я.

А про себя подумал: потому что на запад я некогда хаживал, а на север или полдень – нет. На восток идти в обход Моря и вовсе было незачем в моём понимании, мне всегда представлялось, что там дикие места, населённые страшными чудовищами людьми и зверями.

И мы пошли на запад, как я хаживал уже некогда. Я вёл теперь людей за собой с одной целью, подспудной, глубокой, не высказанной даже самому себе, с целью достигнуть иного моря, найти нового Бога, ведь наш народ привык жить не в лесах, не в степях, не в горах, нет, мы привыкли жить у моря, весь уклад, традиции, всё, чем мы живём, вернее, жили многие, многие тысячи лет, всё было о Море. Оно вошло в нашу кровь, мы должны найти его снова.

Но пока мы шли и шли, проходя год за годом сотни и сотни вёрст за Солнцем, единственным оставшимся у нас настоящим Богом. Я шёл, стараясь не думать о том, что осталось позади, навеки погребённое под Морем, и в надежде найти следы Арика, или Аяи, или их вместе, я готов был даже к этому, что делать с этим я подумаю после, вначале найти. Найти их...

Но я не находил никаких следов. Да и какие я мог найти следы? Что мог оставить, пролетая над землёй мой брат? Что могла оставить Аяя, будто нарочно приучившаяся не оставлять следов, словно это было одной из её способностей, даже отличительных особенностей? И

почему я никак не могу послать весть Арику? Почему за столько времени, что мы живём, он или я не придумали никакого способа связываться друг с другом? Куда он вернётся теперь? Вот соберётся домой, мерзавец, а там... Теперь нет у него дома, куда можно вернуться, и он даже не знает об этом.

Не все продолжали путь за мной. Многие семьи оставались жить в новых местах, где-то сливаясь с местным населением, где-то обосновываясь наново. Ушли и на север и на полдень некоторые, оторвавшись большими отрядами. Что ж, и раньше наши с Ариком потомки обосновывались в далёких от Байкала краях и теперь уже целые страны выросли вокруг тех поселений.

Но большая часть всё же оставалась со мной и мы не останавливались, всё шли и шли вперёд, по следам прежних поколений. Многие годы прошли в этом пути, сменились несколько царей. Недавно я похоронил очередную жену, её звали Аска, и она умерла молодой, оставив мне пятерых детей, которыми теперь занялась моя тёща и вдовая свояченица, а я теперь с удивлением поймал себя на том, что даже не подумал спасти Аску. Мне не пришлось это в голову вовремя, а теперь я жалел. Жениться снова... на свояченице, быть может? Она молода и хороша, привязана к детям, как там, бишь, её зовут?..

Сменилось несколько поколений, мы прошли многие и многие вёрсты, забирая на юг, к теплу, и мы дошли, наконец, до моря. Но здесь было всё же слишком сухо и жарко, настоящая каменистая пустыня, совсем не тот благодатный край, что был на Байкале, на нашем Великом Море. Это было теплым, полным рыбы и каких-то неизвестных мне гадов, и вода в нём была солёной, что немало удивило меня, а ведь я не слишком верил ни в рассказы наших прежних путешественников, ни в книги, где рассказывалось об огромных морях, по которым можно плыть не то что дни и недели, но годы, выходит, и это правда, не вымысел?.. Это удивляло и даже озадачивало меня, неужели всё, о чём я когда-либо читал, всё было правдой? Тогда чудес в мире куда больше, чем я думал. Но из тех, кто пришёл со мной на эти берега уже никто Великого Байкала не видел и знал о нём только из рассказов предков, но переставал верить в них, считая легендами, как некогда начали считать нас с Ариком.

Нас с Ариком... Где ты, брат? Ты нарочно не попадаешься мне на пути, чтобы я с ума сошёл с тоски? По тебе, по ней, той, что непостижимым образом объединяет нас, будто мы мало были связаны до сих пор...

И вот, на закате, тоскуя, при мысли обо всём этом, я стоял на высоком берегу этого чужого тёплого моря и смотрел, как волны набегают на каменистый берег, даже вода здесь при её лазурной голубизне и прозрачности не так чиста, как в Байкале.

Я думал, спуститься с берега или остаться стоять, как стою высоко на берегу, какое-то равнодушное бессилие овладело мной. Идти вперёд, идти в поисках брата, который летает над землёй, и женщины, которая никогда не хотела меня и сбежала сразу, как только смогла. Но я всё иду и иду, и я надеюсь найти и брата, который бросил меня, и её, которую я всегда хотел получить и не мог, ловил и упускал раз за разом. Не знаю зачем, не знаю сам, царил бы, кажется, сам в полную силу, но я не мог чувствовать даже полноты жизни без Арика и без неё, это была моя слабость, но я жить не мог без надежды найти этих двух людей, ощущая себя неполным, ненастоящим, не совсем самим собой. Мой брат всегда был частью моей жизни и моей души, но и Ая вошла в меня так прочно, так полно, как я не мог ожидать даже, когда она была рядом, даже, когда я, сгорая от любви и тоски, думал о ней в прошлом. Может быть, она просто слилась с Ариком в моём сознании и моём сердце? На этот вопрос во мне не было ответа.

Я шёл и шёл, и вот я дошёл до моря, но и оно оказалось не тем, какое я искал, потому что, как никто не может мне заменить моего брата и её, Аю, единственную из всех женщин, так и это море не сможет заменить мне моё...

Но из моих размышлений меня вывел голос Рикора, теперешнего царя, довольно смело и громко произнесшего:

– Предвечный!

Я обернулся, да, это царь Рикор и его приближённые смотрели на меня. Ничего в их лицах не предвещало для меня доброго. Уже долгое время я замечал в их лицах, в их глазах холодные искры, но... я так устал, что это вовсе не волновало меня. Я даже был готов ко всему, что они скажут, мне было безразлично. А потому я не удостоил их даже ответом, я просто встал и молча смотрел на них, ожидая их слов. Они не замедлили сказать:

– Куда ты ведёшь нас, предвечный? Когда остановим мы свои стопы? Мы идём уже сотню лет.

– Чего вы хотите? Остановиться?

Рикор вышел вперёд.

– Нет. Мы хотим переплыть это море.

Я засмеялся:

– Переплыть?! И ты знаешь, что ждёт тебя там, на том берегу? А если там живут люди и не захотят твоего вторжения?

– Я смогу найти с ними общий язык. Или попросту их завоюю.

– Попросту? – я даже не смеялся больше, я видел уже тех, кто вот так намеревался завоевать кого-то. Да и Рикор должен был знать об этом, все ещё помнят историю, все ещё знают, как полуденный народ пришёл воевать Байкал и весь остался под камнями ущелья, ставшего называться после этого Чашей Смерти, а те, кто остался в живых, навсегда растворились среди народов Байкала. Но... Ни того Байкала, что победил их, ни Чаши Смерти теперь не было, всё погребено под водами Великого Моря, я сам, похоже, там же. Но что говорит Рикор? Что ему надо от меня? И почему мне безразлично это?..

– Я называюсь царём, но у меня нет ни царства, ни власти. И не будет власти у моего сына Птаха.

– Ах, нет царства? – усмехнулся я. – Нет власти? Так бери и царство и власть.

– Взять? – нагло ухмыльнулся Рикор. – То-то, что я не могу этого сделать, пока ты рядом! В этом мне мешаешь ты! Ты во всём мне мешаешь!

– Я? – я засмеялся.

Мне даже не было грустно или хотя бы досадно, ничто не шевельнулось в моей душе в ответ на то, что меня, похоже, намерены изгнать. Что ж, вначале я потерял землю, а теперь и народ. Больше нет у меня власти, нет царства, я мешаю тому, кто хочет быть полновластным царём. Что ж, даже сердиться я на это не могу, нельзя сказать, что я не ждал этого.

– Чего же ты хочешь? – спросил я, даже не пытаясь отражать удары его речей. Мне было безразлично. Мне всё стало безразлично и уже давно, я это понял только сейчас.

– Я хочу, чтобы ты ушёл.

– Ты хочешь остаться без меня?

– Я хочу быть царём.

Я долго смотрел в его лицо и вспоминал тех царей Байкала, что я помнил, что ж, он не хуже прочих...

– Хочешь быть царём, Рикор, так будь им! – устало сказал я, и пошёл прочь, обойдя его и его свиту, обескураженных немного и даже растерянных моей неожиданной ими покладистости.

Больше я не сказал ничего и не остался ни на мгновение с ними. Я им не нужен? Неожиданно для себя я испытывал удивительное облегчение. Хорошо, наконец, они решились сказать мне о том, что тяготятся мной. Теперь я могу оставить их со спокойной совестью. Я лишь взял коня, кое-что из моего скарба, приторочив к седлу, золото, сколько сумел увезти в тороках и уехал, не прощаясь ни с кем. Я повернул назад, на берега бывшего моего царства, моей вотчины, моей родины. Пусть мои потомки, коих я увёл оттуда, создадут новое царство, быть может, без меня это у них выйдет лучше, сбойливее и справедливее того, что помнил я...

Вернуться на родину получилось гораздо быстрее. Я не останавливаясь, ехал как по весям по пройденным уже землям и странам, что не были мне вовсе чужими, ведь в них жили те, кто родился от моих давних потомков, я был встречен с почётом, и так же меня провожали, а потому всю обратную дорогу я проделал будто и не один, хотя иногда долгие месяцы приходилось ехать в одиночестве. Так прошли ещё годы, но что годы в моей бесконечной жизни...

И вот я прискакал на новые берега моего древнего Байкала, где теперь было пустынно, где не было больше ни городов, ни сёл, где не было теперь даже скалистого леса, потому что скалы, что раньше возвышались стали скалистыми берегами. Вот для чего я приехал обратно? Здесь воет ветер, носит пыль по голым берегам, безжалостно печёт солнце, деревья до сих пор не успели нарасти в прежний лес, покрывавший некогда здешние берега. И всё же и здесь была снова жизнь: потомки тех, кто не захотел некогда покинуть родные берега, обустроили и новые города и сёла, хотя они были ещё малы и хилы, их нельзя было даже сравнить с прежними, но они жили, и даже легенды о прошлом всё ещё жили, и я, как их часть всё ещё не был им чужд.

Да, легенда о двух предвечных братьях-праотцах всех существ по-прежнему жила, представьте, но вот только вернулся всего лишь один из братьев. И легенда о великом Могуле по-прежнему жила в народе, обросшая удивительными сказочными подробностями, вроде того, что Могул со своей любимой, оборотились в лебедей и улетели от земли. Причём Могул, бывший от горя лебедем чёрным, сбросил чёрные перья и вновь засиял белизной.

– Что ж ты усмехаешься, чужестранец? – возмутился целовальник, взявшийся поведать мне старинную легенду. – Ты не видел, так молчи! Сотни, тыщи даже видели то! Мой собственный прапрадед, он совсем вьюнош был тогда, сам видал, своими глазами, как взмыли они, два прекрасных белых лебедя под небеса и улетели в небеса навеки, потому что на грешной земле нечего было уж оставаться им...

– Да я верю-верю, – примирительно согласился я. – Только што ты баял, что Могул чёрным лебедем ходил, а говоришь, белыми улетели.

– Дак он стал чёрным от горя, покуда не узнал, что жива она, его лебёдушка-от. Покуда не прилетела она, и не подняла его на крылья свои. А говорят ишшо, што краше неё нет и не было во всём белом свете, что озаряла она небо ночью, и затмевала солнце днём, что вода в Великом Море успокаивалась, когда отражалось в его водах её лицо, сиверко делался теплее и мягше, а сарма тише и добрее, когда ловили дыхание её, што цветы расцветали там, куда ступала нога её, а звери и птицы умолкали, завидев её, люди же вспоминали лучшее, когда видели её, а ежели говорила она с кем, тот навеки делался счастливым, и ничто уже не могло то счастье омрачить.

Тут я не стал спорить:

– То правда, – сказал я.

– Што и в дальних странах про то прослышали уж?

– Отчего же, – увернулся я. – Много слухов по земле ходит о невозможной красавице здешней.

– То не просто красавица, – приглушив голос, поведальник. – То была Богиня Селенга. А как обидели её, убили лебедя её, убили братьев предвечных, так и ушла она из здешних мест, вот и разлилось Море, вот и потопило всё прежнее царство, наше-то новое, захудалое село противу прежнего... да и не царство, так, как бродяги, ночующие в шалаше в сравнении с прежними-от. Что ты, чужеземец! И не вообразить теперешним, што было здесь, что дворцы уходили в небо, а дороги ровными стрелами меж городов и сёл, такось, што можно за три дня было объехать энтот берег, а тот за пять. А ремёсла какие были, не вздумать теперь нам, в окна вставляли стёкла, прозрачные, будто и нет ничего и был свет в домах, как на воле, не то, што теперича – тьма да смрад за заслонками, а дым из печей сам собой в крышу уходил, в доме не застаивался как теперь... Да что говорить, не в хорошее время ты приехал, чужеземец, нонче и торговать-то нечем, раз што шкур тебе звериных купить, охотиться ишшо не разучились совсем...

Это верно, подумалось мне, но вслух я ничего не сказал. И так одиноко стало мне вдруг, так сжало сердце от одиночества, здесь, именно здесь, дома и не дома, такая тоска взяла меня, какой не было никогда ранее.

Для чего я вернулся? Здесь ничего и никого больше нет. Не вернулся Арик, как я надеялся и ждал. Тем более нет Аяи, нет ни Авгалла, ни Парума, Каюма, Салаза и Синума. Нет больше прежнего, и вовсе никогда не будет. Чего я хотел, когда стремился назад? Чего искал? Как глупо...

Я сел на камень на берегу. День скатился к закату, и я чувствовал, что к закату скатилась и моя жизнь я впервые ощущал себя старым и усталым, таким старым и усталым, каким не был никогда.

– Что за кручина, предвечный?

Глава 6. Кеми

– Ты странный предвечный, Арий, очень странный, прежде мне не доводилось встречать подобных тебе, – сказал Мировасор, по прошествии нескольких недель.

Я не рассказал ему, конечно, всего о нас с Аяей, о нас с Эриком, всего, что так интересовало его, потому что за его интересом ко мне я угадывал холодное любопытство, им он хотел развлечь остывшую душу, только и всего, не желание сочувствовать или сопереживать, а лишь скука, которую он надеялся развеять моим рассказом.

Но позднее оказалось, не только это:

– Я... – он запнулся, словно пытался подобрать слова или даже смутился, что уже было необычно, как я понимаю, для этого чрезмерно уверенного человека. – Есть у меня большой друг среди обычных смертных и... Словом, у него сын, строптивый, гордый мальчишка, в голову вбил себе, что не хочет быть царём... Словом...

– Сын? И что? Ничего я в детях не понимаю, – отмахнулся я, нашёл тоже, что спрашивать у меня.

– Зато ты человеческую любовь видел, ты сам её знаешь, – сказал Мировасор. – Я не могу помочь ему, я не чувствую сердцем, как ты. А ты...

Я покачал головой:

– Ты странный тож, сам говоришь, что не чувствуешь, а за друга душа болит, стало быть, чувствуешь то, что надоть. Вот и помоги советом, участием, сам будь воспитателем. И потом, не хочет мальчишка и не надоть, пусть второй сын садится на трон.

– Нет никакого второго сына. Дочери одни, а что женщина на троне... – он безнадежно махнул рукой.

Я пожал плечами, задумываясь:

– Не знаю, Мировасор, но толковая женщина лучше глупого мужчины в сотню раз.

– Ох, ерунды не молви! – неожиданно рассердился Мировасор. – Женщина своему уму не хозяйка. Влюбилась – она вся мужу отдалась, рожать надо, она чреву принадлежит, родила – младенцу, когда и править, о делах за пределами почивальни да колыбели думать? А без семьи и детей какой правитель? Нет, Арий, не годятся женщины на трон. Это надо в сотню раз ум сильнее иметь противу мужского, в сотню раз быть проглядистее, в тыщу хитрее, чтобы мужчин всех обойти, что врагами страну могут окружить, али того хуже и сложнее распознать, ежели рядом окажутся. А много ли таких женщин у царей в семьях рождаются? Вот то-то ж...

С его словами трудно было спорить, хотелось сказать, что достаточно женщине толковых советников иметь и будет она не хуже иных мужчин-правителей, мало ли дураков-то, а то и злодеев на тронах оказываются. Но я не стал.

– Недосуг мне, Мировасор, в советники и воспитатели идти, – сказал я.

Он хитро прищурился, глядя на меня, и сказал:

– Поможешь мне, моему другу, я помогу тебе.

– Поможешь? В чём? – я вначале вспыхнул, было, надеждой, но понял, что он лишь пытается заманить меня, старый хитрец, я покачал головой. – Никто помочь мне не в силах.

– Отчего же? Я очень даже в силах. Я сам не могу ни перемещаться в мановение ока, не летаю, не плаваю подобно рыбе под водой, много чего я не могу, но зато я знаю тех, кто может и кто найдёт твою красавицу, где бы она ни была. Ты поможешь мне, я помогу тебе. Молви, согласен?

– Я согласился бы, коли был бы уверен, что ты не обманешь, но ты такой юркий прошмыга! – сказал я.

А он засмеялся:

– Это верно, – сказал Миравасор, кивая. – Но сейчас я не лгу. Хочешь, теперь же, пойдём вместе на берег, я позову того, кто правит всеми морями и любыми водными пространствами, он поищет сам и созовёт прочих, кто много где бывает и видит. Есть такие, кто умеет становиться невидимыми и неслышимыми, кто может очутиться в любой точке Земли в один миг. Если Орсег, повелитель всех вод Земли не найдёт её, отыщет кто-нибудь другой. Я буду не я, ежели не отыщется твоя зазноба в самое ближайшее время. Захочет ли видеть тебя, это уж не знаю, тут никто не властен... – он усмехнулся и качнул головой, быстро взглянув на меня. – Но узнать, где она обретается, мы сможем скоро. Сказывай, какова из себя твоя красавица, темна, бела, велика ростом, али мала, стройна али полна, светлоглаза, али черноока?

Я долго смотрел на него, сомневаясь, но, поразмыслив, что терять мне уже нечего, а помочь мне этот хитрый дока, пожалуй, может, коли пообещаю помочь его другу, заморскому царю.

– Какова?.. – проговорил я, раздумчиво, как бы лучше обсказать ему. – А такова Ая из себя, Миравасор, что сам Дьявол охотник за ней.

– За любой красавицей Повелитель Тьмы охотник, – немного побледнев, отозвался на это Миравасор, не глядя на меня и досадливо хмурясь. – И при том зело легко получает их себе в служанки.

– Верно, – согласился я. – Но за нею он охоту ведёт уж много лет, едва царство наше не порушил, ворогов нагнал, нас с братом убил, только чтобы победить её.

Миравасор помолчал недолго, заблестел глазами, после молвил:

– Ишь как... – и добавил: – Ну коли так, что же, оно и проще, не перепутаешь: такую, стало быть и искать станем, что яснее дня, слаще ночи.

Дело оставалось за малым, как и сказал Миравасор мы пришли с ним на берег, он подошёл к самой кромке, но так, чтобы не замочить сандалий, произнёс воде:

– Орсег! Орсег, предвечный Предводитель всех земных вод! Приди, тебя зову я, Миравасор!

Он говорил негромко, но уверенно, уверен, что этот Орсег придёт? Почему, что, Миравасор некий предвечный вождь?

– Нет, – рассмеялся на это Миравасор. – Но именно Орсег меня особенно чтит, я его когда-то ввёл в наш предвечный сонм. Хотя сам тогда был совсем молод.

– Как же ты узнал, что делать? – удивился я.

– А случайно, Арий! Орсег был моим приятелем с детства, и мы как-то перед разлукой решили побрататься, я взрезал ладонь, он – тоже... А когда вернулся я в родные края через многие и многие годы, нашёл его неизменным, да ещё он мне показал, что может под водою как рыба легко существовать, как на суше. Много позже он стал предводителем водного мира, потому что больше никому не под силу так со стихиями морскими обращаться. Так что мы и друзья смолоду.

– А какие тебе подвластны стихии?

– Ну... молнии метать могу, как камни, огненные шары тож. И немного глаза отводить, когда надо.

Что ж, ничего отличительно чудесного, такого, чего я до сих пор не видел или не слышал, вот как Эрик к жизни возвращать никто больше не умеет... Я вздохнул, всё же тоска берёт за сердце в разлуке с братом, хотя я умею мало оглядываться, больше смотрю вперёд, вперёд иду... Эрик... А если Ая тем временем вернулась назад, на Байкал? И почему мне за всё это время ни разу не приснился Байкал? Почему я всё время просыпаюсь так, словно его нет? Будто я из ниоткуда и ничего не оставил позади?..

Меж тем явился из вод Орсег, большой, черноволосый, не по-нашему красивый человек, вышедший из вод так, словно родился и жил в них. Он улыбнулся Миравасору и вопросительно оглядел меня. Миравасор сказал:

– Познайтесь, Орсег, это предвечный Арий, родившийся на берегах Великого Байкала.

Удивительно, но лицо Орсега, просветлело, он даже как-то восхищённо усмехнулся и протянул мне большую тёмную ладонь, он вообще был смугл, темногуб, весь намного темнее, чем мы с Мировасором, хотя тот тоже смуглый человек.

– Арий? Один из братьев, спасших свою родину от нашествия злобного племени, собранного самим Предводителем врагов человеческих? Я слышал... Много звону прошло по земле о вашей битве, геройстве и гибели. Так жив ты. С воскрешением, – он пожал мне руку горячей ладонью, даром, что из воды вышел.

– Воскрешение заслуга не моя, брата, – сказал я.

– Вся победа общая ваша заслуга, Арий. И брат тебя из-за Завесы вывел не для тебя, для себя, ему без тебя невоготу, полагаю. У близнецов бывает такое, – сказал Мировасор. – Вообще вы явление удивительное, среди предвечных нет больше братьев или сестёр, вообще кровных родственников нет, если только через тыщу поколений, но кто тех считает...

– Потому вдвоём они великая сила, – подхватил Орсег.

– И людского в них больше, похоже, чем во всех других предвечных, – сказал Мировасор. Орсег не придал большого значения его словам и спросил:

– Так зачем позвал, Мир, обычно не зовёшь забавы ради, али для редкого знакомства?

– Красавицу одну отыскать надоть, Орсег. В твоей воле самая могучая земная стихия, самая обширная и вездесущая, разошли подвластных тебе, пусть отыщут предвечную, равной которой нет ни среди смертных, ни среди бессмертных, на всём свете ни красы такой, ни прелести, ни милоты и ясности больше нету, как в ней. Глядит – освещает целый свет, молвит – сердце радуется, как лучу солнечному, ступит – трава не пригнётся, а расправится, цветы зацветут, рукою поведёт – бабочки летят, птицы щебечут и песни затевают, гнёзда вьют... Тёплый дождь весенний, животворящий, свежий ветер в зной, роса на сухую траву, тепло земли и солнца замёрзшему сердцу. Одна такая на весь свет... Отыщи, Орсег, обещался я.

Орсег долго смотрел на меня, немного изменившись в лице, будто оценивал, будто размышлял, потом качнул головой.

– Слыхал я о чуде Байкальском, – сказал он, уже отвернувшись. – Сама Красота и Любовь. Но... Знаю, что пропала она бесследно. Никто не слыхивал и не видывал много времени. Среди живых ли ещё?

– Она жива, – сказал я уверенно. – Я знаю.

Тогда Предводитель вод земных усмехнулся, кивая:

– Ну... ежли знаешь, тогда найдётся. Где бы ни схоронилась, как бы ни пряталась, но до вод, егда дотронется, в море или реку войдёт, хотя бы ступит ножкою али отразится, я узнаю и доложу тебе, где бы ты ни был. Вот только... – он опять быстро взглянул на меня. – Коли не изволит, везти к тебе не стану, не обессудь, быть может, не хочет знать тебя чудная красавица, волшебная Аяя, Селенга-царица, неволить – это не по моим правилам.

– Не делай ничего, только найди. Найди! – неожиданно прорвавшимся фонтаном горячо воскликнул я.

Орсег посмотрел на Мировасора, тот усмехнулся, пожав плечами, и сказал:

– Не гляди, Орсег, сам изумляюсь, чудно...

Воодушевленный обещаниями двух предвечных, неожиданно встреченных мною, я на следующее же утро сел на корабль и направился на юго-запад через море, в страну, которой неизменно восторгался Мировасор, говоря, что она древняя, как сама Земля, что народов в ней величайшее множество, но правители пришли совсем недавно, около сотни лет назад и были они с голубыми лазоревыми глазами, как мои, светлыми волосами, и божественностью, и силой своей покорили и объединили местные народы, возглавив царство Кемет, или Чёрную Землю, а ещё они называли её Землёй Птаха, так звали первого царя, теперь же на троне был его внук...

Теперь на троне Кемета был Кратон, правящий сильной рукой, ещё молодой, ему было тридцать шесть лет, его царица, мать его единственного сына Кая, и шести дочерей, умерла несколько лет назад, и с тех пор наследник, который в ту пору только начал превращаться из несмышлёныша в подростка, стал дерзок и неуправляем. Теперь царевичу шёл двадцать первый год, и глядели они с отцом как братья: оба высокие, стройные, длинноногие, здесь, в жаркой стране, за одеждой тел не скроешь и все достоинства и пороки были видны всем. Было в этом что-то бесстыдное и в то же время неподдельное, настоящее, как почти нескрытая нагота, казалось, и все чувства так же выступали наружу.

Страна Кемет выросла на берегах великой реки, как некогда наш Байкал на берегах Великого Моря, так и здесь, вся жизнь шла на берегах Великой Реки Нила. Он нёс и воды, и плодородные земли, разливаясь весной. Богатая и жирная страна, она появилась так давно, что никто не помнил, откуда и когда пришли и первые Боги, все сплошь звери, многих из которых, я не видывал раньше нигде, и не встречал даже в книгах. Их называли, например – Себек и Таурт, а сутью были они крокодил или бегемот. Поклонялись этим Богам с таких древних времён, сколь существовала великая страна. И иных Богов было предостаточно, в отличие от нашего Байкала, где помимо Солнца и Моря, между которыми разделяли весь сущий мир, никаких иных Богов не признавали.

Мировасор приехал к царю как желанный гость, Кратон встретил его улыбкой, но не объятиями, которые были бы, на мой взгляд, вполне уместны, так сделал бы любой, будь он царь, предвечный, хоть кто, если бы встретил давнего друга. Но здесь всё было иначе: величественные постройки под стать тем, что были в нашем царстве некогда и оставались, когда я уходил ещё в Авгалле и даже Паруме, сочетались в этом удивительном царстве с таким же величием царей. Царь был почитаем как сам Бог на земле, земное воплощение Бога Солнца, а кто может касаться самого Солнца? И до кого снисходит Солнце в своих прикосновениях? Оно может ласкать любого, кого ему вздумается, но люди, кто бы они ни были, не должны приближаться к Солнцу. Всё здесь было устроено под стать: царь велик, он над всеми, а потому объятия, даже рукопожатия между царём и любым человеком были невозможны. Вот как высоко взлетели местные цари, интересно, падать не боятся?..

– Не побояться, не твоя печаль, – усмехнулся Мировасор, когда я заметил ему это в то время когда мы в сопровождении почтительной стражи и множества услужливых рабов шли по длинным темноватым коридорам дворца, где гуляла прохлада благодаря, толстым стенам, полумраку и высоченным сводам, такие были только в древних Байкальских дворцах, таких я не встречал больше нигде. – Их страна существует так долго, что устоит, что бы ни происходило. А будут править потомки этого царя или иного, разве это важно? Каждый царь лишь наместник Бога на земле, но не сам Бог, царь умирает, приходит новый на смену, как часовой.

– Часовой... сравнения ты находишь для царей, – хмыкнул я.

Он лишь посмотрел на меня, усмехнувшись:

– А ты, я вижу, хоть и считаешь зазорным лишний раз выю склонить, чересчур к царской крови благоговеешь. Или же ты... Ты сам царской крови? – догадался он.

– Ну так, и что? А ты?

– Я?! – Мировасор засмеялся. – Нет, Арий, я плотника. А Орсег – сын купца-морехода. Я не знал до сих пор ни одного предвечного царской крови. Ты что же... и правил?

– Нет, полагаю, предвечные не должны оказываться на тронах.

– Поэтому-то я так удивился твоему происхождению, – кивнул Мировасор. – Что, даже законный сын царя?

Я кивнул, не понимая такого большого удивления. Но он объяснил:

– Царская кровь сама по себе отличительна от простой, царь во всём не равен обычным людям, он не предвечный как мы, но царь отличительный человек. На нём длань Божья. Нельзя убить царя, если это не честный бой двух равных, нельзя смотреть на царя как на простого

смертного, с царя большой спрос, потому и поклонение ему. Не зря царь – земное воплощение Богов, он как посредник между высшим и обычным миром. А ты и предвечный и царь по рождению... Это... по меньшей мере, ещё одна отличительная твоя черта, помимо редкой учёности, и ещё более редкой живости души среди нам подобных.

Я даже остановился.

– Странные ты вещи говоришь, Мировасор.

Мы стояли у дверей покоев, которые были отведены мне: высоченные в два человеческих роста резные двери с изображениями Богов Солнца и горделивых стройных кошек, Бастет, как символа ещё одной большой здешней Богини, покровительствовавшей домашнему очагу. Многочисленных местных Богов мне пришлось выучить ещё по дороге сюда, пока мы переплывали местное море.

– Да нет, Арий, поверь, я много путешествовал за свою длинную жизнь и очень много видел, встречал и предвечных, и все они были похожи на меня: немного холодны, отстранены, и очень редко, даже никогда любопытны или жадны до жизни. Ты не похож на других предвечных, – сказал Мировасор.

– И я был такой как ты, – сказал я.

Он долго смотрел на меня, но не сказал ничего, а после тронул меня за плечо со словами:

– Отдохни, Арий, Кратон ждёт нас на вечернюю трапезу, где будет и его сын Гор, присмотришься, как следует к нему, попробуй найти в его душе то, на что ты, такой человечный и в то же время великолепный, смог бы подействовать, чтобы убедить его принять жребий, выпавший ему по воле судьбы.

Я согласился, как согласился ещё раньше сопровождать его в этом путешествии в надежде, что Орсег или иной кто найдёт Аяю, ежели я не смогу.

Покои, предоставленные мне, были великолепны: здесь было несколько обширных помещений, объединённых вокруг своеобразного затененного внутреннего двора, где журчал фонтан или бассейн из белого удивительного камня, подобного которому я не видел у нас, с чистой голубоватой водой, как самым ценным достоянием этой страны, ибо даже злата здесь было больше, чем воды. Великая река была их артерией, сердцем и всем, вокруг чего здесь существовала жизнь. Утварь, кресла, многочисленные лежа, столы и столики, уставленные яствами, напитками и цветами, всё было самой изящной работы и отделано или покрыто золотом. Здесь вообще ценили золото, как воплощённые следы Бога Солнца на Земле.

После отдохновения, сна, прохладительных напитков самого удивительного вкуса и свойств, неведомых мне до сих пор, я, одетый уже в подходящие белоснежные рубашку до пят, плащ, ибо штанов почти не носили здесь, удивляя меня голыми своими лытками, и обутый в сандалии с ремешками из мягкой и тоже золочёной кожи, причёсанный, думаю, потому что чесали меня несколько девушек с гребнями кряду несколько часов, даже пока я спал, вот такой, уже подходящий здешнему великолепию я вышел в коридоры, когда явились звать меня на вечернюю трапезу и сам Мировасор, преображённый подобно мне, тоже догнал меня в коридорах.

– Ты хорош собой Арий, – сказал он, чуть ли не с удивлением, оглядев меня. – Усталый и исхудавший до сих пор ты не глядел таким ладным.

Меня не очень волновало его мнение о моей наружности, как вообще давно не интересовало, красота ничего не приносила в мою жизнь, но, возможно я так считал оттого, что не утратил её... Мы явились в трапезный зал дворца, огромный и даже гулкий, где кроме нас, присутствовал только царь и его сын, ну, если не считать рабов, бесшумно и незаметно сновавших с золочёными блюдами, на которых они приносили яства и самые удивительные из местных плодов и самые обыкновенные блюда, вроде сваренных в меду круп и мяса.

Царевич, которого здесь так не называли отчего-то, а звали лишь сын царя, или наследник, Гор, теперь я его разглядел лучше, был светел лицом, белокур, даже золотоволос, и глядел

живым светлооким взглядом, не скучая, как положено сытым царским детям. Надо сказать, что местный обиход при всех отличиях был во многом схож с нашим, я освоил его, по наущению Миравасора ещё до того как мы отправились в дорогу, поэтому мне было несложно овладеть им.

Мы трапезничали, притом царь Кратон, или как здесь было принято называть царя, фараон, много и оживлённо рассказывал о своей великолепной стране, о Ниле, о том, какой необыкновенный благословенный край оказался в его руках. У меня даже появилось ощущение, что он восхищён, словно получил необыкновенный подарок в виде этой страны и не может нарадоваться на него. Но что удивляться, Кемет, или как сам фараон называл свою вотчину, Кеми, была и вправду удивительной и изумительной страной: среди жары пустыни она цвела и благоухала по милости Богов, поместивших в её сердце громадную и прекрасную реку, и благодаря трудолюбию и упорству здешнего народа.

– Ты, Арий, заморский житель, как ты нашёл наш Кеми? – улыбаясь, спросил Кратон.

Он восседал на возвышении, потому что даже за общей трапезой царю не следовало снисходить до простых смертных. Наши цари никогда не заносились настолько, но здесь меня это почему-то не волновало и после первого невольного удивления, я перестал об этом думать и даже замечать.

– Великолепнее и красивее только моя собственная родина, твоё величие, – ответил я. – Меня изумляет и восхищает, что твой благословенный народ, великий царь, отнял у жестокой пустыни и земли, и тепло, выращивает богатые урожаи и процветает много веков.

– Да страна эта существует вечные века, мои предки пришли сюда не так давно и помнили ещё то, как шли дремучими лесами, горами, скалами, преодолевая многие вёрсты, прежде чем нашли себе здесь дом.

– Это только доказывает стойкость и мудрость твоих предков, твоё величие, – сказал я.

Он улыбнулся, и посмотрел на Миравасора с неким, как мне показалось удовлетворением Гор, лишь усмехнулся в золотистые усы, не посмотрев на меня. Его отец заметил это и произнёс:

– А вот мой сын не согласен, Арий-чужеземец, ему представляется, что где-то существуют страны и веши прекраснее нашей.

Я улыбнулся, глядя на юношу, ещё не пережившего даже первой молодости и сказал:

– Юности свойственно всё подвергать сомнению, твоё величие. Это не значит, что неправы они или мы, это значит, что юные должны идти дальше своих предков, в этом и смысл их пришествия в мир, если бы не это, мир остановился бы и, замирая, загнил болотом, ведь даже ваша Великая Река новая каждую весну, чего же ты хочешь от нового поколения?

Вот на это уже и Гор сам посмотрел на меня немного удивлённо и сказал:

– Так ты не считаешь меня слабоумным идиотом из-за того, что я хочу увидеть мир и убедиться, что Кеми лучшая на всём свете? Что не верю на слово, что лишь хочу увидеть своими глазами...

Голос у юного царевича был приятный, ясный, без капризных ноток, а взгляд сразу оживился, зажёгся искорками.

– Любознательство качество похвальное, а не постыдное, говорит о живости ума и богатстве души, – ответил я. – Чем больше человек видел и знает, чем больше размышляет, тем больше может, тем он сильнее, тем мудрее будут его решения. Для будущего царя нелишни ни знания, ни широта взглядов.

– Так ты считаешь, Арий-чужеземец, что мы должны перестать препятствовать нашему сыну в его желании путешествовать? – спросил фараон, хмурясь.

– Суди сам, твоё величие, – сказал я. – Я обошёл полмира, но нигде не нашёл земли прекраснее моей родины. Пусть твой сын убедится в том же и станет лучшим царём, когда

придёт его время, чем, если ему будет всю его жизнь казаться, что его заперли и в чём-то обманули. Это поможет ему быть счастливым и сильным правителем.

– А ежели он погибнет в этом путешествии?!

– Боги не попустят этого. Не для того они дали ему живой ум и неугомонное горячее сердце, чтобы просто погубить его.

– И своего единственного сына ты отпустил бы так же легко? – спросил Кратон.

Если бы у меня был единственный сын... Я не знаю, как бы я жил, как поступал бы, если бы у меня была короткая человеческая жизнь и всего один сын, это совсем иное, и я не знаю, как это. Я не дорожу временем, оно имеет иной ход для меня, чем для смертных, я не дорожил детьми, потому что всех их я пережил много раз, я ничто никогда не ценил, кроме Байкала, моего брата и Аяи, ничто иное мне не было по-настоящему дорого...

– Я не знаю, твоё величье, на моём челе нет короны, но, как и ты, думаю, я дорожил бы единственным наследником, но на месте юноши и я хотел бы увидеть мир, а на месте отца, как и ты, беспокоился бы и страдал в разлуке. Лучше скрепить сердце и подождать, покуда твой сын возмужает в путешествии и юношеский пушок на его щеках сменится суровой мужской щетиной.

Фараон и его сын опустили головы, каждый задумался над моими словами, для обоих они, возможно, были слишком дерзки, но лукавить я не собирался, думаю, Миравасор не для того привёз меня сюда через море. Впрочем, я всё же не понимал, какую же цель он преследовал, потому что всё, что я говорил, мог сказать и он сам, в этом не было никакой особенной мудрости или сокровенных знаний.

Но после Миравасор сказал мне сам:

– Ты прав, Арий, всё это я говорил и сам Кратону и не раз, но он знает меня много лет и мои слова ни ему, ни Гору не представляются кладезем мудрости, а ежели это говорит иной человек, да ещё чужеземец, мудрец, рекомендованный мною, каждое слово весит больше, чем гора. Вот для этого я призвал сюда, особенно хорошо то, что ты сам царской крови, только такой человек способен без трепета говорить с царём.

Мы были в моих покоях, во внутреннем дворике, струи воды приятно журчали, лаская слух, пахли прохладой.

– Пора мне возвращаться домой, Миравасор – сказал я.

– Орсега с его вестями не станешь дожидаться? – спросил он.

Я взглянул на него, кивнул:

– Хорошо, ты знаешь, как подействовать на меня, слабака, останусь ещё, ежели твой старинный приятель Кратон не прогневется на дерзость моих речей и не прогонит.

Миравасор засмеялся, хлопнул меня по плечу:

– Не прогонит, он умён, куда мудрее нас с тобой, живущих так долго, у него не было времени стать таким умным, но он стал им, он оценил твои слова и то, как они подействовали на Гора.

Я лишь махнул рукой:

– Да как, я слышал, корабли снаряжают в путь.

– Да, но теперь царский сын намерен вернуться, а не как прежде, лишь бы сбежать и не быть царём.

– Ты уверен, что он согласится теперь со своим жребием?

– Нет, и тебе лучше бы поговорить с ним как-нибудь.

Я усмехнулся:

– Я попрошу его отвезти меня на восточный берег. Ну, а по дороге, ежели захочет, услышит мои речи. Двум царевичам всегда есть, что сказать друг другу.

Миравасор засмеялся:

– Что ж, будь, по-твоему. Но пока ты не отправился на свою родину, я хочу познакомить тебя с одним здешним предвечным. Он здесь живёт уже пару веков, переезжая, как все мы вынуждены делать, теперь вот здесь в жрецах оказался.

Через несколько дней мы прикатились с Миrowасором к большому храму, посвящённому тому самому крокодилу Богу Себеку. Статуи крокодилов, статуи людей с головами крокодилов не только приветствовали нас перед входом, но и сопровождали во всех прохладных гулких коридорах и во внутренних двориках. Толстые колонны, уходящие ввысь, были по здешнему обыкновению испещрены письменами, которые читал и записывал тот самый давний знакомец Миrowасора, когда мы явились сюда. Он обернулся к нам, и его короткие белые от седины волосы, умное и спокойное лицо с большими голубыми глазами, вся его довольно крупная фигура, показались мне странно знакомыми.

– Познайтесь, Арий, это Викал.

Викал изумлённо смотрел на меня, спустившись с лесенки, на которой сидел.

– Арий? – он смотрел на меня так, словно я, по меньшей мере, был пришельцем с того света.

Миrowасор тоже удивился тому, как Викал смотрел на меня, а я всё силился вспомнить, почему я знаю его лицо и даже имя.

– Отчего ты смотришь с таким изумлением? – спросил Миrowасор.

– Ты... Скажи, ты откуда, Арий? – спросил меж тем Викал, разглядывая меня как настоящую диковину. – Ты не поверишь, Миrowасор, сколько я слышал об этом человеке, как и о его брате, но не видел ни разу. Правду сказать, его брата, должно быть, под именем Сил Ветровой скрывался именно он, Эрбин, я всё же узнал, перед тем как навечно покинул Байкал.

Тут я всё и вспомнил, Викал был тем самым книжником, учителем Аяи и Марей в те времена, когда Марей был ещё мальчиком-царевичем, и я издали видел его несколько раз, когда приезжал в Авгалл. Так он был предвечным...

– Так вот куда занесло великого Байкальского брата, – усмехнулся Викал. – Удивительно не то, что мы встретились, а то, что этого не произошло в те времена, когда я жил на Байкале, всё же на берегах Великого Моря я провёл добрых три с половиной столетия, переезжая из города в город. О, Миrowасор, то благословенный край, ты и представить не можешь! Ты так и не решился отправиться посмотреть, – усмехнулся он Миrowасору.

Но тот лишь покачал головой:

– Больно далеко, да и холодно там по рассказам вашим.

– В холоде-то и уму легче работается, живее.

– Рассказывай! – со смехом отмахнулся Миrowасор и посмотрел на меня. – Вот, Арий, Викал – человек, обладающий необычайной памятью, кладёшь всевозможных знаний, каких и ты, думаю, не накопил. Впрочем, как я понял, ты не копишь, ты ими оперируешь, из знаний прежних создаёшь новые.

– Когда я покидал Байкал, Силу Ветровею, сиречь, Эрбину грозила опасность, как и всему царству, как он выпутался? Или ты сам давно покинул родину? – с интересом спросил Викал.

– Давно, уж более сотни лет, – сказал я.

– А ты знаешь, что тутошний фараон прямой ваш потомок, пришелец с Байкала? – усмехнулся Викал, провожая нас в свои покои, тоже великолепные, как и мои во дворце, даже более, потому что здесь было множество полок с книгами. – Птах, дед Кратона, сегодняшнего царя, ещё помнил его, Эрбина, как тот вёл их с Байкала. Его отец, Рикор, последний Байкальский царь и тот, кто родился и вырос уже вдали от Великого Моря, изгнал Эрбина восвояси, чтобы стать единоличным правителем, не таким, какие были все при Эрбине.

Вот это я слушал с изумлением, я ничего не знал об этом, Эрик вывел людей с Байкала? Почему? Куда они шли?

– Ты ничего не знаешь? – удивился Викола, принимая кубок с душистым вином из рук раба, как все здесь голого по пояс и с белым полотнищем на бёдрах.

Мы все уже восседали на тонкой резной работы лавках и стульях со спинками, тоже резными, украшенными не только замысловатыми рисунками, но и вставками из золота, оникса и удивительного голубого стекла.

– Не знаю, чего? Для чего Эрбин повёл людей с Байкала?

– Как для чего? Как и всегда, люди идут за лучшей долей. Там у вас... нехорошее что-то было, Арий, потоп что ли случился или ещё какая напасть... А ты не знал ничего? – усмехнулся Викола. – Получается то давно уж, сто лет прошло, а то больше... Вот так всегда у предвечных, вдаль глядят, а что под носом делается, не видят.

– Ты сам-то откуда будешь? Что с твоею родиной? – спросил Мировасор, отбивая за меня его насмешки.

– С моей? – непринуждённо усмехнулся Викола. – Если бы ты мне ещё напомнил, где она есть, моя родина... Я помню всё, но я не помню ни моего детства, ни отчизны, ни родителей. Я человек без корней, потому мне легко на земле, не как иным, вечная жизнь и канаты привязывают к родной земле, вот мука...

Меня почему-то разозлил он, хотя, что ж, «почему-то» – в нём была обычная манера предвечных подшучивать свысока.

– Я под носом, может статься, многого не заметил, но ты под своим носом куда больше не разглядел: не понял, что предвечную учил наукам разным, – сказал я.

Он нахмурился, глядя на меня, перестало усмехаться.

– Я учил предвечную? Ты о ком это? – прищурившись, спросил Викола, хмурясь.

Вот тут пришла моя очередь с удовольствием насмехаться над ним.

– Вот видишь, Мировасор, как легко подшучивать над прочими, когда сам слеп и глух, да ещё и непроглядлив, – смакуя каждое слово, сказал я. – Он обучал предвечную наукам, каждый день видел её, такой весь мудрый, такой прозорливый, а в девочке, которая бегала к нему и его книгам каждый день, как никто другой во всём Байкале, так и не рассмотрел ничего особенного.

– Аяя?! – у Викола от изумления вытянулось лицо, он выпрямился, переставая сидеть развалясь, и даже побледнел, вся его спесь улетучилась разом. – Ты... уверен?

Я расхохотался. Вообще-то от радости, наконец, я нашёл не просто предвечного, а того, кто знал Аяю сам, а не понаслышке. Наконец, есть тот, с кем я могу поговорить о ней, а нет просто поведать...

Мировасор с интересом наблюдал за нами.

– Аяя... так она тогда не сбежала, и не умерла... А... в день свадьбы Маррея-царевича чудеса творились над скалистым лесом, это... она?

– Я не знаю, когда была свадьба Маррея-царевича, – скривился я.

Да, он знал Аяю, но он знал её рядом с Марреем, моим навеки мучительным воспоминанием. Пока все, кто знал Маррея, не уйдут за Завесу, он будет словно живой и это продолжит изводить меня.

– Свадьба была на Осеннее Равноденствие через полтора года, как она пропала из Авгалла. От ревности и разочарования в тот день она кудесила с погодой? Арий, если она такое может, она равна Богам, даже вон, Мировасор, не может сделать с небом того, что произвела она в тот день, и что после творилось с погодой всю зиму и весну, – серьёзно сказал Викола.

Серьёзным стало и лицо у Мировасора, он даже побледнел.

– Что было? – спросил он, выпрямляясь.

Мы с Виколом посмотрели на него, и, переглянувшись, рассказали, дополняя друг друга о той страшной зиме, что последовала за посвящением Аяи в предвечные, но я при этом был

убеждён, что ничего она нарочно с погодой не делала и ничего такого не может, просто совпадение.

Но Викал покачал головой, а Миравасор и вовсе как-то приуныл.

– Нет, Арий, в нас силы Земли и Неба над нею, наши душевные переживания, наше счастье и радости собирают и разгоняют тучи, если в нас достаточно Силы. Ни от чего не изменяется внезапно погода. Я много изучал, никто и никогда не видел и не слышал, чтобы при посвящении происходило такое, как было в тот день, – сказал Викал.

На это мне нечего было сказать, я не видел посвящений других предвечных, что было в наше с Эриком, я не мог помнить, но, действительно, никаких суровых зим или иных погодных странностей не было после. И всё равно я не верил в то, что ужасы той зимы происходили из-за Аяи.

– Долго она болела после? – спросил Миравасор, хмурясь.

– Долго, и тяжело, я сам удивлялся. И Нечистый явился в первые же дни за ней... – растерянно проговорил я.

– В первые дни явился? – удивлённо проговорил Миравасор. – Она ещё не сделала ничего этакого?

Теперь Миравасор и Викал переглянулись.

– Он не приходит за всяким, – проговорил Викал.

– Он знает, кого сманивать к себе раньше всех, раньше самого предвечного оценивая его Силу, – отозвался Миравасор.

– Он раскрыл бы в ней Силу быстрее, чем положено, как насильно разворачивают лепестки у бутонов...

– Неужто сманить не смог? Как она устояла? Как она могла устоять? Против Него зрелый-то редко устоит, и то небывалая душа должна быть, а девчонка... Как это может быть, Мир?

Миравасор долго смотрел на меня и сказал, наконец:

– Из-за него устояла, – он кивнул на меня. – Верно, Арий? Любила тебя... Дар любви – большая редкость для предвечных. Мы легко внушаем любовь, но кто из нас способен испытывать её сам...

А Викал проговорил задумчиво.

– Всё же я не могу поверить, что Аяя... она такая, Мир, ты бы её видел... маленькая, хрупкая девочка... Марей-царевич во всём Байкале не выбрал бы лучше, красивее, толковее, и они были счастливой юной парой. Но почему и куда же она вдруг подевалась? Была бы царицей...

– Не могут предвечные садиться на трон, такого никогда не было и не будет, не для того Сила вливается в нас, чтобы мы захватывали власть.

– Потому всё и сложилось так, как сложилось, – проговорил я, мне надоело и не хотелось больше, чтобы эти двое обсуждали Аяю да ещё с подозрениями, что это она наслала зиму, погубившую многих.

Миравасор снова посмотрел на меня:

– Воплощённая красота и любовь, так сказал Орсег... Это я ещё мог бы вообразить, но обоюдная любовь, н-да, Арий...

– Расскажи лучше, что ты знаешь о Байкале, – сказал я. – Что за потоп, ты так и не рассказал?

– Я знаю всё только из рассказа Кратона, а он от своего отца, который даже родился через сто лет после того, как они ушли с Байкала, так что всё это превратилось в легенду, я не знаю даже, был ли потоп в действительности... Хотя ты сам – легенда, в которую я не слишком верил, а ты вот он, передо мной.

– И что ты слышал всё же о Байкале? – спросил я.

– Что... Большая вода затопила все города, Море вышло из берегов... Понял я так. А Эрбин, твой брат, увёл людей из ваших земель, и они пришли сюда, влились в местные народы, а ваши цари стали здешними царями. Здесь в те времена как раз оказался момент безвластия, после засухи и неурожая был мор, и прежний царь умер, не оставив наследников, вот Птах и стал первым из фараонов новой династии.

– Где же Эрбин сам?

Викол пожал плечами:

– Он не был здесь, ваши пришли сюда уже без него, должно быть он отправился назад на Байкал. Вы с ним привязаны к родине, в отличие от большинства предвечных, отрывающихся от родной земли ещё в первой молодости.

Глава 7. Гор

В путешествии, в которое я пустился с сыном фараона Кратона Гором, я провёл несколько месяцев, хотя идти от берегов Кеми до противоположных, финикийских, откуда мы некогда отправились с Мирवासором, пути при попутном ветре было не больше месяца, даже трёх седмиц. Но молодой наследник не спешил, наслаждаясь плаванием, живо интересуясь всем, что видел, заходя во все порты, и мне он нравился этим. Он был похож на щенка, игривого и непоседливого, счастливого тем, что ему позволено, наконец, резвиться, как ему хотелось. А ему хотелось познания дальних горизонтов и новых стран, вольного ветра, иных лиц, чудес, различий с его родиной и восторга движения, больше ничего. Отличный выйдет из него царь, и хорошо, что его отец не стал проявлять самодурства и, скрепя сердце, отпустил сына от себя.

Я хотел, конечно, поскорее пересечь море и оказаться на восточном, финикийском берегу, откуда я намеревался продолжить свой путь на восток, назад на Байкал, где произошло в моё отсутствие что-то дурное, что Эрику пришлось переживать без меня и из чего искать выход и спасение, и где был теперь Эрик один. Но надежда на то, что пока я нахожусь на море, Орсегу легче будет найти меня с вестями об Аяе, заставляла меня медлить и сопровождать кеметского царевича, в чём-то ограждая от возможных мелких бед вроде драк в портовых кружалах.

Гор принимал мою дружбу, поначалу с некоторой осторожной приглядкой, всё же я был знакомцем его отца, а всё, что шло от старших, он сейчас принимал почти враждебно, слишком долго отец держал своенравного и бойкого сына в узде. И то, что теперь он был выпущен на волю, скорее заставит его захотеть вернуться и быть царём.

Поначалу он казался мне капризным и избалованным царевичем и он, конечно, был таким, задирал свой короткий нос в самое небо, но как ему было таким не стать в холе и восторге окружающих. Между тем, восторгаться было чем, полагаю, он был смышлёным и живым ребёнком, и вырос в ладного юношу, хорошо образованного и любознательного, что всегда нравилось мне в людях, и за естественной для царевича заносчивостью в нём не было тупой холодности, уверенной слепоты, он был не просто открыт, но распахнут миру, готовый видеть, слышать, усвоить всё, что позволит судьба. Своё предубеждение ко мне он растерял в первые же дни путешествия, когда понял, что я не собираюсь топить его в нравоучениях, и тем паче опекать или придерживать его, что действительно отправился с ним только потому, что мне было по пути, а его корабли лучшие и самые быстроходные на Срединном море, а вели их всё те же финикийцы, лучшие мореходы.

– Сколь лет тебе, Арий? – спросил меня Гор в один из первых вечеров, когда мы с ним оба, не сговариваясь, вышли на палубу проводить солнце на ночлег.

Этот вопрос мне задавали не впервой, и не было ничего сложнее, чем ответить на него, потому что я перестал уже помнить который мне год, потому что годы теперь шли с разной скоростью и весили меньше или больше. Те, что мы провели вместе с Аяей промелькнули как миг, но занимали большую часть моей жизни, а последние полтора года, что я ушёл с Байкала в поисках её после сотни лет ожидания на месте, протянулись, будто были слеplены клейстером и день не отрывался один от другого, но я не мог бы вспомнить ни одного события из их череды.

– Сколь... Ну, считай, двадцать шесть, – сказал я, сам не зная, почему назвав эту цифру, но я выглядел всю жизнь так, это я помнил, до этого возраста я менялся, а после остановился, и больше с виду мне не прибавлялось.

– Ты молод, почему мне кажешься старше?

Его длинные, за плечи, белокурые кудри светились в лучах заходящего солнца золотом, подсвечивая лицо, он был даже немного рыжеватый, вот и брови и борода, и волосы, начавшие

покрывать его юную ещё грудь, золотились. Он напоминал немного Марея, не был, конечно, так изумительно красив, как наш Байкальский легендарный царь, но всё же что-то в нём, гибкая ли стройность, светлая белозубая улыбка, чистая кожа, или живой взгляд серых глаз неуловимо напоминали юного Марея.

– Может, потому что я зазнайка? – ответил я на его вопрос.

Он засмеялся.

– Тогда почему ты мне нравишься? Я не люблю зазнаек.

– Потому что ты сам такой, – сказал я. – Ты сын царя и я царевич. Нам всегда нравятся те, кто похож на нас.

В левом ухе у него покачивались несколько золотых колечек, они позвякивали при его весёлом смехе или энергичных движениях головой.

– Почему ты не правишь? Или тебя тоже отец отпустил путешествовать и увидеть мир? Где твоя вотчина?

Я улыбнулся:

– Отпустил некогда, верно... А вот родину мою я очень хотел бы тебе показать, Гор, только морем туда не дойти, хотя стоит она на Море. Но наше Великое Море окружено землёй.

– Как такое может быть? – удивился Гор. – До любого моря есть путь по воде.

– Ты прав, но из всякого правила есть исключения. Идём ко мне, я покажу тебе кое-что.

– Покажешь? – спросил Гор, не понимая. – Что покажешь? Своё Море?

– Ну да, ты же хотел, я могу показать, у меня есть карта.

Гор охотно последовал за мной, говорю же, славный юноша. Это правда, у меня была карта мною самим составленная, я рисовал её, не имея ни малейших способностей к этому, пролетая над землёй, зарисовывал, не забывая указывать стороны света. Надо сказать, довольно широкую полосу суши на запад и юго-запад от Байкала, которую я обследовал вдоль и поперёк и решил записать и зарисовать в подробностях, всё, что видел. Теперь я мог намного быстрее и легче найти дорогу домой, ведь так далеко раньше я никогда не заходил. Хорошо было бы и береговую линию зарисовать, вдоль которой мы плыли теперь, но с моря этого не сделать, если только не отрываться от звёзд и при каждом повороте корабельного носа записывать, но звёзды светят только ночью, а днём... прибор надо придумать, чтобы точно определять местонахождение посреди бескрайних морей, где много дней не видно берегов. На Байкале мне такое ни разу не пришло в голову, только здесь, когда мы плыли несколько дней кряду, не приставая ни к одному берегу, причём Гор сказал, что их мореходы выходили в такие моря, где берегов нет много месяцев.

– Может, врут ради красного словца? – сказал я, изумляясь.

Он пожал плечами, но, подумав, сказал:

– Да не похоже было, то старый моряк был, и другие, что с ним ходили, подтвердили без удивления, – сказал Гор, задумчиво почесав золотистую бородку. – И на что им было мне врать?..

Он посмотрел на меня с вопросом, словно ища подтверждения своим мыслям о том, что те, кому он верил, не были лгунами. Я в свою очередь тоже пожал плечами и сказал:

– Вообще, неправдоподобных и невероятных чудес в мире намного больше, чем кажется.

Я показал Гору карту, вернее множество, начертанных на отдельных кусках мягко выделанных шкур, чтобы легко можно было свернуть в свитки и носить с собой, не боясь сломать, я сложил их одну за одной, выложив на полу, ибо на столе места для этого не хватило. Гор, задыхнувшись от восхищения, смотрел на это. Было чем восхититься: я сам, глядя теперь, будто его глазами, подумал, как же много я прошёл, как много видел и запомнил...

– Вот это да... – выдохнул Гор. – Сколько же времени тебе понадобилось?

Как я мог сказать правду, что путешествовал больше сотни лет, потому что года я не считаю, а считаю лишь дни без Аяи и их такое множество, что они топят и душат меня?

– У меня есть самолёт, Гор, – сказал я.

Он посмотрел на меня, не понимая ни слова.

– Что у тебя есть?

– Ну... деревянная птица, я на ней и летел.

– И где она? – ошеломлённо спросил он.

– Осталась на восточном берегу этого вашего Срединного моря, через море я лететь не решился.

– Почему? – как зачарованный спросил Гор.

Я засмеялся, тронул его за плечо, тугое, мускулистое, хотя и очень стройное, сухое под тонкой тканью белой рубашки, что была на нём. Он как истинный царевич Кеми ходил в белом, я же, путешественник многих и многих тысяч вёрст, предпочитал чёрный цвет, он лучше прятал кожу от жгучих солнечных лучей, не говоря уже о пыли и грязи, неизбежных в пути, за мной же не ехала целая ватага прачек...

– Шучу я, Гор, разыграл тебя, – негромко сказал я, поняв, что ежели рассказать о том, что я способен летать, то, что ещё тогда придётся рассказать? Готов ли к этому сын фараона Кратона и надо ли ему, юному, знать так много?

На это Гор облегчённо расхохотался:

– Вот ты купил-то меня, хитрец, а я уши развесил, как осёл!

Ну и я захохотал облегчённо. Он нравился мне, как нравился Марей, я ненавидел Марей, Могула, которого я знал, всей душой до дна, и он мне очень нравился, потому что им нельзя было не восхищаться... Но юный Гор, конечно, ни в чём не был виноват, и ненавидеть его, как Марей, мне было не за что, чистый, светлый, любознательный юноша, способный стать таким же царём как был Могул. Впрочем, Марей-царевич стал Могулом потому, что был призван стать великим, выбор был между пропасть вместе с царством или стать величайшим царём.

За это путешествие мы стали большими друзьями с Гором, мы проводили всё больше времени вместе и я, всматриваясь в воды Срединного моря, по которому мы плыли, или как говорят мореходы, шли, всё ждал, что появится всё же Орсег с вестями об Аяе. И он явился, действительно, ровно через двадцать два дня после того, как мы отчалили от берегов прекрасной страны Кеми. На закате, как я полюбил, я стоял на палубе, опираясь на борт, глядя, на горизонт, куда уходил удивительно быстро ослепительный диск солнца, я слышал, как на нижней палубе размеренно гребут вёсла, сейчас стемнеет и гребцы тоже отправятся на отдых, а корабль пойдёт на одних парусах. Здесь, на верхней палубе было просторно, отведённые нам с Гором покои, открытые свежему ветру и в то же время устроенные так, что можно было в любой момент спрятаться и от палящего солнца и от пронизывающего ветра. И вот едва солнце нырнуло в море, а я смотрел на красное небо, предвещающее ветреную погоду на завтра, и вдруг услышал тихий толстый плеск, не как от весла, а вслед послышался негромкий голос:

– Хороший вечер, предвечный, только к утру шторм будет.

Я повернулся на голос, Орсег сидел на краю борта и смотрел на меня, как и в прошлый раз почти голый, тёмный, блестящий, как дельфин, посверкивая зелёными глазами и белозубой улыбкой.

– Домой плывёшь? Токмо смотрю, загогулинами, – сказал он. – Приветсвую, Арий.

– И ты бывай здрав. Скажешь хорошего?

– Без следов пока, Арий, не обессудь, где-то по земле твоя Аяя идёт, совсем далеко от морей даже от рек больших.

Я промолчал, отвернулся, вот куда можно было так схорониться, что даже вездесущий повелитель земных вод не может отыскать столько времени.

– Появится, не кручинься.

Я промолчал, что и говорить, кому я могу поведать бездну своей назола, кто поймёт её? Даже Эрик не понимает до конца...

– Мне сказали, на Байкале беда, знаешь что-то об этом?

– Беда? – удивлённо переспросил Орсег. – Не знаю ничего, но если хочешь...

– Не хочу, – сказал я. – Не хочу знать, что там беда. Но если беда, Орсег, скажи мне.

Я смотрел в его глубокие, светящиеся морской зеленью глаза, Орсег улыбнулся, но весёлых искорок не появилось в уголках его глаз.

– Будь по-твоему, Арий, если узнаю что-то, сообщу тебе. Но ты ведь и так домой собрался.

– Мои концы долги, как бы я не спешил. Но если надо ринуться немедленно...

– Если надо немедленно, я скажу тебе немедленно, – сказал Орсег и прыгнул вниз в воду.

Прошло ещё много дней, прежде чем вернулся Орсег и сказал, что он не знал доподлинно, каков был Байкал прежде, но ему сказали, что воды переполнили Великое Море, и они затопили земли вокруг, что погибли города и сёла.

– А люди... Все? Все погибли?

– То было сто лет назад, Арий. Ваша страна погибла, но люди ушли. Крупицы остались на берегах, из тех, кто не решился на переход в неизвестные дали. Твой брат спас всех, увёл. Да они на берегах Кеми теперь.

– Это я как раз знаю, а вот о том, что столкнуло их с родных берегов, узнал только ныне.

– Знаешь... Тогда чего ты ещё хочешь от меня? Кроме того, что я пообещал о твоей прекрасной возлюбленной? Ежли найду её, где искать тебя, Арий?

– На Байкале ищи, полечу туда.

– Полетишь? – удивился Орсег. – Как это? Сам? До самого Байкала?

Я улыбнулся, глядя на него:

– Не пугайся так-то, есть у меня способность летать, но сам я, конечно, до Байкала не долечу, вот и придумал сделать птицу из дерева. Так что... вот так и летаю над землёй.

– Выдумщик ты, однако ж, на редкость... – покачал головой Орсег, удивлённо и даже как-то обескуражено усмехаясь. – Удивляться устал. Если ты с воздуха не увидел свою потерю... думаешь, я смогу сыскать? Но... – он поглядел вопросительно. – Ежли так хорошо схоронилась, может быть, стоит отпустить её, коли не хочет, чтобы нашли? Ведь не для мести ищешь, можно и отпустить.

Не для мести... не уверен я уже, что в моей страсти не подмешана даже и месть...

Я посмотрел на него, я не был уверен, что Аяя прячется от меня, что вообще предполагает, что я ищу её. Я не уверен, что она знает, что я жив. Но этого я вслух не сказал. Мне уже надоело, что все взяли за правило копаться во мне, удивляясь, пытаться разбирать по косточкам мою душу, чтобы им было проще и понятней, что же я за явление такое...

– Ладно, Арий, я всё понял, продолжу искать для тебя, потому что обещал Миравасору, он не просит напрасно, хотя в твоём случае, мне кажется, он хочет увидеть её сам и понять, что такого в ней особенного. Поразил ты его.

Я почти разозлился, «поразил его», кто бы знал, до чего мне безразлично ваше отношение, ваш ко мне досужий интерес. Удивительно всё же, искал предвечных многие годы, нашёл и кроме раздражения и скуки ничего они во мне не вызывают. Но это потому что беды моей разрешить оказались неспособны, я надеялся на них сильнее, чем полагалось, предвечные всё же люди, не Боги. А если разобраться обычные люди куда ценнее нас, полубогов. Вот Гор обычный смертный юноша намного живее и интереснее. Мы распрощались с Орсегом на сегодня.

Проходили дни и дни, седмицы, плечо к плечу мы с Гором сразились со штормом, который вытряс из нас всех всю душу, и мы, привязанные к мачтам, болтались по палубе, с которой убрали всё, что могло быть смыто в море, и нас бросало из стороны в сторону и поливало волнами, накрывавшими вновь и вновь наш большой прекрасный корабль, который стал казаться крошечной ореховой скорлупкой, вроде тех, из которых мы с Эриком и друзьями делали кораблики в детстве. Мы отплеывались, барахтаясь, и едва проморгав глазами сквозь

залившую их воду, видели новый гигантский вал, надвигающийся на корабль, и снова накрывало нас, опрокидывало в бездну, чтобы опять задрать, подкидывая к небу, как соринку...

Едва мы просохли и перестали трястись от слабости, оценив урон, нанесенный бурей, настал неожиданный штиль, когда паруса обвисли тряпками, а гребцы, измученные непреодолимым в безветрие зноем, начали заболеть, страдая, и отказывались грести. И это стало чуть ли не хуже бури, потому что буря сколь ни была сильна всё же длилась около суток, а проклятое затишье после растянулось на много дней...

Но и это мы преодолели, к счастью, рачительно распределённой воды хватило, чтобы мы не начали гибнуть. Надо сказать в эти дни я не одну сотню раз вспомнил наше Великое Море и понял, насколько оно добро было к нам, ни таких безмерных расстояний, ни злобных капризов погоды не бывало ни разу на нём, чтобы корабли оказывались на грани гибели, как наш...

После того как я узнал, что люди ушли с Байкала, что Эрик оказался один вынужден вести всех, спасать, и он же после подвергся гонению за это спасение от потомков, которые уже не помнили ужаса исхода, я всё чаще думал о нём. Так всегда бывает с вождями и пророками, вместо почитания и восхищения они становятся отверженными и изгнанными своими же детьми, хорошо, если удаётся избежать гибели... Я ушёл, оставив его дома, считая, что он в безопасности, в отличие от меня. Но дом неожиданно перевернулся вверх дном и придавил моего брата, который ни разу за всё время не упрекнул меня за то, что я бросаю его, ни ревности больше не выказал, хотя я видел тоскливую зелень, проступавшую в его глазах, и никогда не обмолвился, чем пришлось ему поступиться за Завесой, чтобы вызволить меня оттуда. Я же был и теперь ослеплён одним – стремлением найти Аю и воссоединиться с ней навеки и никогда больше не выпускать, что бы ни происходило вокруг, это будет вне, а не между нами, я ничего не хочу и ничего не замечаю кроме этого. Тогда я буду способен спасать, думать, рассуждать, создавать, я стану лучшим человеком на свете, лучше смертных...

Но что, если Орсег прав, что, если она не хочет, чтобы я нашёл её?.. Нет! Нет и нет, я убеждён, что это не так, что она ушла с Байкала, потому что думала, что я мёртв. Ведь я и был мёртв. Если бы я знал, что она не хочет, чтобы я её нашёл, я не дал бы Эрику вывести меня из-за Завесы, тогда мне нечего было бы делать на земле... А потому я искал и найду, чего бы мне это не стоило.

Но вот мы были в ночи пути от финикийского берега, и сидели с Гором на нашей верхней палубе, вкушали вечернюю трапезу, весьма простую, конечно, в виде солонины, которую, впрочем, полили обильно соусом с бобами, и запивали всё это вином, душистым и сладким, плещущемся золотом в великолепных кубках синего стекла, и сидели под звёздами в окружении немых рабов, понимающих нас с полумысли, не то, что с полуслова, в колеблющемся свете факелов.

– Арий, я всё хочу спросить, и... – немного смущённо проговорил Гор. – За всё время не решался, вот только теперь, когда мы расстаёмся, я признаюсь... Я подслушал однажды ваш разговор с Мирвасором, ты, правда, ищешь потерянную возлюбленную?

Я с удивлением взглянул на него, он смотрел на меня, блестя глазами, должно быть, думал об этом давно и, наконец, решился спросить.

– Это не очень интересно, Гор. Может быть, лучше расскажешь, почему ты до сих пор не женат? Это необычно для будущего царя. Или ты... не любишь женщин? Я знаю, есть такие, кто... ну...

Гор неожиданно и громко расхохотался.

– Да нет, Арий... Ой, не могу, ну ты насмешил! – задыхаясь от смеха, проговорил Гор, вытирая слёзы. – Я не женат, потому что царицей будет моя сестра, я должен жениться одной из моих на сестёр, а самой старшей, десять лет, вот поэтому пока я не женат...

– Какие дикие у вас обычаи, Боги... – проговорил я.

– Ну... я думаю, это только числиться царицей будет моя сестра, дети родятся от любой наложницы.

– Твоя мать тоже была сестрой отца?

– Нет, с этого всё и началось вообще-то, – Гор перестал смеяться, и подался вперёд немного. – Моя мать была последней из прежнего царского рода, того, что угас до пришествия на трон моего отца. Так вот, всевозможные родичи моего деда по материнской линии затеяли заговор против моего отца, сына чужака, как они называли деда, притом, что фараон Птах был великим царём, первым, кто объединил Кеми, первым правителем всего Кеми. Заговор раскрыли, и с тех пор решено было женить царей только на сёстрах, чтобы не было соблазна у родичей царицы объявить себя достойными трона.

– Всегда найдётся из чего зародить заговор, незачем заниматься кровосмешением, – пробормотал я, на моих глазах столько заварилось всевозможных заговоров на пустом месте, как казалось, что пытаться предотвратить их таким спорным способом, способным испортить кровь всех последующих поколений, было, по меньшей мере, недальновидно.

– Но у меня достаточно наложниц, если ты это хотел узнать. Правда, с ними ужасно скучно, – проговорил Гор, прихлебнув вина. – Не будь необходимо время от времени быть с женщинами, я вовсе не приближался бы к ним.

Теперь пришла моя очередь смеяться.

– Так станешь царём, прикажи учить девочек наравне с мальчиками и будет не так скучно, – сказал я.

Но Гор с сомнением посмотрел на меня:

– Думаешь в этом дело? По-моему женщины просто красивые, ну... мягкие, податливые, с тёплыми руками, а больше толку от них нет.

– Влюбишься, увидишь толк, – сказал я.

– Значит, в любви есть толк, кроме сладости и рождения детей? Какой, Арий? – заинтересованно спросил он, вновь внимательно вглядываясь в моё лицо.

Я пожал плечами, как я могу объяснить это юноше, который никогда не дрожал от любви, что это такое. Даже слепому легче рассказать, каково солнце, он хотя бы чувствует тепло его лучей на своей коже...

– Я не верю в то, что ты говоришь. Все эти поэмы, эти сказки, всё это люди, по-моему, придумывают, – после долгого молчания сказал Гор, глядя в черноту ночи.

– Зачем? – удивился я.

– Что зачем? – не понял Гор.

– Зачем выдумывать то, чего нет? – спросил я.

Он озадачился этим вопросом, потом, отхлебнув вина, посмотрел на меня.

– А ты как думаешь? – спросил он.

– Я думаю, что люди не выдумывают так много о том, чего нет, чего никто не знал. Твоё вожделение, это семя из которого вырастает любовь, просто ты ни разу не бросил его в плодородную землю, рассеивал по холодным камням, вот и не прижилось ни разу.

– Странно то, что ты говоришь... – проговорил Гор. – Со мной так никто не говорит. Отец... он редко снисходил до меня. А прочие только соглашались. Только мудрец Викал ещё рассказывал разные небывалые истории о дальних странах. Книг у него тьма! Да ты бывал у него с этим противным Миравасором.

Я захохотал, вино начало действовать, пожалуй, выпил я лишнего, пора было уже и завершать наш затянувшийся ужин.

– Почему противным?! – спросил я, хохоча.

А Гор посмотрел на меня с усмешкой:

– А тебе будто бы нравится этот высокомерный губошлёп!

– Не-е-ет! – вытирая уже слёзы, выступившие у меня на веках от душившего меня смеха.

- Чего ж спрашиваешь?
- Ох, Гор, с тобой не соскучишься!
- Спасибо, ты тоже парень ничего!..

Вот так мы и просмеялись половину последней ночи, а утром пришли в Арвад, огромный город-порт на берегу. Выходили мы в Миравасором в Кеми из Сидона, расположенного южнее. Здесь мы простились со славным юным Гором, сыном фараона Кратона, будущего царя Кемета, возможно потомка Эрбина или даже моего, кто теперь знал это...

...Да, Арий уехал куда-то, и жёлтая пыль скрыла его от моих глаз на дороге к Сидону. Мне жаль было прощаться, до сих пор ни один человек не говорил со мной на равных, все, кроме отца, который, понятно, говорил свысока, потому что только так пристало говорить представителю Бога на Земле даже с собственным сыном. Остальные же едва глядеть смели на меня. Миравасор не удостаивал меня своими многоумными речами, Викал слишком подбострастничал, хоть и был моим учителем и это, кажется, не должно было быть так, но он слишком старался выказывать своё почтение сыну царя, хитрил и перебирал с этим так, что я стал подозревать его в лицемерии. Но Арий отличался от всех во всём. Так легко, так захватывающе интересно мне ещё не было ни с кем. И вот он покинул меня, отправившись на родину, как он сказал, а я думаю, что всего он мне рассказать не захотел. И про самолёт всё же отшутился, думал я не пойму? Или решил, что сочту его чародеем и стану бояться. Но не в моём характере бояться хоть кого-нибудь... Прощай, Арий, жаль, что ты не захотел остаться со мной.

Глава 8. Пробуждение и море

Чтобы достичь Финикии, как я пообещала Орсегу, нам пришлось преодолеть множество морей и даже океанов. Но мне было безразлично, куда направить нос корабля, а Финикия была прекрасной манящей страной из рассказов Орсега, в чём-то похожей на Байкал, там тоже вся жизнь принадлежала морю. Но их море не было только их, много стран больших и сильных стояли своими берегами на этом Срединном море, но они были главными мореходами.

А пока мы шли вдоль удивительных берегов, не отдаляясь слишком далеко, потому что, во-первых, никуда не спешили, а во-вторых: я хотела рассмотреть и берега, увидеть то, чего никогда ещё не видала.

Оказалось, что я вообще ничего не видела до сих пор. Я помнила один Байкал, по которому мы путешествовали с Огником, тот путь, что мы прошли, покинув родину, я почти не помнила, словно в полусне, без зрения и слуха преодолела его, и что я там записала и зарисовала, не хотелось даже смотреть.

Теперь же я не спала душой, нет-нет, теперь моя душа вновь стала восприимчива к миру. Благодаря чему? Может быть, морю, словно живому, дышащему в лицо, то мощным теплом, то солёными брызгами, то пронизывающими ветрами. Оно приняло меня в объятия, как старый друг и качало в них, защищая. Его тёмно-синие глаза были теплы, они завораживали и не пугали, я не боялась его бездн, потому что знала, там нет страшного, эти бездны полны жизни и у них имеется добрый покровитель. Я не задумывалась, впрочем, что, возможно он добр только ко мне...

Да, Орсег являлся едва ли не каждый день, не уставая, рассказывал о своём чудесном царстве, больше не настаивая на немедленном моём решении. А в один из тёплых и тихих вечеров предложил:

– Ты ведь можешь под водой как я, идём теперь же ко мне в гости, тут, у этих берегов удивительные есть подводные горы, я покажу тебе, они курятся дымом и огнём, ты не поверишь, пока не увидишь своими глазами. А? – он засверкал улыбкой. – Говорить, как обычно под водой мы не сможем, но ты ведь можешь читать мысли, ты всё услышишь в моей голове.

Его яркие зелёные глаза засветились в полумраке неверного света светильников и факелов на палубе.

– Сейчас? – растерялась я.

– А чего же медлить? – он повёл бровями, шрам на одной из них порозовел немного, так, через смуглоту его было вовсе не видно, как он краснеет. – Посмотришь, какие чудеса в моих руках есть. Корону лишь сними с чела, волною собьёт.

...и она унырнула с ним в пучину. Я видел всё, хотел было остановить, уж и рот раскрыл, но Гумир, капитан нашего корабля-дворца, тронул меня за локоть.

– Не утруждайся, господин Дамэ, не остановить Повелителя. Он влюбился в царицу вашу, непременно в жёны её хочет, вот и повёл свои чудесные владения показать. А как же, её-то приданое всё при ней, а его несметных богатств она не видала. Не волнуйся, под водой ничего не сделается с ней, она может в воде, как на суше жить.

– Богатствами обольстить её хочет? – усмехнулся я. – Её этим не возьмёшь.

Гумир лишь усмехнулся:

– Ну, Повелитель Орсег разберётся, чем обольщать невесту. А ты что же, господин Дамэ, виды имеешь на Селенгу-царицу?

Я лишь нахмурился:

– Всяк имеет на неё виды.

– Я не имею.

– Ты старик.

Он засмеялся:

– Не так я стар, как тебе хочется думать, но я умён, и знаю, где ловить рыбку, а где с берега поглядеть.

Я скривился: тоже мне рыбак выискался! Но блестел он молодыми глазами, несмотря на морщины.

– Вот, взгляни туда, – он вытянул руку, указывая куда-то на воду, ещё хорошо видную сейчас же после заката.

И я вдруг увидел, как из воды показалась огромная гора, чёрная и гладкая спина какого-то громадного животного перекадилась над водой, брызнув вверх фонтанчиком, словно выдохнуло, махнула гигантским хвостом с лопастью на окончании, и исчезла, качнув наш корабль.

– Вот такого зверя не станешь ведь ловить простым неводом, господин Дамэ, вот и для Селенги-царицы не всякий невод, не всякий человек.

– Хорошо живётся тем, кто так мудр? – спросил я, сдерживая злость.

– Спокойно, – улыбнулся Гумир. – Ты поймал же Арит, она обожает тебя, что ж ты в сторону глядишь? Не стоит отвергать побед истинных перед мнимыми.

Я больше не стал спорить с ним, таким уверенным и самодовольным в его счастливом спокойствии мудрости и отправился в отведённые мне покои. Арит уже ожидала меня, но, несмотря на все её старания на всю её красоту и прелесть, сегодня мне было тоскливо и тошно. Я не мог перестать думать, что там, под водой, под той водой, где водятся вот эти огромные дышащие спины, теперь делает Аяя, способная дышать там легче рыб...

Утром же за трапезой, куда Аяя вышла с опозданием, я не мог не сказать:

– Успела просохнуть-то?

Но Аяя предпочла не заметить желчи в моих словах и сказала воодушевлённо:

– Да нет ещё, до сих пор косы сырые, – она улыбалась, потрогав себя под затылком, где на спину струились распущенные волосы, медленными волнами. – Тут недалеко целая горная долина под водой и там... – восторг загорелся в её глазах. Что ей моя желчь, она до сих пор ещё во власти своих впечатлений. – Вообразите, Рыбочка, Дамэ, настоящие горы! Но это что, из жерл, что внутри их, широко клубясь, выходит дым! А в самом сердце горит огонь!

– Как же горит-от, Аяя, не пойму, под водой?! – переспросила непонятливая Рыба. Вот на что ей, спрашивается, тот огонь?

– Он не сам горит, как на дровах, он из земли выбивается, как в кузнице.

– Так што ж там за кузница под водой?

– Она под землёй, попоже... Вот говорят, за грехи станешь гореть вечно в адском пламени, это, наверное, примерно такое вечное пламя, что плавит эти горы изнутри.

От этих слов я поёжился, упоминание Ада всегда обескураживают меня, напоминая, кто я такой... Вот умрут они, уйдут за Завесу, может быть, смогут опять родиться, ежели Боги повелят снова жизненные испытания пройти. А я?.. Просто исчезну? Эта мысль не испугала меня, она не впервые пришла мне в голову, но зато вышибла сегодняшнюю утреннюю злость из моей головы.

...Дамэ побледнел, я сразу поняла, что за причина, мы никогда не говорим о том, кто он и откуда, и лишь упоминание, и то вскользь, уже подействовало на него, как удар наотмашь. Он ревновал немного к Орсегу, как брат ревнует сестру, у которой появился ухажёр. И теперь, и впредь он высказывал подобные мелкие шпильки об Орсеге, который, не ленясь, являлся всё чаще.

Это путешествие к огненным подводным горам было только первым, мы плыли с ним, он держал меня за руку, потому что иначе мне за ним было никак не поспеть в упругих волнах его синих владений. Вначале меня поразила громадная глубина, простиравшаяся под нашим кораблём, сколь я могла видеть вниз, дна не было видно, и его не скрывал донный ил, нет, высота, с которой я смотрела, была подобна той, что открывалась при полётах, но больше, так

высоко я не поднималась. На нашем Байкале я никогда не плавала по глубинам и не знаю, каковы они.

Недолгое время мы плыли молча, не слишком углубляясь, а потом Орсег потянул вниз, мне стало давить на уши и пощёлкивать в голове и я сжала его ладонь, приостанавливаясь. Он обернулся вопросительно, я прочла его мысль и ответила на неё. Он улыбнулся: «Сейчас, я совсем забыл» и, приблизился. Положил большие ладони мне на голову по бокам, прикрыв уши, большими пальцами зажал нос, потом убрал их и коснулся век, а когда убрал руки, я стала и видеть ясно под водой и давление исчезло.

– Лучше? – безмолвно спросил Орсег.

Я радостно кивнула, он тоже улыбнулся, и мы продолжили путь, теперь стало совсем легко и даже приятно, хотя вода была холодна, но через горячую руку Орсега ко мне перетекало тепло, и я не мёрзла. Теперь подводное путешествие приносило мне только удовольствие, я перестала думать, что я под водой, я словно летела, как могла когда-то летать над землёй.

Мы вместе подплывали к темневшим вдали громадам, вначале неясным, а чем ближе, тем яснее проступили горы. Настоящие горы, как на суше. Только их склоны не покрывали ни деревья, ни снег, они были голыми, водорослей тоже не было.

– Водоросли пока не успели покрыть их, – сказал Орсег. – Эти горы только что выросли здесь и растут с каждым днём, доберутся до поверхности, станут островами. Гляди, они сами себя строят.

Из вершин гор поднимался тот самый, обещанный Орсегом дым, чёрный, белый, перебегающий, жёлтый. Он клубился, как клубится и на земле, но чем ближе мы подлетали, тем теплее становилась вода, а внутри гор я увидела горячее свечение.

«Там огонь?» – воскликнула я.

«Да, подземный огонь. Он разорвал здесь земную твердь и выходит наружу, плавит камни, они остывают, вываливаясь и вытекая из жерл, и горы поднимаются всё выше».

«Так там, под землёй огонь?!» – изумилась я.

«Конечно. Ты не знала этого?»

Я лишь покачала головой, он улыбнулся очень довольный:

«Много ещё того, чего ты не знаешь, и что я могу открыть тебе», – похоже, он был особенно рад этому обстоятельству.

И оказалось, что таких гор на земле много множество, что под земной твердью, представлявшей монолитом, оказывается, кипит непрерывная работа...

«Всё, что на земле, было когда-то в её недрах, но выварилось наружу», – сказал Орсег.

«Так уж и всё...» – усомнилась я.

«Ладно, не всё, но многое. Земля живая, как живой океан, что омывает и покрывает землю. В ней текут реки лавы, а на поверхности мы чувствуем тепло. Она сотрясается, когда лавы становится много и она ищет выхода наружу, разрывает кору там, где может. Тогда нам кажется, что происходит землетрясение».

«А я думала, это Боги гневаются и потрясают кулаками или топчут ногами, вот и дрожит земля. Ещё у нас на Байкале происходили сотрясения, когда...» – дальше я не смогла говорить, мой внутренний голос пресёкся, и перехватило горло, говорить об Арии и Эрбине, рассказывать спокойно я не могла.

«Ещё сильные предвечные могут трясти землю», – сказал Орсег.

«Я не могу», – сказала я, опуская глаза.

«Я тоже не могу, но есть такие, кто может, ты знала?» – он посмотрел на меня. Я не ответила, мне казалось, что в его взгляде не просто вопрос, а какое-то испытание, как если бы он знал об Арии и Эрбине и том, как сотрясалась земля, когда они вздорили между собой... некому больше сотрясать наш Байкал... даже думать об этом мне больно.

Но Орсег не стал продолжать разговор об этом, он вообще не пытался выведать, что было со мной раньше, будто всё знал или ждал, что я сама захочу рассказать, но прямых вопросов больше не задавал.

После этого путешествия к подводным горам, мы совершали ещё множество, он показывал мне невероятных животных, каких я не только не видела никогда раньше, но о которых даже не читала: громадных, как горы, но при этом дышащих как наземные жители, и других, мягкотелых с множеством щупалец, способных менять цвет и выпускать чёрные облака, прячась за ними, крабов, каких-то невероятных улиток, ползущих по дну звёзд мыслимых и немыслимых расцветок с пятью и с тысячью лучами, а сколько рыб огромных и мелких, разноцветных, светящихся и просто серебристых, быстрых и медленных... Разноцветье подводного мира становилось всё ярче и разнообразнее, чем дальше мы продвигались в тёплые воды, вода светлее, появилось много отмелей, где можно было купаться, наслаждаясь белым песком. Рыб было такое бесконечное разнообразие, что даже сам Орсег не знал их все.

– Да ты что, можно ли такое запомнить, всё равно, что песчинки на берегу сосчитать! – смеясь, сказал Орсег, когда я спросила об этом.

Он показал мне и тех страшных хищников, с которыми бился некогда, и которые наградили его таким множеством шрамов. Теперь он ладил с ними.

– Они давно признали меня, после того, как я, поумнев после сотни-другой таких битв, решил обратиться к ним с речами. Выяснилось, они не говорили сами, но они услышали меня, когда я сказал: «Я с уважением отношусь к вашей древней силе и не стану вторгаться в устройство вашей жизни, но и вас прошу не трогать людей».

– Не трогают? – улыбнулась я.

– Они и прежде нечасто трогали, не нападали нарочно, в море много пищи и без нас, что им человек, и всё же мне хотелось защитить моряков и прибрежных жителей.

Показал мне Орсег и коралловые горы, переливающиеся такой чарующей красотой мира обитающих здесь животных и растений, что не верилось глазам и красок у меня не хватало зарисовать это немыслимое разноцветье. Здесь можно было любоваться переливающимися цветами и оттенками, на которые было способно божеское творение, стайками рыб, морских звёзд, водорослей, мелких, крупных, серебристых, матовых, полупрозрачных, быстрых и медлительных, зарывающихся в песок, или юрко плавающих на мелководье стайками или по одной. А сколько всяких моллюсков в изумительных раковинах я увидела. Если бы я читала обо всём этом, я не смогла бы даже вообразить, потому и стала зарисовывать весь этот восхитительный мир и записывать, давая рыбам, растениям и животным названия, какие приходили мне в голову, ведь до меня никто не удосуживался их как-то называть, Орсегу даже не приходило это в голову. Узнав, что я делаю, он так удивился, долго разглядывал мои записи и рисунки, прежде чем сказал, взглянув на меня, изумлённо, словно увидел в первый раз:

– Я не знаю почему ты это делаешь и зачем, но не сомневаюсь, что написано здесь всё толково и по делу. А зарисовано и вовсе восхитительно, приглядливый у тебя глаз, острый и к тому же, ты даже не бестолково зарисовываешь, как я вижу, в группы их какие-то соединяешь... Не понимаю...

– Чего же? – улыбнулась я.

– В тебе слишком много разного, Аяя, того, что не должно соединяться. Не может быть столько в одном человеке, даже предвечном. Ты внушаешь любовь и желание с одного взгляда, первая же улыбка твоя заставляет грезить о тебе, но с первого слова, что ты произносишь, оказываешься очарован умом, который заключён в тебе. Нарочно, чтобы власть твоя была ещё полнее, – проговорил он, задумчиво качая головой. – Это всё...

– Моя власть? Вот чепуха. Да я обыкновенная, Орсег, но учиться всегда любила больше всего, это правда. А что до басы, так то не моя заслуга вовсе, вот выпало такой родиться, как и предвечной, то ли счастье в том, то ли, напротив, проклятие.

– Счастье, Аяя, для глаз, для любой души такое уж счастье, что и не передать! – выдохнул он. – Но... тут ещё и для ума работа.

– Что, не гожусь уже тебе в жёны? – засмеялась я.

– Кабы пошла, я завладел бы большим, чем обладаю теперь, – сказал Орсег без улыбки.

Это, конечно, было большим соблазном пойти за него, удалиться от мира навсегда, скрыться под толщей благодатных морских вод и в удивительной и величественном мире пребывать всю свою вечность. Но оставить совсем людей, я думала, что хочу этого, но когда представилась настоящая возможность, я поняла, что не могу и не хочу уходить от мира насовсем. Но и не только в этом было дело. Главное, что Орсега, как бы прекрасен он ни был, как бы ни привлекало всё, что было у него, я всё же его не любила. А разве можно идти без любви?

– Ох, и дура ты, Аяя, – в сердцах выдохнула Рыба, когда в который уже раз решила наставить меня на путь, который по её мнению должен принести мне счастье. – Какая же дура, да простят меня Боги за скверные слова! Как и идти? Вот была ты по любви и што, много счастья увидела?

– Только счастье, – уверенно сказала я.

Рыба лишь покачала головой и махнула рукой на меня.

– Ну... хоть ожила и за то подводному царю спасибо, – смиряясь, сказала она.

Мы уже два с лишним года шли по морям и добрались до дальних-дальних южных морей, где, как и на дальнем севере начинались льды и снега.

– Здесь и вовсе чудесная страна, Аяя, – сказал Орсег, когда мы проплывали мимо ледяных гор, оставив корабль на свободной воде, потому что Орсег предупредил, что дальше идти на корабле нельзя, льды раздавят его. А вот сами поплыть мы могли.

– Куда?! – испуганно воскликнул Дамэ. – С ума сошла... Льды, простынешь!

Орсег вскользь взглянул на него и сказал:

– Не волнуйся, не простынет, на то и я рядом.

Дамэ вспыхнул, хотел возразить и, скорее всего, сказал бы дерзость, но Рыба незаметно толкнула его в бок. Это не укрылось от глаз Орсега, и он сказал мне об этом позднее, когда мы уже шли по льдине вдвоём.

– Этот твой раб, этот демон, он ревнует тебя. Он только твой раб или ты из-за него не хочешь выйти за меня?

– Дамэ?! – удивилась я. – Да ты что, Орсег, ты ведь спрашивал уже. Было бы так, разве я не сказала бы сразу?

Он пожал плечами. На мне надета была шуба из шкур морских нерп, но мех был слишком твёрдым и упругим, мешал легко двигаться, однако, позволял плавать и не промокал. И сейчас я повернула голову, но капюшон мешал мне заглянуть в лицо Орсегу. Он сам развернул меня, неожиданно сжав мне плечи.

– Отвечай, Аяя, кто живёт в твоём сердце и не даёт там поселиться мне? – его глаза почернели, как чернеет море, затевая шторм. – Кто он, я теперь же отнесу тебя к нему, коли ты так любишь его!

Я вздохнула, если бы я только могла хотя бы увидеть, хоть раз коснуться его, того, кого я люблю...

– Нет никого, Орсег, не к кому нести... Только в моей душе и остался.

– Нельзя жить со смертью в сердце.

– Можно. Хоть и не жизнь то, а лишь подобие, – я отвернулась, вывертываясь из его рук, но он и не удерживал. – Но в моём сердце нет смерти, Орсег, там просто нет... того, что нужно тебе.

Мы снова пошли рядом по льду, который оказался не белым или серым, как бывал у нас на Байкале или тёмно-синим, потому что через него просвечивали воды Великого Моря, как глаза Эрбина, о котором у меня тоже болела душа, всё же и он стал мне дорог, как бывает

дорог тот, кто прилипает, прикипает к сердцу помимо воли. Так вот, тут лёд был и голубым, светящим из-под снега, и ярко-синим, как небо, но с морским изумительным оттенком. А какие величественные и великолепные формы он принимал здесь! Я сказала об этом притихшему Орсегу, когда мы молча промерили шагами уже версты три.

– О... да, – будто опомнившись, проговорил он. – Я ведь и привёл тебя сюда, чтобы ты полюбила, на какие чудеса способна вода. На вашем Море бывает лёд?

Я улыбнулась и рассказала ему, немного обескураженному и как никогда тихому сегодня, какой лёд у нас бывает на Байкале, как трещит он среди зимы на груди живого дышащего Моря.

– И он такой прозрачный, что сквозь него видно рыб, а то и дно увидеть можно!

– Не может быть этого!

Я засмеялась:

– Вот какой странный ты, такие мне невероятные чудеса показываешь, а в мои чудеса не веришь!

– Верю, что ж, ты не лжёшь мне, – нерадостно проговорил он. – Под стать льдам этим многотыщелетним и разговор наш, а? Так нет надежды у меня?

– Орсег, ты же сам говорил, что спешить некуда... Что же вдруг заторопился? С распросами приступаешь сегодня? В любви и браке тем более, привычка и дружба тоже большое дело...

Он посмотрел на меня с грустью, и не говорил больше, отвёл назад на корабль и не показывался, больше месяца. За это время мы успели повернуть на север и уже шли вдоль большой земли, прекрасной, всё более и более богатой невиданными чудесами, животными и растениями, цветущей. Поистине сказочные животные попадались нам на берегах. Скакали по веткам большим деревьям, похожих на гигантские кисти, и других, увитых одними ветвями без стволов.

Видели мы на берегах и ужасных зубастых тварей, похожих в воде на плывущие брёвна, они едва не перевернули лодку, что направилась, было к берегу, набрать чудесных фруктов, о замечательном вкусе которых были хорошо осведомлены мореходы, а нам, байкальцам, они были в новинку.

Но видели и других: огромных, как серые скалы с двумя хвостами, один как положено сзади, второй же спереди посреди рыла. Но будто этого Творцу было мало: он поместил по сторонам громадного лба здоровенные уши, похожие на громадные лопухи, которыми зверь обмахивался, как опахалом. Когда же из хвоста на голове, чудной зверь издал приветственный рык, похожий на звук трубы, мы поняли, что это не хвост никакой, а нос.

– Нос, верно, госпожа Аяя – сказал Гумир. – Подобных же зверей мы видели в большой и величественной стране, что далеко на полдень от вашего между громадными горами и океаном.

– В ту страну хаживали наши купцы, – сообразила я. – Привозили необычайной красоты скатные перловины, удивительные приправы и специи, ткани, краски и рассказы, в которые никто не хотел верить.

– Да, госпожа, благословенная жаркая многонаселённая страна.

Мы сходили на берег и увидели здесь иных людей, во всё как мы и в то же время вовсе не похожих: кожа их была черна как ночь, а на головах росли не волосы, а странные кустики. Они испугались нас, направили копья, но напугались и мы и поспешили вернуться на корабль, они же тут же снарядили погоню на лодках, выдолбленных из цельных стволов, но мы повернули в открытое море и они вскоре отстали, их стрелы, что, озлясь, что не могут догнать, они пустили вдогонку, вонзились лишь в двух местах в борт корабля. Но эти чёрные жители большой жаркой земли изрядно напугали всех нас, всю команду, гребцов и моряков, много дней после мы ещё вспоминали их. А когда вернулся Орсег, рассказали и ему, на что он сказал невозмутимо:

– Радуйтесь, что ноги унесли, они рады были бы полакомиться вашим белым мясом.

Мы с Рыбой посмотрели друг на друга и меня, замутило, я выскочила из-за стола, где мы трапезничали, и едва успела подбежать к борту, где меня вывернуло несколько раз. Рыба поспешила за мной, чтобы помочь...

...У меня сердце упало, когда Аяю вытошнило неожиданно после утренней трапезы. Я слишком хорошо представляю, что могут означать такие вот мелкие недомогания. А к вечеру Рыба подтвердила мои предположения.

– Наконец-то, похоже, наша красавица решила жить продолжить, а, Дамэ, што молвишь на то? Может, наконец, мотаться прекратим, во дворце осядем, – сказала она, очень довольно улыбаясь своими толстыми губами.

– Ага, раскатала губы-то! – зло ответил я. – Подводный дворец у дельфина этого. Аяя может под водой, мы-то с тобой нет! Погонят нас, одни скитаться поедём по миру.

– Как это одни?.. – растерялась Рыба. – Ты чего это придумал-от... нешто можно нас прогнать? Как мы врозь-от с нею?..

– Как... детей ему с рыбьими хвостами народит, на што мы? Нянчить?

– Ох, Боги! Что же вы баете-то оба! Как языки ваши глупые не отсохнут?! – слышался Аяин разговор у нас за спинами, а мы сидели с Рыбой на палубе, глядя на закатившееся уже солнце, вернее его след на вечернем небе – оранжево-красный с малиновыми плоскими облачками. – Ни в какой дворец я не собираюсь.

– Как же? – мы обернулись оба с Рыбой, как по команде и оба спросили в один голос:

– А как же ребёночек? Родишь, а замуж не пойдёшь?

Аяя обошла нас и встала спиной к борту, за который мы только что смотрели:

– Вы чего? Какой ребёночек? Откуда ему взяться? Вы совсем уже обалдели от мечты меня замуж пристроить?

– Так ты... А бремя? – Рыба ещё раз хлопнула босыми веками.

– Кто тут с бременем? Может, ты? – рассердилась Аяя. – Перестаньте и мечтать, замуж не пойду я, ни при каком дворе жить вам не придётся, так и будем по свету колесить, пока не смогу на родину вернуться... но никогда не смогу, потому что сердце зарыла там, а в нём столько боли, что в Байкале нет столько воды... Не нравится бродягами быть, не держу, найдёте себе добрее госпожу и подругу.

– Неужто никогда не захочешь к берегу пристать?

– Захочу. Но что один берег, что другой, так хотя бы не думаю всякую минуту, что во мне токмо смерть...

– Смерть... ты што ж говоришь-то? – ахнула Рыба.

– Не я и говорю-от... – тихо проговорила Аяя, потухая. – Орсег так сказал.

– Крепко обидела, знать, довела, – сказала Рыба, приобняв Аяю. И добавила: – Могла бы и... пошто как недотрога опять? Теперь-то пошто? Кому теперь верность сохраняешь? Покойникам? Она не нужна им боле. Жить надоть, касатка, хоронить себя грех, особливо тебе, так и знай...

Но Аяя взглянула через плечо:

– Что ж мне саму себя насильничать?

– «Насильничать», тьфу! – с упрёком проговорила Рыба. – Что уж, рази такой гадкий Орсег, что ты говоришь так-от? Как не стыдно, всей душой человек, а ты ломаешься. Ох, не хорошо, грешно, непраильна!..

Глава 9. Хатор

Насильничать не пришлось, да и не просил никто, Орсег немного обиженный всё же, стал холоднее, чем прежде, словно промерз насквозь в тех льдах, где мы гуляли с ним. Вскоре мы повернули на восток и прошли в узкий пролив в Срединное море, как называл его Орсег.

– Теперь совсем до моей родины недолго, – сказал он.

– Что это за море? – спросила я.

– Если не считать, твоего Великого Байкала это самое густонаселённое странами море. Оно огромное, хотя и ничто по сравнению с океанами, конечно, и природных чудес тут куда меньше, зато на людей сможешь поглядеть. Издревле здесь живут люди.

– Везде, наверное, живут – сказала я. – Сколь земель мы прошли втроём, везде людей видали, безлюдных мест немного.

– Может быть... – проговорил Орсег.

– Ты печален, Орсег, Повелитель морей, уже который день, обижен на меня? Ты знай, вечная исполать моя тебе...

Он быстро посмотрел на меня и не дал договорить, но может быть и хорошо, не то обиделся бы ещё крепче, ведь я хотела сказать, что благодарна, но любви во мне нет, и я прошу оставить надежды и вожеления и отпустить меня. Он ответил раньше:

– Мне не след обижаться.

...Я не был обижен, но почти четыре года я осаждаю эту крепость, уж привыкла она ко мне, как привыкают к удобной постели или светлому дому, не замечая его достоинств, пока не сгорит и не оставит на улице. Не пришла ли пора и мне поступить так же, и тогда, чем не шутит тот самый Предводитель Тьмы, быть может, Аяя пожалеет, что держала меня на расстоянии и позовёт, наконец, сама? А как ещё быть обездоленным, они ищут дом, меня же она уже знает...

Два года тому, как позвал меня Мирवासор и попросил отыскать саму Красоту и Любовь. Мне не надо было ни рассказывать о ней, ни искать её тогда, я уже знал, где она, и сразу догадался, что это один из предвечных братьев с Байкала разыскивает мою чудесную то ли пленницу, то ли повелительницу, я сам ещё не понял и не решил. Но на что он ищет её, когда легенду я слышал о Могуге, затосковав о котором, Аяя и ушла с берегов Великого Моря, и сама она сказала, что смерть любимого изгнала её из родных мест. Или что, этот ушлый голубоглазый хитрец Арий решил воспользоваться тем, что они земляки, а может быть, и в прежние их времена имел виды на чужую невесту и жену? Аяя никогда не упоминала ни об Арии, ни о его брате, что успел целую династию в Кеми привести на трон, а сам вернулся восвояси. Нет-нет, не скажу я тебе, Арий, где Аяя, Селенга-царица, если мне не завладеть ею, то и тебе пробовать я не дам...

А с нею самой стану теперь действовать по-иному, слишком долго на море был штиль, она привыкла, что я мягкотел, как осьминог, так пора стать жёстким и безжалостным как акула. Вот тогда она оценит любовь, которую я дарил ей, захочет вернуть мягкого и добротелого Орсега, захочет моей защиты, моей нежности, и моих объятий, и поцелуев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.